

УД(4/8)
К 90

Э.С.Кульпин

ТЕХНИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
РУКОВОДСТВА
КНР
И РАБОЧИЙ КЛАСС
КИТАЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Э. С. КУЛЬПИН

ТЕХНИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
РУКОВОДСТВА
КНР
И РАБОЧИЙ КЛАСС
КИТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Ответственный редактор

В. Г. ГЕЛЬБРАС

В работе рассматриваются особенности технической, экономической и социальной политики нынешнего руководства КНР, специфика экономического развития этой страны, влияние маоистского политического курса на развитие ее экономики. Прделанный в книге анализ свидетельствует об антинародном характере установок маоистской группировки, которая препятствует использованию достижений науки и техники на благо народа, развитию рабочего класса в политическом, социальном, культурном, техническом и материальном отношении.

К $\frac{11103-189}{013(02)-75}$ 102-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение жизни современного китайского рабочего класса крайне затруднено рядом моментов — сложными качественными и количественными изменениями в рабочей среде, влиянием на состав рабочих широкого спектра постоянно изменяющихся факторов, наконец, отсутствием или неполнотой прямой информации. В этих условиях важно отыскать некоторые постоянные или известные величины, от которых и вести отсчет. Таковыми в каждом конкретном случае можно считать, например, технику и технологию.

Единообразие технологии того или иного производства в разных странах означает неизменность требований к соответствующей рабочей силе. В силу этого обстоятельства сообщения технического характера могут обладать большой информационной емкостью не только в технологическом, но и в социальном плане. Например, сообщение о существовании в данном географическом пункте конвертора с кислородным дутьем определенной мощности позволяет говорить об общем уровне подготовки рабочей силы, минимальном ее количестве на данном производстве, дифференциации по квалификации и характеру подготовки, а иногда даже минимальном уровне заработной платы, минимуме социальных удобств и пр. Сведения об объеме производства какого-либо продукта химического комбината дают в ряде случаев возможность определить наименования и объем многих, а в отдельных случаях всех остальных продуктов, выпускаемых данным комбинатом, и соответственно — минимальную численность и уровень подготовки рабочей силы и иногда минимум социальных условий для ее воспроизводства¹.

Поскольку технический характер труда определяет наличное бытие рабочей силы, постольку данные о про-

изводстве служат одной из самых важных форм информации о рабочем классе. Согласно учению К. Маркса, «мерилом качественного развития рабочей силы и рабочего класса является развитие орудий производства» [см. 2, 191]. Каждому типу производства соответствует определенный тип рабочей силы. Однако определить в каких-либо конкретных условиях тип производства и рабочей силы трудно, так как всеобщей закономерностью развития производительных сил является существование форм промышленности не в чистом виде, а во взаимном переплетении [подробнее см. 22, 49].

Таким образом, требуется специальное исследование одновременно и производства, и рабочей силы для того, чтобы получить представление о количественном и качественном распределении последней в соответствии с хозяйственными потребностями. Однако, хотя именно технический характер труда определяет наличное бытие рабочей силы, дифференциация по производственным признакам еще не может дать полной картины настоящего положения и тенденций развития рабочего класса какой-либо страны. Необходимо также выявление специфических факторов, характерных для данной страны.

Цели настоящего исследования заключались в попытке выявить дифференцирующие и синтезирующие факторы, влияющие на развитие рабочего класса Китая, а затем рассмотреть, хотя бы выборочно, взаимодействие этих факторов в реальной жизни. Эти задачи и определили архитектуру монографии. В первой главе затрагиваются вопросы дифференциации рабочей силы КНР в зависимости от характера производства. Во второй — рассматриваются установки технико-экономической политики нынешнего руководства КНР и их влияние на развитие рабочего класса. В третьей и четвертой — сделана попытка на отдельных примерах показать взаимодействие этих факторов. В то же время четвертая глава — пример попытки конкретного технико-экономического анализа. В ней рассматривается официальный образец китайского пути индустриализации — «золотой мост к коммунизму» — Дацин, иными словами, воплощенная в миниатюре социальная установка нынешнего китайского руководства.

Анализ, предпринятый в монографии, в принципе стал возможным благодаря фундаментальным разработкам

советских ученых-китаистов, посвященным разным сторонам жизни Китайской Народной Республики. В работах В. И. Акимова [13], Г. В. Астафьева [17], Г. А. Ганшина [28], В. А. Масленникова [57], М. И. Сладковского [69, 70] и ряде других были выявлены характерные черты социального и экономического развития Китая. Китайская экономика к моменту создания КНР характеризовалась неразвитостью единого рынка, неравномерностью развития, преобладанием отсталых и архаичных форм производства. Экономическая неразвитость неразрывно связана с общей социальной и культурной отсталостью, незаконченностью процесса складывания единого этноса у самого многочисленного народа Китая — ханьцев. Все это наложило свой отпечаток на политические институты, формы и методы политической борьбы, на степень зрелости рабочего класса. Указанные факторы оказывают свое влияние на развитие рабочего класса Китая и сегодня [см., например, 33, 51].

Многие процессы, как отмечают исследователи, протекали в этой стране иначе и сложнее, чем в некоторых других странах мира [см., например, 32]. Так, развитие машинной промышленности и создание класса буржуазии не только не вело автоматически к отмиранию феодализма, но, напротив, укрепляло его в некоторых отношениях. Анализ подобных явлений привел, например, А. С. Мугрузина к выводу о глубоком нарушении «естественного хода экономического развития» в Китае [60, 119].

КПК складывалась и развивалась также в особых условиях. За исключением короткого начального периода компартия Китая, создаваемые ею органы власти, их социально-экономическая политика формировались в освобожденных районах в условиях войны и отсталой аграрной экономики глубинных частей страны. Такое положение сохранялось почти до конца 40-х годов. Крестьяне освобожденных районов составляли основную массу членов партии [см. 37, 242; 62, 256]. Условия формирования КПК оказали решающее влияние на взгляды значительной части ее руководства. Всеобщая отсталость, конфликт между традиционными представлениями о величии Китая и его действительным состоянием породили общенациональный идеал «великого, могучего и процветающего Китая». Этот идеал был «взят

на вооружение» и КПК [см. 38]. Впоследствии у маоистов он трансформировался в шовинизм и гегемонизм.

Для современного Китая реальностью является маоизм. Ряд работ советских исследователей посвящен разоблачению антиленинской сущности идеологических воззрений Мао Цзэ-дуна [см., например, 66—68; 71; 76 и др.].

«Идеи» Мао Цзэ-дуна противоречат объективным законам развития экономики и общества. Они уже нанесли и продолжают наносить громадный ущерб народному хозяйству КНР, затормозили развитие страны и будут оказывать свое негативное влияние на многие стороны общественной жизни в будущем [см. 49].

Вместе с тем маоистские установки являются своеобразной реакцией на объективные условия [см. 36]. Наиболее характерной чертой этой реакции служит как раз то, что маоизм с методологической и концептуальной точек зрения чужд марксизму-ленинизму.

В советской и зарубежной литературе проблемы технико-экономической политики и развития рабочего класса КНР в их взаимосвязи специально не рассматривались. Однако решение поставленной задачи облегчалось тем, что в марксистской, прежде всего советской, литературе уже имеются многочисленные труды, посвященные критическому анализу экономической политики маоизма и изучению проблем развития рабочего класса Китая. Вопросы экономической политики освещались в монографиях Е. А. Коновалова [50], З. А. Муромцевой [61] и ряда других авторов, а развитие рабочего класса Китая на современном этапе — в нескольких работах В. Г. Гельбраса [29—35], в публикациях Э. А. Широковой [77] и некоторых других исследователей. В этих статьях и книгах убедительно показано, что в Китае существуют разные с точки зрения исторических судеб слои рабочего класса: рабочие домануфактурного периода развития промышленности, рабочие мануфактур и рабочие фабрично-заводской промышленности.

Буржуазные исследователи Китая вплотную подошли к необходимости изучения этой страны через призму технико-экономической политики. Это видно, в частности, по работам созданной в начале 1972 г. при Суссекском университете в Брайтоне (Англия) международной исследовательской группы, которая объединяет ведущих

специалистов-синологов развитых капиталистических стран. Для суссекской группы характерна положительная оценка методов и действий пекинского руководства во внутренней политике. Она оправдывает даже эксцессы «культурной революции». Исходные идеологические позиции этой группы враждебны интересам рабочего и коммунистического движения. Последнее обстоятельство является еще одной дополнительной причиной, делающей актуальным настоящее исследование.

В данной монографии из-за недостатка информации и слабой изученности проблем не было возможности осветить все аспекты технико-экономической политики нынешнего руководства КНР и ее влияния на развитие сильно отличающихся друг от друга отрядов китайского рабочего класса. В частности, политика по отношению к современной промышленности показана на единственном, но конкретном примере — анализе всекитайского «образцового» предприятия — Дацинского нефтяного комплекса. Этот пример не исчерпывает всех проблем современной индустрии Китая, однако показывает направленность политики маоистского руководства страны.

В целом в работе сделана попытка рассмотреть прежде всего те вопросы, которые вызвали ожесточенные споры в КПК, обратить главное внимание на коренные черты и особенности технико-экономической политики в КНР, отличия ее от аналогичной политики в других странах.

Глава I

ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧАЯ СИЛА

Китайской Народной Республике досталась в наследство экономика, базирующаяся на отсталой технике и технологии. «Мелкие натуральные и полунатуральные хозяйства крестьян и ремесленников в 1949 г. поставляли 76,8% всей продукции народного хозяйства, остальные — 23,2% — мануфактурное и фабрично-заводское производство, причем современная промышленность производила 17% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства» [65, 7]. Задачи руководства страны в развитии экономики были сложны и огромны. Многие проблемы остались нерешенными до сих пор. Несмотря на почти четвертьвековой упорный труд китайского народа, нынешнее руководство страны вынуждено констатировать: «Потребуется десятилетия упорных усилий, чтобы преодолеть бедность и культурную отсталость» [127, 1970, № 2, 55].

Вместе с тем напряженные усилия китайского народа, несмотря на ряд крупных экономических просчетов руководства, не могли не привести к созданию определенных материальных ценностей. В результате в 70-е годы китайские экономисты стали заявлять, что Китай из «отсталой и бедной полуфеодальной, полуколониальной страны превращается в великое социалистическое государство, сделавшее первые шаги к процветанию» [81, 1]. В настоящее время некоторые буржуазные экономисты полагают, что подобная оценка объективна. «Заявление китайцев о том, что „сейчас в предварительном порядке заложен фундамент для строительства современной индустриальной системы“, которое было сделано год назад,— пишет, например, Р. Берджер,— представляется достаточно обоснованным» [95, VIII]. Но характерная

деталь: последняя цитата взята из статьи «Мелкие предприятия продолжают играть свою важную роль».

Внешняя противоречивость заявлений о необходимости десятилетий упорных усилий для преодоления бедности и отсталости и о заложенном фундаменте для строительства современной промышленности проистекает из объективной реальности современного Китая, для которой характерно одновременное существование домашней промышленности, ремесла, мануфактуры, фабрично-заводского, конвейерно-поточного и автоматизированного производств. Китайские предприятия являются живым примером мировой истории эволюции техники и технологии.

К. Маркс писал, что «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» [2, 383]. Данное положение К. Маркса имеет принципиальное значение при изучении рабочего класса Китая. Оно является теоретической предпосылкой для установления конкретной связи между человеком и техникой путем применения метода технологической дифференциации различных производств. Подобный метод может быть весьма эффективным инструментом изучения рабочего класса Китая.

В Китае, с его высоким процентом неграмотных и спецификой письменности, требующей непрерывного поддержания элементарной грамотности, основная масса рабочих готовится в ходе многолетнего ученичества. Сам характер обучения прикрепляет рабочего на долгие годы, если не на всю жизнь, к конкретной машине. В этих условиях внедрение новых машин, означающих переход от одной технологии к другой, требующей новых или совершенно иных знаний, приобретение которых связано с большими издержками, не может не сопровождаться дистрессовыми явлениями.

Архаичные и современные техника и технология сосуществуют в Китае зачастую на ограниченном пространстве одного квартала, улицы и даже предприятия. Поскольку молодежь в крупных китайских семьях волей судьбы может быть разбросана даже на одной фабрике по рабочим местам, связанным с исторически разными ступенями производства, острые психологические кон-

фликты и переживания индивидуумов становятся часто неизбежными. Не случайна тяга молодых рабочих к «хорошей специальности» на крупных заводах.

Пониманию этих процессов способствует информация технического плана о производстве, и наоборот — более полная социальная информация позволяет сделать некоторые предположения о характере производства. Таким образом, анализ информации, при котором, в соответствии с методикой классиков марксизма-ленинизма, комплексно рассматриваются социальные и технические производственные закономерности, дает возможность получить дополнительные сведения и сделать дополнительные выводы.

ВЫБОР МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ПРОИЗВОДСТВА

В данной главе, как и в последующих, вопросы методологии оказались имманентно связанными с предметом самого исследования. В каждом отдельном случае необходимо было решить, каким образом этот анализ произвести, и для этого проделать самостоятельное исследование. В общетеоретическом плане такое положение является естественным. Например, И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин пишут: «Как показывает опыт развития науки, во всякой... научно-теоретической концепции методологические моменты органически сливаются с предметно-содержательными... Для примера можно сослаться на „Капитал“ К. Маркса» [19, 80].

Для рассмотрения распределения рабочей силы по формам промышленности необходимо продифференцировать предприятия в соответствии с уровнем развития и характером техники и технологии. Сложность исследования технической вооруженности китайских предприятий заключается в том, что разработанные и используемые в настоящее время методики по разным причинам не могут быть в полной мере применимы к условиям Китая.

В основу обычной методики дифференциации предприятий по уровню техники положена их фондовооруженность. Однако обратиться к данной методике невозможно из-за отсутствия необходимых статистических данных. Впрочем, даже в случае опубликования, что в принципе вероятно, или же получения таких данных

косвенным путем использование их было бы связано с дополнительными трудностями. Дело в том, что в Китае велик удельный вес так называемой мелкой промышленности, в которой — в отличие от крупной, где эффективность техники находится в почти прямой зависимости от фондовооруженности предприятия, — такой зависимости нет. Следовательно, крупную и мелкую промышленность необходимо классифицировать отдельно, причем мелкую промышленность — не по фондовооруженности, а по эффективности техники. Методика же анализа эффективности техники до сих пор дискуссионна [см., например, 54; 78].

Определенные препятствия встречаются также при попытке исходить из технологических особенностей какой-либо отрасли промышленности и в соответствии с этим делать предположения относительно фондовооруженности соответствующих предприятий. Основные фонды предприятий Китая как страны, проводящей особую техническую политику, могут оказаться заниженными. В частности, Я. Б. Кваша писал, что «развитие химической промышленности и химизации производства в других отраслях, кроме ускорения автоматизации, вносит ряд принципиальных изменений в структуру производственных фондов. Намечается тенденция к некоторому замещению основных фондов оборотными» [63, 176]. Естественно, что данное обстоятельство может наиболее рельефно проявиться в развивающихся странах. В них химизация, к примеру, сельского хозяйства дает возможность в некоторых случаях миновать определенный исторический этап его развития. Так, применение гербицидов позволяет не создавать значительного парка машин по борьбе с сорняками, т. е. достигать того же экономического эффекта с меньшими затратами. Использование ферментов и катализаторов в ряде отраслей промышленности также способствует снижению основных фондов и увеличению оборотных. Иными словами, в Китае, как и в некоторых других странах, соответствующие отрасли производства могут быть созданы более экономичным путем, чем в свое время в развитых странах.

Другая возможность занижения основных фондов связана с тем, что реальностью современной жизни является растянутый период от начала проектирования до

освоения мощностей крупных предприятий. Он может доходить до 11—13 лет. В результате, «формально молодые основные фонды могут оказаться экономически изношенными еще до введения их в эксплуатацию» [63, 181]. Чтобы компенсировать последствия морального устаревания основных фондов, некоторые передовые отрасли промышленности, например нефтепереработка и нефтехимия, в настоящее время развиваются по принципу наращивания мощностей; в ряде других отраслей модернизация оборудования и реконструкция старых предприятий оказываются экономически более предпочтительными, чем строительство новых объектов [см., например, 75, 278]. В Китае данные бесспорные технико-экономические положения применяются много шире, чем этого требуют соображения экономической эффективности. Здесь стремятся как можно больше оборудования сделать «своими силами» из подсобных, имеющихся в наличии материалов и узлов физически изношенных машин и приспособлений. При этом резко возрастают затраты живого труда и так же сильно, о чем с гордостью сообщает китайская печать, падают затраты на основные фонды предприятия. Но на самом деле стоимость основных фондов оказывается искусственно заниженной. Данное явление особенно характерно для китайских мелких и средних предприятий, где оборудование формально почти «ничего не стоит».

Существует методика определения уровня технической вооруженности в зависимости от размеров предприятий. Она в основном пригодна для внутриотраслевого анализа. Критерий его — число занятых. Данная методика, хотя и использовалась применительно ко всей экономике КНР [см. 102], на наш взгляд, не пригодна к условиям современного Китая, так как может дать удовлетворительные результаты лишь тогда, когда дифференцируемые предприятия имеют более или менее одинаковый технический уровень [см. 63, 205]. В противном случае (т. е. и в условиях Китая) выводы будут ложными.

Наконец, наиболее эффективная методика определения уровня технической вооруженности предприятия основана на группировке их по электровооруженности. Но и ее невозможно применить из-за отсутствия необходимых данных.

Невозможность использования принятых в настоящее время методик заставляет искать другие пути классификации китайского производства. Один из них — обратиться вместо количественных методов к качественным.

Применяя качественные методы при анализе производства, К. Маркс использовал термин «тип производства». При этом он рассматривал характер производственного процесса, его технологический базис. Критерием фундаментальных различий типов производств Маркс считал степень революционности технического базиса. Так, он отмечал, что у домашней промышленности, ремесла и мануфактуры — консервативный технический базис, а у крупной машинной промышленности — революционный [см. 2, 497].

В. И. Ленин использовал термин «формы промышленности», который шире понятия «тип производства». Проводя конкретный анализ промышленной структуры России конца XIX в., он писал: «Мы должны теперь взять за основание размеры промысловых хозяйств, группировать промышленников по размерам их производств, рассмотреть роль наемного труда в каждой группе, состоящие техники и т. п.» [11, 341—342].

Однако в настоящее время термин «тип производства» применяется в специальной литературе по экономике и организации производства для обозначения массовости одноименной продукции (разовое, серийное и крупносерийное производство). В связи с этим мы не можем использовать указанный термин, по существу более подходящий для данного исследования, и применяем понятие «форма промышленности» для определения технического базиса производства.

В соответствии с логикой Маркса и общепринятой терминологией формы промышленности с консервативным техническим базисом называются несовременными, с революционным — современными. Несовременные формы промышленности — домашняя промышленность, ремесло и мануфактура. Современная промышленность — три ступени развития крупного машинного производства: фабрично-заводское, конвейерно-поточное и автоматизированное [см., например, 24, 13].

При такой классификации «выпадает» так называемая мелкая промышленность. В настоящее время под влиянием развития крупной промышленности, как его

следствие, технический базис отдельных видов мелкой промышленности также становится революционным. Сущность технических сдвигов, например, в секторе услуг США состоит в следующем: «Прогресс техники развивается здесь в основном в тех же направлениях, что и в промышленности, и также выражается в простой и комплексной механизации, электрификации, химизации производства, внедрении электронно-вычислительных машин и средств автоматики» [38а, 50; см. также 45]. В отдельных случаях в сфере технических услуг базис мелкой промышленности развивается чрезвычайно быстрыми темпами. Например, поиск и обработка информации непрерывно совершенствуются. Автоматы, работающие в этой области, зачастую оказываются технически самыми передовыми.

Мелкие и средние предприятия местной промышленности Китая основаны, как правило, на морально, а зачастую и физически устаревшей технике и технологии. Однако к мелкой промышленности необходимо отнести, к примеру, оперативную полиграфию, являющуюся самым последним словом техники в этой отрасли, или ряд предприятий бытового и технического обслуживания. Хотя предприятия такого рода в Китае в настоящее время очень немногочисленны, они существуют и количество их будет расти в соответствии с потребностями крупной машинной промышленности.

В целом техника и технология отдельных предприятий местной промышленности Китая настолько отличаются друг от друга, что это дало повод создать по меньшей мере десяток терминов для обозначения несовременных форм промышленности [см., например, 113]. В то же время наиболее употребительное среди западных исследователей понятие «small industry» («мелкая промышленность») не отражает существа дела.

Некоторые исследователи применяют иные термины — «несовременный и современный секторы производства». Они связаны главным образом с административным подчинением предприятий в КНР, которое неадекватно технологическому. В настоящее время в Китае многие предприятия, относимые этими исследователями к современному сектору производства, имеют современную технику лишь в основном производстве. Вместе с тем такие предприятия располагают также подразде-

лениями с отсталой техникой и примитивной технологией. К ним можно отнести, например, ряд рудников крупных металлургических предприятий. Подсобные и побочные цеха или подразделения такого рода, административно входящие в состав крупного современного комбината, с точки зрения развития производительных сил должны быть отнесены к несовременным формам промышленности.

Таким образом, принятая нами классификация форм промышленности по технологическим признакам отвечает также и задаче идентификации понятий. Однако полностью перейти на предлагаемую нами терминологию невозможно. Нельзя полностью отказаться от терминов, применяемых другими исследователями и официальной китайской печатью, поскольку необходимая информация и анализ ее в работах ряда серьезных ученых дается в такой терминологии. Но во всех случаях мы будем стремиться переводить информацию в принятые нами понятия.

НЕСОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Прежде чем приступить к рассмотрению несовременных форм промышленности в Китае, необходимо подчеркнуть, что здесь, как и везде, они существуют не в «чистом» виде. К тому же ограниченная информация, которой располагают исследователи, не позволяет установить даже расплывчатых границ, отделяющих домашнюю промышленность от домашних промыслов, последние от ремесла, ремесло от мануфактуры. Многие примеры, приводимые для характеристики тех или иных черт домашней промышленности, могут быть отнесены и к промыслам и т. д. Поэтому при нашем анализе распределения рабочей силы в зависимости от применяемой техники и технологии известное абстрагирование от этих моментов представляется необходимым. В экономических исследованиях основоположники марксизма-ленинизма неоднократно пользовались подобными приемами. Например, в работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал: «Говоря выше, что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали эти задерживающие разложение факторы: кабалу, ростовщичество, отработки и пр. В действитель-

ности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы. Подобное абстрагирование представляется нам приемом вполне законным, ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в «крестьянстве» [11, 179].

Начнем с наиболее примитивной с точки зрения технического базиса формы — домашней промышленности. Последней, писал В. И. Ленин, «мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которая их добывает» [11, 328]. По мере роста более развитых форм промышленности роль этого вида производства падает, объем производимой продукции и численность занятых в нем уменьшаются. Эту общую для домашней промышленности закономерность применительно к Китаю отмечал, к примеру, известный японский китаевед Сигеру Исикава, рассматривая экономику КНР в годы первой пятилетки [102, 34].

Анализ домашней промышленности всегда труден — даже при хорошо налаженной статистике, так как основная цель такого типа производства — «получение дополнительного дохода для существования» [102, 29]. В тех случаях, когда домашнее производство обладает чертами ремесла, т. е. производит продукцию на сторону, объем его продукции еще может быть зафиксирован. Когда же продукция создается только для внутреннего потребления, об объеме производства и численности занятых можно судить лишь очень приблизительно.

В Китае кампания по созданию «народных коммун» в качестве одной из своих целей ставила ликвидацию домашней промышленности и промыслов [см., например, 110, 287—288]. Первый же крупный удар по домашней промышленности был нанесен еще раньше созданием кооперативов. Делались попытки ликвидировать ее и в ходе «культурной революции». Иными словами, домашняя промышленность была потрясена не наступлением более развитого производства, а административным воздействием, внеэкономическими факторами. Поэтому в 1957, в 1961—1965 и в 1970—1974 гг. в Китае вынуждены были принимать меры по восстановлению домашней промышленности, выполняющей пока важные функции в системе общественного производства.

Домашняя промышленность призвана компенсировать в каждой отдельной семье неразвитость и недостатки общественного производства. Об этом говорят косвенные факты. Когда читаешь, что мелким предприятиям удалось «изменить облик местности», естественно предположить, что они заполнили не «вакуум», а потеснили домашнюю промышленность, которая существовала здесь испокон веков, постоянно воссоздавая себя в одном и том же виде, в одной и той же форме.

Масштабы этой формы промышленности в Китае велики. В одной из заметок в «Жэньминь жибао», например, писалось, что «плетение циновки является традиционным домашним промыслом бригады Лоси и 95% мужчин и женщин владеют этим ремеслом» [142, 18.III.1972]. В уезде Цзуньхуа пров. Хэбэй, которому уделяется большое внимание китайской печати из-за его «бурного» промышленного развития в последние годы, на 200 тыс. всех работоспособных приходится не менее 10 тыс. занятых только в домашней промышленности, в сельскохозяйственных побочных промыслах. Они же снабжают сырьем местную легкую промышленность. Вполне возможно, что в действительности число занятых в домашней промышленности в несколько раз превосходит указанную цифру — за счет тех, которые создают лишь «дополнительный доход для существования» и сами потребляют свою продукцию. Причем, вероятно, значительная часть из них вынуждена, хотя бы номинально, сочетать домашнюю работу с трудом в «коммуне».

Однако даже названное число достаточно внушительно. Это 5% всех трудоспособных жителей уезда. Почти столько же рабочих, по данным посетившего этот уезд китаевода Й. Сигурдсона, занято на уездных, «коммунальных» и бригадных предприятиях, вместе взятых [см. 114]. И это в «образцово-показательном», именно в плане индустриализации, уезде, т. е. там, где домашней промышленности уже пришлось уступить часть своих позиций. Но даже если принять уровень промышленного развития уезда Цзуньхуа за общекитайский, то и тогда для занятых в домашней промышленности и в сельскохозяйственных побочных промыслах получим впечатляющую цифру в 15 млн. (5% от 300 млн. самодеятельного сельского населения), т. е. больше, чем во всей современной промышленности. Но подобная ситуация — дело

будущего. Причем вероятные сроки достижения всеми уездами страны уровня промышленного развития «образцово-показательных» регионов не берутся предсказывать даже сами нынешние руководители КНР. Следовательно, мы вправе сделать вывод: в настоящее время и в ближайшем будущем в домашней промышленности Китая будет занято более 15 млн. человек.

Рабочая сила домашней промышленности («жены и члены семей рабочих и крестьян», согласно сообщениям китайской печати) является, по-видимому, неквалифицированной, неграмотной и мало подготовленной к сколько-нибудь сложному производству. Однако технологический уровень данной формы промышленности и не требует квалификации, связанной с грамотностью, не говоря уже о мало-мальском культурно-техническом уровне. Важен лишь сам факт физического воспроизводства рабочей силы.

В силу указанных причин домашняя промышленность и домашние промыслы являются своеобразным гарантом сохранения минимального уровня жизни в любое время и при любых обстоятельствах. Административными мерами их пытались разрушить, однако экономические условия обеспечивают жизнеспособность этих форм производства. В начале 70-х годов китайская печать прямо призывала крестьян, ставших осторожными после эксцессов «культурной революции», развивать домашние промыслы. Например, в 1972 г. эта проблема поднималась в различных статьях «Жэньминь жибао» 18 марта, 16 апреля, 27 июля, 3 августа, 13 сентября.

Технико-экономическая политика нынешнего руководства КНР, направленная на достижение самообеспечения регионов силами мелких и средних предприятий с устаревшей техникой, технологией и низкой производительностью труда, объективно сохраняет условия для продолжения существования домашней промышленности в течение длительного времени. Развитие машинной промышленности в Китае сдерживается неразвитостью электроэнергетики. Там, где нет электричества, — господствует ручное производство. Там, где ручное производство сохраняется, — технический прогресс отличается большой медленностью [см. 11, 543—544]. А китайские городки и села только-только начинают электрифицироваться.

«Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия,— писал В. И. Ленин,— является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя» [11, 329]. Но и ему, отмечал К. Маркс, свойствен «узкий технический базис» [2, 351].

Хотя о современном китайском ремесле имеется значительно больше данных, чем о домашней промышленности, исследование этого вида производства также связано с серьезными трудностями. Сведения о ремеслах в китайской прессе встречаются редко. Чаще всего речь идет о развитии традиционных художественных ремесел (производство фарфора, кружев, ковров и т. п.), нередко связанных с экспортом. Например, о поселке Хунцзян в одном из сообщений в июле 1972 г. рассказывалось, что это — сравнительно большой центр по производству изделий из бамбука и дерева. Здесь, учитывая запросы масс, рабочие и служащие изготавливают удобные и практичные деревянные раскладушки, столы, стулья и чемоданы. Эта продукция известна не только в пров. Хунань, но и по всей стране.

В приведенном сообщении говорится о традиционном ремесле, которое часто требует довольно высокого мастерства. В той или иной мере этот момент характерен для большинства видов данной формы промышленности. Это превращает ремесло наряду с мануфактурой в «школу» подготовки трудовых резервов для современной промышленности — фабрично-заводского производства. Подобная роль несовременных форм промышленности в принципе общеизвестна [см. 2, 393]. Отмечалась она и в китайской прессе 60-х годов [см. 86].

Высокая квалификация некоторых отрядов рабочих-ремесленников диктует особый подход к исследованию ремесла в Китае. Относясь по технологическим признакам к несовременным формам промышленности, ремесло тем не менее занимает особое положение. Ценность многих ремесленных изделий не только утилитарно-потребительная, но и культурно-историческая. Ремесло стоит на грани, на стыке производства и искусства. Об этом нередко пишет и китайская пресса. По мере развития современной промышленности значение ремесленных изделий для удовлетворения физических потребностей человека падает, но возрастает его роль в удовлетворении духовных потребностей. Все это затрудняет

конкретное исследование рабочей силы ремесленного типа.

Оно осложняется, наконец, и несовпадением политэкономической категории «ремесла» с терминами китайской печати. В последней применяется официальный термин «кустарная промышленность», включающий в себя кроме домашней промышленности ремесло и мануфактуру, но относящийся прежде всего к ремеслу.

В свое время В. И. Ленин писал, что кустарная промышленность — «абсолютно непригодное для научного исследования понятие, под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная с домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой на очень крупных мануфактурах» [11, 451]. Именно так обстоит дело с определением «кустарная промышленность» в Китае, по крайней мере до «большого скачка». Например, В. И. Акимов пишет: «В условиях КНР социально-экономические различия между кустарями и ремесленниками стерлись» [13, 183]. Он разделяет кустарей-единоличников и ремесленников в городах, но добавляет: «Особняком от кустарей-единоличников, для которых кустарное производство (с технологической точки зрения — ремесленное.— Э. К.) было постоянной профессией, стоит многочисленная группа крестьян-кустарей. В отличие от кустарей-единоличников для них сельское хозяйство было основным занятием, а кустарное производство — дополнительным» [13, 184].

Свои выводы В. И. Акимов сделал на основании обширного исследования. Но если явления типичны, то необходимо, согласно ленинскому определению, сделать вывод о том, что «кустарная промышленность» в деревне — не что иное, как домашняя промышленность, а в городе — ремесло¹.

Судьбы кустарной промышленности в КНР были отнюдь не безоблачными. Во время «большого скачка» она была ликвидирована, инвентарь кустарей был передан вновь организованным предприятиям местной промышленности. Вскоре, однако, было принято решение о восстановлении прежних производственных единиц, с тем чтобы они выпускали продукцию в прежнем ассортименте, количестве и качестве. В последовавший после «большого скачка» период урегулирования в китайской печати появились статьи, в которых говорилось о роли, месте

и перспективах развития кустарной промышленности КНР. Как писала тогда китайская печать, «ежегодно кустарной промышленности приходится выпускать несколько сот миллионов единиц среднего и мелкого сельскохозяйственного инвентаря и орудий. Кустарная промышленность страны — также основной производитель предметов широкого потребления. Численность людей, занятых в кустарной промышленности, зависит от уровня производительных сил деревни. Сейчас в кустарной промышленности занято около 6 млн. человек, а вместе с кустарями „и рабочими и крестьянами“ — около 20 млн. человек. Более 60% кустарей живет в городах и поселках, остальные 30% с лишним — в деревнях. Источником рабочей силы кустарной промышленности служит деревня» [142, 19.IV.1963].

Те же положения высказываются китайской печатью и в 70-е годы [см. 142, 16.IV.1972, 27.VII.1972, 3.VIII.1972]. Однако сейчас не приводится конкретных цифр. Ясно тем не менее, что кустарная промышленность продолжает производить львиную долю ручного сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления деревни, а рост рабочей силы в кустарной промышленности по-прежнему сдерживается неразвитостью сельского хозяйства.

В 1954 г. в Китае было 7,7 млн. ремесленников [13, 185], а в 1963 г. — 20 млн. Большая часть из этих 20 млн., по-видимому, сохранила свою квалификацию до настоящего времени. Только работают они теперь не только в ремесленных мастерских, но и, как естественно предположить, на мелких и средних предприятиях местной промышленности. Подобные предприятия, как пишет китайская пресса, имеют оборудование, изготовленное «кустарным способом», используют «традиционную» технологию. По своим размерам они — очень часто в городах и почти во всех случаях в деревне — мастерские. Именно так их называют иностранные специалисты и журналисты, посещающие сельскохозяйственные «коммуны». Китайская печать нередко называет подобные предприятия в деревнях ремонтными группами. Рост их количества показывает, что к опытным ремесленникам все время добавляются новые, молодые.

Проводимая руководством КНР технико-экономическая политика способствует увеличению числа рабочих-

ремесленников. Однозначно оценить этот процесс нельзя. С одной стороны, как писал К. Маркс, это залог успешного развития рабочей силы и самого фабрично-заводского производства. К тому же ремесленная работа в условиях Китая не требует вовсе или требует невысокого общего образования. Уровень квалификации здесь в первую очередь зависит от степени усвоения опыта старых мастеров.

Но, с другой стороны, ремесло — отсталая форма промышленности, индустриализации на ее базе не проведешь. Не случайно, касаясь данной проблемы, академик С. Г. Струмилин подчеркивал: «Отмечая „виртуозность индусских ручных ткачей и вообще их высокую специальную сноровку „сложного труда“ ремесленников, по сравнению с большинством мануфактурных рабочих“, Маркс тут же оговаривается: „Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий“» [74, 468].

Существо индустриализации в Китае неразрывно связано с проблемой функций, возлагаемых на мелкие и средние предприятия местной промышленности. Если последние должны охватывать все сферы производства, стремиться к полному самообеспечению, а именно к этому призывает китайская печать, то экономические ячейки китайского народного хозяйства — «коммуны», уезды, провинции — будут развиваться преимущественно эволюционным путем, который занял в Европе в свое время несколько столетий. Подобный путь нерационален хотя бы потому, что создаются условия для массовой растраты сил, средств и энергии масс за счет дублирования в разное время и в разных местах одних и тех же ошибок, повторения пройденных этапов развития и т. д. Конечно, в разных местах потери будут разными, большими — там, где китайский ремесленник, малограмотный или совсем неграмотный, по уровню культурно-технического развития находится еще в XVIII в., меньшими — в современных промышленных центрах.

Следующим восходящим этапом развития форм промышленности является мануфактура. «Под мануфактурой разумеется, как известно, кооперация, основанная на разделении труда» [11, 384]. Мануфактура, как отмечал В. И. Ленин, является промежуточным этапом, зве-

ном между ремеслом и крупным машинным производством. Характерные черты мануфактуры: сохранение ручного производства и широкое разделение труда [см. 11, 384—385].

Сообщения китайской прессы о мелких и средних предприятиях дают возможность предположить, что многие из них представляют собой либо «чистую» мануфактуру, что реже, либо мануфактуру с элементами ремесла или фабрично-заводского производства, или того и другого одновременно. Например, мелкие шахты («угольные ямы»), карьеры и рудники, созданные «своими силами» на начальном этапе существования, могут быть мануфактурными предприятиями в «чистом» виде.

В отличие от ремесла в мануфактуре требуется рабочая сила разного типа, или, как говорил К. Маркс, «индустриальные рабочие силы нуждаются в весьма различной степени образования» [2, 362]. Это создает «историю рабочих мест» [2, 362]. «Мануфактура,— продолжал К. Маркс,— создает... в каждом ремесле, которым она овладевает, категорию так называемых необученных рабочих, которые строго исключались ремесленным производством. Развивая до виртуозности одностороннюю специальность за счет способности к труду вообще, она превращает в особую специальность отсутствие всякого развития. Наряду с иерархическими ступенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения функций, ниже, чем у ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы» [2, 363]. Однако, «хотя разложение ремесленной деятельности понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных частичных работ длительный срок обучения остается необходимым» [2, 380]. Основные положения, характеризующие мануфактурное производство, применимы к ряду предприятий современного Китая.

Сведения, сообщенные Й. Сигурдсоном на основании посещения им двух китайских уездов, позволяют представить следующую картину мелких и средних предприятий. «Заводы», созданные «коммунами», необходимо отнести к ремесленному производству с элементами мануфактуры. На предприятиях уездного уровня преобла-

дает мануфактурное производство с элементами фабрично-заводского. В уезде Цзуньхуа пров. Хэбэй из 5,5 тыс. занятых на предприятиях уездного уровня 2,5 тыс. за-контрактованы из деревень на срок до пяти лет. Практически это означает постоянное существование значительного контингента (до $\frac{1}{3}$ всех занятых) необученных рабочих. Характерные черты мануфактуры проявляются еще более явно при дифференциации занятых на отдельном предприятии. Например, на металлургическом заводе в Цзуньхуа, где работает в общей сложности 460 человек, управленческий персонал и «техническое ядро» составляет 20 человек. Управленческий и технический персонал был создан из высококвалифицированных рабочих четырех ранее существовавших в уезде за-водов: с золотообогатительного завода пришло восемь человек, с завода химических удобрений — шесть, с электромеханического — два и с завода сельскохозяйственного машиностроения — четыре. Завод начал выдавать продукцию с момента укомплектования штата, следовательно, по характеру производства здесь достаточно иметь лишь 4% обученных рабочих от общего числа занятых [см. 114, 316, 326].

Одна из особенностей мануфактуры как формы промышленности заключается в том, что здесь для отдельных операций требуются специалисты, прошедшие довольно продолжительное обучение, специалисты-мастера. Поэтому «естественным спутником мануфактуры», как отмечал В. И. Ленин, «является *ученичество*» [11, 427]. Для фабрично-заводской промышленности, которая имеет дело с универсальным оборудованием, как обоснованно пишет Ю. А. Васильчук, также требуется «большой стаж и квалификация рабочего, большой стаж практического ученичества, но нет необходимости в общеобразовательной подготовке» [23, 64].

Однотипность подготовки рабочей силы и в том, и в другом случае продиктована самой историей промышленного развития: техника и технология мануфактуры и фабрично-заводского производства создавались в расчете на неграмотную или полуграмотную рабочую силу, которая имелаась в наличии.

Исходя из общих теоретических положений, можно предположить, что на китайских предприятиях, имеющих элементы и мануфактуры и фабрично-заводского произ-

водства, обязательно должен существовать институт ученичества.

Такое умозаключение находит подтверждение в материалах китайской прессы. Так, согласно одному из сообщений (в феврале 1972 г.), при строительстве Индунского завода химических удобрений группа рабочих была послана на другие заводы для изучения опыта по монтажу оборудования и производственной технологии. Командированные имели «сравнительно низкий уровень образования». Следовательно, по технологическим условиям на мелком заводе химических удобрений можно обойтись без рабочей силы значительной общеобразовательной подготовки. Рабочие, говорилось далее в информации, проявили максимум старания и за полгода достигли такого уровня технического мастерства, «на который раньше требовалось три года» (из этого можно заключить, учитывая особенности китайской пропаганды, что три года — обычный в Китае срок, за который молодой рабочий приобретает квалификацию на фабрично-заводском производстве). Вернувшись на завод, обученные рабочие стали техническим и управленческим «ядром»: «Они сами организовали производство и управляют им. Таким образом они стали костяком своего завода».

Подобных сообщений в китайской прессе 70-х годов немало. Однако обычно они более лаконичны и построены по единому шаблону: «В ходе своего строительства мелкие (средние) заводы (шахты, копи) получили поддержку со стороны больших (старых) заводов. Последние послали квалифицированных старых рабочих для того, чтобы помочь им в подготовке рабочих (техников), и пригласили рабочих мелких (средних) заводов к себе учиться технике».

Для фабрично-заводского производства на начальном этапе характерно сочетание «ведущего» рабочего с несколькими его помощниками. К. Маркс отмечал, что здесь наблюдается «существенное различие между рабочими, занятыми действительно при рабочих машинах... и простыми подручными этих машинных рабочих». При чем «наряду с этими главными категориями выступает количественно незначительный персонал, который занят контролем за всеми машинами и постоянной их починкой, например, инженеры, механики, столяры и т. д. Это

высший, частью научно образованный, частью ремесленного характера слой рабочих, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему». «Это разделение труда является чисто техническим», — поясняет Маркс [2, 431].

Ни в одном из сообщений о китайских мелких и средних предприятиях, возникших после «культурной революции», нет упоминаний о работающих там инженерах. Этот факт можно интерпретировать двояко — как результат либо претворения в жизнь лозунга «Долой диктат специалистов!», либо характера технических требований самого производства. Возможно, на какой-то части средних предприятий требуются инженеры, в таком случае, по-видимому, они там и имеются, однако такие факты пресса замалчивает, исходя из политических соображений. Но, по всей вероятности, количество подобных предприятий весьма незначительно. Во всяком случае, в прессе, как правило, речь идет лишь о подготовке квалифицированных рабочих.

Сообщается, например (в октябре 1972 г.), что предприятия легкой промышленности Шанхая послали «группу опытных рабочих, техников и низовых кадровых работников» в пров. Ганьсу, чтобы «помогать этой провинции развивать легкую промышленность». Из другой информации (в ноябре того же года) мы узнаем, что заводы и фабрики Пекина помогли «народным коммунам» столичного округа, «подготовив более 10 тыс. техников» и т. д. Причем, хотя в подобных сообщениях нередко, как и в данных примерах, упоминаются техники, из контекста статей ясно, что речь идет о «техниках-практиках», т. е., выражаясь более точно в научном отношении, о квалифицированных рабочих. В частности, для сельского хозяйства «техники» — это рабочие-механизаторы.

Изложенное выше позволяет предположить, что на большинстве мелких и средних предприятий инженеры просто не нужны, на многих можно обойтись и без техников. Отсюда можно заключить, что на этих предприятиях рабочая сила — в целом мануфактурного типа. Однако такой вывод, опирающийся лишь на косвенные данные, не раскрывает всей сложной картины эволюции рабочей силы китайских мелких и средних предприятий. К сожалению, прямых сведений нет и надеяться на их

появление трудно. Журналисты, посещающие китайские предприятия, в большинстве случаев оказываются неспособными оценить оборудование и рабочую силу с инженерной точки зрения. Естественно, что они и не стремятся писать об этом, когда есть много других понятных и интересных для них тем. А редкие инженеры, знакомящиеся с китайскими предприятиями, прежде всего не склонны обращать пристальное внимание на то, что им кажется почти одинаково отсталым и несовременным. И еще меньше они имеют склонность писать вообще и об этом в частности.

В китайской печати, до предела политизированной, не встретишь описания работы мелких и средних предприятий и их оснащения. Часты общие фразы, ставшие уже штампами, типа: «Техническая база предприятий, созданных на средства уезда, сравнительно слаба». На основании подобной информации какой бы то ни был серьезный анализ, конечно, невозможен. Однако, когда при описании деятельности одного из таких предприятий сообщается, что «для производства стандартной продукции от экспериментального изготовления до серийного производства требуется сравнительно длительное время» [142, 17.V.1973], то такая фраза уже говорит кое о чем. Известно, что разрыв между опытным и серийным производством в мануфактуре был не столь велик, особенно при жестком контроле. В наличии последнего на китайских предприятиях сомневаться не приходится. Следовательно, можно предположить, что разрыв во времени от опыта до серийного производства связан не столько со слабостью технической базы, сколько с ее разнородностью, несоответствием ее элементов друг другу. Обычно инвентарь ремесленника соответствует ремесленному производству, орудия труда рабочего — мануфактуре или фабрично-заводскому производству. На китайских же предприятиях такого соответствия нет. Техника и технология на них взяты по кусочкам от ремесла, мануфактуры и фабрично-заводского производства. Но если при соответствии техники и технологии производственный организм состоит из органически связанных между собой элементов, то в данном случае связь часто механическая. Ведь оборудование представляет собой орудия труда, машины разных технологий, эпох и стран. Известный американский обозреватель Дж. Олсон с большим удивле-

нием смотрел на английские паровые катки XVIII в., продолжающие работать на одном из уездных предприятий рядом со станками XX в. [см. 90, 56].

Конечно, техника и технология китайских мелких и средних предприятий изменяется, и может быть, более быстрыми темпами, чем те, что имели место на аналогичных ступенях промышленного прогресса в Европе. Однако их нынешнее развитие ограничено определенными рамками — верхний предел не достигает уровня фабрично-заводского производства. Этот факт имеет принципиально важное значение для качественной оценки рабочей силы данных предприятий. Указанный диапазон эволюции техники позволяет быстро увеличивать рабочую силу в промышленности, поскольку на обучение ее затрачивается немного сил и средств. Мануфактуре, как отмечалось, требуется значительный контингент необученных рабочих. Так, например, в уезде Тэнчун пров. Юньнань на новые предприятия, созданные в последние годы, лишь 50% рабочих и служащих были переведены со старых предприятий, остальные взяты из деревни [см. 142, 17.V.1973].

Мануфактура с ее значительным спросом на малопрямую, неквалифицированную рабочую силу дает возможность обеспечить работой большое число горожан и крестьян и снабдить промышленной продукцией те районы, до которых по разным причинам продукция крупной промышленности не доходит. Таким образом, развивая мануфактуру, китайское руководство пытается решить одновременно два вопроса: занятость и производство. Однако при таком решении возникают новые проблемы.

Как известно, мануфактура калечит человека физически. Работа здесь монотонна, однообразна и требует большого расхода физических сил. Этой форме промышленности свойствен «узкий», консервативный технический базис, ручное производство и его следствие — замедленность технического прогресса.

Нынешним руководителям КНР известны отрицательные стороны мануфактуры. Сообщения китайской прессы показывают, что главным рецептом в данном плане является установка, направленная на техническое преобразование небольших заводов из «мелких местных в мелкие современные» [см., например, 86].

О стремлении постепенно преобразовать мануфактурное производство в фабрично-заводское свидетельствуют, в частности, материалы, собранные Й. Сигурдсоном. При «рекрутировании» рабочей силы по контрактам из «коммун», пишет он, кандидаты в рабочие отбираются по следующим признакам: здоровье, возраст, уровень подготовки — общее и специальное образование. При создании нового предприятия сначала формируется его штат. После этого производственный персонал проходит предварительное краткосрочное обучение. Для непосредственной деловой подготовки будущие рабочие направляются на аналогичные предприятия в других уездах, для расширения технического кругозора — на крупные фабрично-заводские предприятия. Таковую подготовку проходят все зачисленные в штат, в том числе «необученные» полуграмотные крестьяне, так как считается, что «они тоже должны видеть перспективы развития своего предприятия» [см. 114]. В китайской печати нередко сообщения о том, как из мастерских, созданных силами «домохозяек и членов семей» рабочих, выросли современные промышленные предприятия.

Оборудование уездных предприятий в значительной степени создается методом «самооснащения», т. е. самими рабочими. Это способствует подготовке рабочей силы ремесленного типа. Оборудование, созданное «своими силами», требует, как пишет китайская печать, непрерывного «контроля и постоянной починки», что в какой-то мере скрашивает монотонность и однообразие мануфактурного производства.

Непрерывное преобразование, улучшение техники является частью маоистской концепции «перманентной» революции. «В производственно-техническом отношении нужно крепко ухватиться за преобразование техники, настойчиво повышать производительность труда», — требует китайская печать [127, 1973, № 4, 46]. Однако развитие народного хозяйства связано со многими факторами, поэтому наличие предпосылок для роста, основанных лишь на отдельных, изолированных мероприятиях производственного плана, еще не означает, что переходу от мануфактуры к фабрично-заводскому производству в Китае обеспечена столбовая дорога.

Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» подчеркивал, что вовлечение крестьян и рабочих мануфактур в круп-

ную промышленность изменяет весь их жизненный уклад, превращает их в других людей [см. 8, 335]. В Китае же налицо попытка создать современную промышленность из ремесла и мануфактуры за счет лишь производственно-технических мероприятий, без изменения жизненного уклада трудящихся. Крестьянин, законтрактованный на три-пять лет на завод в уезд, должен остаться крестьянином, житель уездного городка — кустарь-ремесленник — членом полунатуральной самообеспечивающейся социальной ячейки — города, уезда. И в то же время все они должны превратиться в «других» людей — рабочих крупной промышленности. В массовом масштабе такая ситуация является просто нереальной. Либо маоистские концепции должны быть отброшены, либо цели маоистов не будут выполнены. Именно влияние этих концепций и обеспечивает стабильность несовременных форм промышленности в Китае.

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Особенность развития экономики Китая заключается в большем (по сравнению с другими странами) удельном весе предприятий несовременных форм промышленности. Поэтому, естественно, именно им уделяется основное внимание китайской печати. Недостаток информации о современных формах промышленности можно компенсировать использованием косвенных данных, исходя из общих закономерностей развития общества и техники.

Рабочая сила в производственном отношении различается прежде всего по квалификации. Долгое время термины «квалифицированный» и «опытный» применительно к рабочему использовались как синонимы. На многих языках оба эти понятия до сих пор даже обозначаются одним и тем же словом. Изменение, происшедшее затем в осмыслении данных понятий, связано с увеличением удельного веса предприятий крупного машинного производства. На первом этапе развития современной промышленности — фабрично-заводском производстве — квалификация еще приобреталась путем длительного ученичества. По сути знаний и характеру их приобретения квалификация фабрично-заводского рабо-

чего была сродни мастерству ремесленника. Но на смену фабрично-заводскому в развитых странах приходит сначала конвейерно-поточное, а затем и автоматизированное производство. На этих новых стадиях промышленного развития требуется уже иная квалификация рабочей силы. От фабрично-заводского, а также автоматизированного производства конвейер или поток отличаются большей производственной гибкостью. Объясняется это тем, что в конвейерно-поточном производстве много ручных операций, а чем их больше в технологическом процессе, тем легче изменить производственные линии.

При этом резкие и частые перемены в работе делают ненужной квалификацию старого типа, приобретаемую долгим ученичеством. Изменение характера труда для квалифицированного фабрично-заводского рабочего зачастую становилось и становится трагедией. На конвейере является правилом частое изменение характера работы и минимальные сроки переподготовки рабочей силы: несколько минут, часов, дней. Для того же, чтобы подготовка рабочей силы была быстрой, рабочий должен быть разносторонне и достаточно глубоко образован, т. е. иметь предпосылки для развития сложной рабочей силы². Не случайно на конвейерно-поточном производстве в США, Японии или Европе работают люди с общим 9—11-летним образованием.

Сложность рабочей силы, в основе которой заложено общее образование рабочего, является в наши дни существенным фактором, способствующим быстрому развитию экономики. С другой стороны, повышение интеллектуального уровня пролетариата создает благоприятную почву для осознания им своей всемирно-исторической роли [см., например, 59, 27].

Современные формы промышленности в Китае включают три ступени исторического развития крупного машинного производства: фабрично-заводское, конвейерно-поточное и автоматизированное. Для каждого из них требуется специфическая рабочая сила. В фабрично-заводском производстве она может быть подготовлена институтом ученичества, причем уровень образования рабочих может быть низким, а срок ученичества, соответственно, большим. В Китае срок ученичества достигает в отдельных случаях семи лет. Характерной чертой рабочей силы фабрично-заводского производства является

ее консервативность: для изменения характера работы требуются длительные сроки переучивания. Мобильность такой рабочей силы крайне низка [см., например, 23, 64]. Расходы на простое и расширенное воспроизводство ниже, чем в других видах производства современной промышленности.

Работа на конвейере требует большой отдачи мускульной и нервной энергии. Поэтому для успешного функционирования рабочей силы конвейерно-поточного производства требуются определенные условия, обеспечивающие восстановление сил работающих. В развитых странах — это строго регламентированный рабочий день, соответствующие жилищные условия, налаженная система услуг, хорошо функционирующий общественный и личный транспорт. Важнейшим элементом расширенного воспроизводства рабочей силы конвейерно-поточного и автоматизированного производства является общее образование нового поколения. В настоящее время более 33% рабочих физического труда в США имеют 12-летнее, а еще 43,5% — 8—11-летнее образование [см., например, 39, 38]. Понятие специальности в конвейерно-поточном производстве претерпело определенные изменения по сравнению с фабрично-заводским. Она может приобретаться в предельно короткий срок³. Переквалификация также занимает весьма незначительное время. Рабочая сила и территориально и социально мобильна.

На автоматизированном производстве (третий этап развития современной промышленности) от рабочей силы требуется обязательное общее среднее образование не ниже семи-восьми классов (для Китая, учитывая специфику образования, не ниже восьми — десяти классов) и специальная подготовка, которая в зависимости от уровня общего образования может колебаться от трех — четырех лет до нескольких месяцев. Срок переподготовки рабочей силы — в среднем от двух лет до нескольких месяцев. Рабочая сила территориально и социально мобильна, хотя и в меньшей степени, чем рабочая сила конвейерно-поточного типа. Условия простого и расширенного воспроизводства рабочей силы обоих типов производства подобны.

Современная промышленность Китая складывается из предприятий, построенных до 1949 г.⁴, и главным образом из сверхлимитных⁵ и нижелимитных производ-

ственных единиц, построенных после революции. Административно современные предприятия входят в промышленность центрального и местного подчинения. В первой пятилетке в промышленности центрального подчинения было построено 700 сверхлимитных и 900 нижелимитных предприятий, в промышленности местного подчинения — 125 сверхлимитных и 1400 нижелимитных предприятий⁶.

Промышленно-производственный персонал сверхлимитного предприятия в несколько раз больше, чем на нижелимитном. В то же время, согласно предположению А. Н. Анисимова [14, 100], число рабочих и служащих на нижелимитном предприятии промышленности центрального подчинения и на сверхлимитном промышленности местного подчинения примерно одинаково. В таком случае промышленность центрального подчинения по численности промышленно-производственного персонала в несколько раз превосходит современные предприятия местной промышленности. Число занятых в промышленности центрального подчинения А. Н. Анисимов определяет в 12—14 млн. человек. Однако далеко не все из них являются рабочими.

Прежде всего, в Китае в число рабочих и служащих включают кадровых работников. «В начале 1957 г.,— свидетельствуют китайские источники,— в общем числе промышленных рабочих и служащих 700 тыс. составляли политработники и люди, не занятые в промышленном производстве (т. е. 9,4% от 7480 тыс. всех рабочих и служащих). Удельный вес этой категории по сравнению с 1952 г. возрос более чем на 1%» [80, 289]. Даже если бы темпы роста удельного веса кадровых работников оставались с тех пор неизменными, то и в этом случае в настоящее время на производстве кадровые работники должны составить 12,5% от общего числа рабочих и служащих. Однако в последние годы произошло резкое увеличение численности кадровых работников. Согласно подсчетам В. Г. Гельбраса, общее число кадровых работников возросло после «культурной революции» с 20—30 млн. до 30—40 млн. [31, 143]. Поэтому, учитывая рост административно-управленческого аппарата, можно с уверенностью предположить, что указанная выше цифра (12,5%) является минимальной.

В число рабочих и служащих входят также инженер-

но-технические работники, которые составляют не менее 8% общего числа занятых в промышленности центрального подчинения⁷. Учитывая же всеобщую закономерность роста удельного веса ИТР с развитием производительных сил [см. 44, 274—275], можно смело утверждать, что удельный вес ИТР на современных предприятиях КНР, несмотря на отдельные колебания, мог лишь увеличиться. Таким образом, ИТР и кадровые работники вместе составляют не менее 20% общего числа занятых в промышленности центрального подчинения (2,4—2,8 млн.). На долю рабочих соответственно приходится около 80% (9,6—11,2 млн.).

Не все рабочие промышленности центрального подчинения являются рабочими современного производства. Административно в эти предприятия входят подсобные и вспомогательные подразделения с низким техническим уровнем и соответствующей рабочей силой. В связи с политикой «опоры на собственные силы» и неувязками в материально-техническом снабжении, неоднократным нарушением сложившихся систем специализации и кооперирования производства и рядом других факторов в 60-е и в начале 70-х годов соотношение между рабочими основного производства и рабочими подсобных и вспомогательных производств не могло не измениться в сторону возрастания удельного веса последних. Поскольку определить действительное соотношение числа рабочих разных типов не представляется возможным, мы используем для расчета то соотношение между производственными рабочими и служащими и подсобными рабочими на промышленных предприятиях, которое было зафиксировано в 1957 г. [см. 80, 274—275], а именно — 100:18.

Если бы это соотношение сохранилось, то численность рабочих основного производства в промышленности центрального подчинения составила бы 8,0—9,5 млн. В действительности их в настоящее время, конечно, меньше.

В последние годы в КНР проводилась кампания, направленная на наращивание мощностей средних предприятий, которая привела к увеличению числа занятых на выше- и нижелимитных предприятиях местной промышленности. Если при этом число рабочих и служащих современных предприятий местной промышленности возросло в четыре раза (мало вероятно, что увеличение

было бóльшим), то соотношение между занятыми в современном производстве в центральной и местной промышленности стало 2:1. При такой ситуации можно предположить, что число рабочих предприятий современной промышленности, как центрального, так и местного подчинения, составляет около 14 млн.

Для нашего исследования наибольшее значение имеет не столько определение общего числа рабочих современной промышленности, сколько распределение рабочего класса по разным видам производства. Подобная задача является весьма сложной. Безусловно, бóльшая часть производственных единиц современной промышленности — фабрично-заводского типа. В этом вопросе у исследователей нет двух мнений, так же как и в том, что в Китае существуют предприятия, созданные по последнему слову техники.

Китайская печать чаще сообщает о тех или иных научных достижениях и технических усовершенствованиях, чем о широте и массовости их внедрения в промышленность, о росте конвейерно-поточных и автоматизированных производств. Можно назвать по крайней мере несколько причин, объясняющих такое явление.

Внедрение новой техники и технологии происходит прежде всего в сфере военно-промышленного комплекса и связанных с ним отраслей промышленности. По понятным причинам предприятия такого рода в печати не афишируются. Кроме того, в силу технической отсталости для Китая характерен большой временной разрыв между опытным и серийным производством, достигающий в среднем пяти лет [см. 123, 163]. Поэтому сообщения о массовом внедрении технических или технологических новинок спустя несколько лет после их рекламной пропаганды зачастую могут свидетельствовать не за, а против «успехов» китайской промышленности. Наконец, как известно, на стадии строительства социализма неизбежно сохранение остатков буржуазного права. На практике это означает необходимость оплаты по труду, иными словами, более квалифицированный труд в конвейерно-поточном и автоматизированном производстве должен оплачиваться выше труда фабрично-заводского и труда рабочих несовременных форм промышленности. Руководство КНР вынуждено считаться с указанным принципом, однако не желает афишировать данный мо-

мент прямо или косвенно, ибо это противоречит эгалитаристским установкам маоистов. Цель их — ограничить потребление минимальными нормами: «Пищу, рассчитанную на трех человек, должны потреблять пять человек» [подробнее см., например, 48, 114].

Помимо недостатка информации существуют и чисто технические причины, затрудняющие определение численности того или иного отряда рабочего класса. Новые отрасли, где сама технология требует рабочую силу только конвейерно-поточного или автоматизированного типов, немногочисленны. Более или менее подробные сведения имеются лишь о нефтехимии, не связанной непосредственно с военно-промышленным комплексом. В других же отраслях промышленности технология позволяет сочетать оборудование разного вида и соответственно разный тип рабочей силы, что и имеет место в практике не только Китая, но и всех стран мира.

Рост конвейерно-поточного и автоматизированного производства в КНР проявляется не столько в создании новых хозяйственных единиц, сколько в модернизации устаревшего оборудования, реконструкции действующих предприятий. В силу общей отсталости экономики Китая по сравнению с развитыми странами модернизация в основном, по-видимому, как и в первые годы после революции [см. 28, 127], протекает в рамках фабрично-заводского производства. Только в отдельных случаях на реконструируемых предприятиях создаются поточные и автоматизированные линии.

Ряд косвенных данных говорит о том, что рабочая сила конвейерно-поточного и автоматизированного производства в Китае очень немногочисленна. Практика развитых стран показывает, что процесс автоматизации протекает намного медленнее, чем это может показаться на первый взгляд. Говоря о промышленности СССР, советский экономист Е. Л. Маневич пишет, например: «Коренные изменения, которые произошли в нашей стране в характере труда, нередко порождают у отдельных экономистов и философов преждевременные и необоснованные суждения о современном разделении труда. Они возвещают, что уже сейчас происходит всеобщий интенсивный процесс вытеснения рабочих узкой специальностью, резко уменьшается количество профессий, а внутри них — специальностей и что исключительно быстро и

повсеместно растет число наладчиков автоматов, электронно-вычислительных и счетно-решающих машин... Но для таких поспешных выводов нет достаточных оснований, так как автоматизация еще не получила широкого развития, она — завтрашний день наших отраслей народного хозяйства» [55, 40—41].

Кроме того, в ряде отраслей промышленности автоматизация вообще оказывается пока нежелательной⁸. В других отраслях пути автоматизации производства находятся еще на стадии разработок (например, газификация угольных пластов, химическое обогащение руд и др.). Сообщений о подобных мероприятиях на промышленном уровне из Китая не поступает. В некоторых отраслях (например, производство стройматериалов и др.) внедрение конвейерно-поточного или автоматизированного производства связано с введением общегосударственных стандартов. В Китае же процесс стандартизации находится все еще в зачаточном состоянии. Даже единые стандарты на обувь введены лишь в 1972 г.

Таким образом, ряд указанных обстоятельств не дает возможности произвести не только расчет, но даже сделать сколько-нибудь точную оценку рабочей силы автоматизированного и конвейерно-поточного производств. Поэтому в данной ситуации воспользуемся приемом, введенным в научный анализ еще Архимедом [см. 16]. Коротко он сводится к следующему: для исследуемого объекта принимаются предельно возможные параметры.

В некоторых отраслях промышленности продукция может производиться как на фабрично-заводском, так и на конвейерно-поточном или автоматизированном оборудовании. При этом численность рабочих автоматизированного и конвейерно-поточного производства будет тем больше, чем меньше в данной промышленности фабрично-заводского оборудования, а теоретически возможного максимума она достигнет при полном отказе от последнего. Итак, попробуем исходить из абсурдного предположения, что в тех отраслях промышленности, где возможны конвейер, поток или автоматизация рабочих процессов⁹, фабрично-заводское производство совершенно отсутствует. Определив численность рабочей силы для такого нереального на самом деле случая, можно сказать: теоретически возможная численность наиболее

развитой рабочей силы не может превышать полученного итога.

Один из возможных путей определения численности рабочей силы при таком подходе — по соответствию ее объему выпускаемой продукции. В связи с тем, что за редкими исключениями в Китае статистические данные не публикуются, ученые разных стран делают оценки объема производства отраслей народного хозяйства Китая. Оценки эти колеблются в широких пределах в зависимости от исходных посылок и методики расчета. Поэтому и в данном случае необходимо еще раз использовать прием предельно возможных параметров. Возьмем два ряда оценок-максимумов уровня производства тех отраслей, технология которых позволяет частично или полностью применить конвейер, поток или автоматизировать производство. Ниже приводимые оценки-максимумы на начало 70-х годов принадлежат американским и тайваньским ученым. При несовпадении оценок для дальнейшего анализа принимается более высокий показатель.

Согласно справочнику госдепартамента США, изданному перед поездкой Никсона в КНР для официального пользования, в Китае в 1971 г. было произведено 21 млн. т стали, 70 млрд. квт·ч электроэнергии, 23 млн. т сырой нефти. Приведенные цифры незначительно отличаются от данных, полученных при анализе китайской прессы: сталь—21 млн. т, электроэнергия—53 млрд. квт·ч, нефть—25 млн. т [см. 84]. Добавим к этому, что, по нашим расчетам, алюминия было получено около 300 тыс. т [53, 426].

Если бы в КНР был достигнут уровень производительности труда, существовавший в США в 1970 г. (где в черной и цветной металлургии, производстве электроэнергии и нефтепереработке процент автоматизированных производств и, следовательно, рабочих соответствующей квалификации велик), то при аналогичной организации производства Китаю необходимо было бы иметь следующее число основных производственных рабочих: в черной металлургии—120 тыс., в металлургии цветных металлов—15 тыс., в производстве электроэнергии—10,5 тыс., в переработке нефти—4,8 тыс.¹⁰, в сумме—150 тыс. Но в США, особенно в черной металлургии, не все предприятия автоматизированы, а на авто-

материзованных не все рабочие заняты на основном производстве. Поэтому реально предположение, что рабочих автоматизированных производств для данного количества продукции в США требуется не более 120 тыс.

Данное рассуждение дает возможность предположить, что в Китае вероятное число рабочих автоматизированных производств (включая все возможные производства) не превышает 200 тыс. Подобная оценка, конечно, является весьма приблизительной. Но в нашем случае важно не столько установить действительную численность рабочих автоматизированных производств в Китае, сколько примерно определить их удельный вес в общей численности рабочих современной промышленности КНР. Поэтому числа 100 тыс. или 300 тыс. человек для нас однопорядковые, так как они составляют примерно 1—2% общей численности рабочей силы современного производства.

В развитых странах конвейерно-поточное производство получило наибольшее распространение при изготовлении автомашин, холодильников, телевизоров, тракторов, самолетов, судов, а также танков, ракет, орудий, боеприпасов [см., например, 23, 54]. Относительно последних четырех видов продукции делать предположения трудно. Производство же автомашин, холодильников, телевизоров, тракторов и самолетов, а именно в этих сферах занята львиная доля рабочих конвейерно-поточного типа, например в США, как общеизвестно, в Китае невелико. Если бы все выпускаемые ныне в Китае автомобили и трактора (не более 250 тыс. шт.) производились на потоке, то при организации труда, аналогичной американской, потребовалось бы всего около 20 тыс. рабочих¹¹.

В целом, по-видимому, можно с достаточной степенью вероятности предположить, что общая численность рабочих автоматизированного и конвейерно-поточного производства в КНР не превышает 400 тыс. человек и составляет максимум 3—4% всей рабочей силы современной промышленности.

Разрозненные единичные сведения подтверждают высказанное предположение. Оно находится в соответствии и с качественными оценками советских исследователей¹². Предприятия новых, передовых отраслей, где имеется и поток, и автоматические линии, немногочисленны¹³. Со-

ветские и иностранные журналисты, посещающие китайские промышленные предприятия, отмечают редкость поточных и автоматизированных линий даже на специализированных, например машиностроительных, предприятиях¹⁴.

Несмотря на малый удельный вес предприятий и участков с новейшей техникой и технологией, а в некоторых случаях именно из-за их малого удельного веса социальные проблемы, связанные с развитием конвейерно-поточного и автоматизированного производств, являются, по-видимому, серьезными.

В настоящее время преобладающая часть рабочего класса — молодежь в возрасте до 30 лет, по своему происхождению — на 90% горожане, имеющие среднее образование [см. 14, 118]. Иными словами, эти рабочие обладают средней сложностью рабочей силы, дающей возможность после специального обучения работать на новом и новейшем оборудовании. Однако получить работу, соответствующую своему общеобразовательному уровню, они не могут.

Социальные проблемы автоматизации в Китае нами рассматривались из-за отсутствия необходимой информации на единственном конкретном примере — всекитайском «образцовом» предприятии — Дацинском нефтедобывающем и нефтехимическом комплексе [см. 52]. Как свидетельствуют сообщения печати, здесь созданы «целостная система образования снизу доверху» — от начальных школ до вузов — и сеть коммунальных услуг (от яслей до парикмахерских), «решены» транспортная проблема (жилье строится недалеко от места работы), жилищная проблема (жилье строится индивидуально, вначале это были землянки, а затем — хижины, но с газом и электричеством), проблема оплаты рабочей силы (рабочие основного производства получают вдвое большую заработную плату, чем «средний» китайский рабочий). Однако самое главное в дацинском эксперименте заключается в том, что для функционирования 3 тыс.—6 тыс. рабочих автоматизированного производства их обслуживает в той или иной форме 94 тыс.—97 тыс. остальных тружеников Дацина.

В целом пример Дацина показывает, что китайское руководство вынуждено признавать громадный разрыв в квалификации и сложности рабочей силы отдельных от-

рядов рабочего класса и обеспечивать воспроизводство рабочей силы современных форм промышленности.

В городах Китая на предприятиях современной промышленности рабочий день ограничен восемью часами. Транспортная проблема решается с помощью велосипедов, которые в Китае могут приобретать по преимуществу высокооплачиваемые рабочие. Во всех крупных промышленных центрах имеются новые районы с современными домами.

Подведем некоторые итоги. В целом, согласно полученным выше оценкам, вероятное распределение работников физического труда, занятых в промышленности КНР, по квалификации и характеру подготовки рабочей силы представляется следующим:

Формы промышленности	Численность рабочей силы, млн.	Доля в общей численности рабочей силы своего типа, %	Доля в общей численности всей рабочей силы промышлен- ности, %
Несовременные формы			
всего	около 45,0	100,0	76,00
домашняя	более 15,0	более 33,0	25,00
ремесло	около 20,0	45,0	34,00
мануфактура	около 10,0	22,0	17,00
Современные формы			
всего	14,0	100,0	24,00
фабрично-заводское производство	более 13,6	более 97,0	23,94
конвейерно-поточное производство	не более 0,2	менее 1,5	0,03
автоматизированное производство	не более 0,2	менее 1,5	0,03
<hr/>			
Итого	около 59,0	—	100,00

Таким образом, более $\frac{3}{4}$ рабочих в современном Китае связаны с несовременными формами промышленности и представляют собой рабочую силу в лучшем случае ремесленно-мануфактурного типа. В то же время подавляющее большинство рабочих, занятых на современных видах производства, связаны с низшей из современных форм промышленности — с фабрично-заводским производством.

Итак, реальностью современного Китая является многоукладность техники, которая, будучи следствием целого ряда причин, сама порождает комплекс новых проблем, представляющих собой части одной большой проблемы развития всего китайского общества. «Как показала практика исследования сложных объектов, между их частями (а также между частями и целым) существует не простая функциональная зависимость, а гораздо более сложная совокупность связей, в рамках которой причина одновременно выступает как следствие, полагаемое как предпосылка. Иными словами, взаимозависимость частей здесь такова, что она выступает не в виде линейного причинного ряда, а в виде своеобразного замкнутого круга, внутри которого каждый элемент связи является условием другого и обусловлен им» [19, 125].

Производство накладывает неизгладимый отпечаток и формирует личность человека, лицо общества. Однако человек приходит на производство с определенной внутренней организацией личности, уже сформированной обществом: культурой, традициями, привычками, домашним укладом и многим другим. Чтобы представить себе всю сложность ситуации, достаточно лишь коснуться одного из аспектов внепроизводственной сферы жизни человека — культуры.

Традиционная китайская культура не отвечает требованиям современной промышленности. В западных странах культура во многом — эквивалент грамотности. Китай является примером неадекватности культуры и грамотности. Точнее, здесь еще не произошло синтеза культуры и техники. Есть традиционный культурный уровень, но нет традиционного культурно-технического уровня, без которого невозможно развитие современной промышленности.

В противоречие с требованиями развития современного производства вступают многие элементы китайской действительности: низкий материальный уровень жизни населения, низкий уровень грамотности, неразвитость политических институтов, отсутствие единого этноса у самого многочисленного народа Китая — ханьцев, отсутствие территориальной мобильности. Эти и многие дру-

гие вопросы, разрешенные в некоторых странах еще на стадии буржуазно-демократических революций, ждут своего решения в Китае.

От подхода к данному комплексу проблем, от того, какие вопросы решаются как главные, какие — как второстепенные, зависит развитие китайского общества, и в частности, но прежде всего, развитие производства в этой стране.

Глава II

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РУКОВОДСТВА КНР

Задача построения социализма должна была решаться китайскими коммунистами после победы революции в 1949 г. в сложной социальной, экономической и культурной ситуации. Теоретически В. И. Ленин обосновал возможность построения социализма в стране, не достигшей уровня развития производительных сил передовых в этом отношении государств. При этом он подчеркивал, касаясь русской революции, что подобная возможность должна реализовываться в специфических условиях: прежде всего необходимо достигнуть определенного культурного и культурно-технического развития массы населения [см. 10, 379]. Восток же, писал В. И. Ленин, даст еще больше своеобразия за счет разнообразия социальных условий и большого населения в странах этого региона.

В известной статье «О нашей революции» В. И. Ленин как бы обращается к будущим поколениям коммунистов с призывом иметь мужество и непредвзятость для того, чтобы взглянуть на революции на Востоке без тех шор на глазах, которые он так едко высмеял у мелкобуржуазных демократов Европы 20-х годов.

Мелкобуржуазные демократы, отмечал он, «понимают марксизм до невозможности педантски... они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis* не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории).

Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития» [10, 380—381].

Данные положения В. И. Ленина целиком приложимы к Китаю. При построении социализма в этой стране нельзя не учитывать, конечно, известного своеобразия ее развития, но в то же время речь может идти лишь о «некоторых поправках», «об отдельных полосах развития», о различиях не в стратегии, а тактике. Соответственно, при оценке сущности позиции нынешних китайских руководителей, официально объявивших своей целью строительство социализма и коммунизма, было бы ошибочным ограничиться изучением их отдельных шагов. Принципиально важным является анализ их стратегических установок и идеалов будущего китайского общества.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

В Китае отсутствует четкая правительственная программа развития, подобная тем, которые имеются в социалистических странах Европы (по крайней мере, она не зафиксирована в официальных документах). В связи с этим возникает необходимость выявления современной технико-экономической политики Пекина. Без этого крайне затруднено изучение не только перспектив развития экономики и рабочего класса Китая, но и многие аспекты настоящего социально-экономического положения отдельных категорий трудящихся.

Наша задача облегчается тем, что ни одно государство никогда не существовало сколько-нибудь длительное время на «пустом месте» — без идеалов, с одной стороны, и реальных основ своей жизнеспособности — с другой.

В Китае руководство почти все свои установки выражает в коротком и броском лозунге. Казалось бы, в подобной ситуации понимание сути лозунга, характера его осуществления может пролить свет на замыслы, которыми руководствовались при его выдвижении. Однако

как известно, далеко не всегда цели провозглашаются открыто. Обычно это бывает либо при совпадении идеалов руководства страны и подавляющего большинства народа — рабочего класса и крестьянства, т. е. когда руководство пользуется всенародной поддержкой, либо тогда, когда идеалы руководства и народа противоположны, но правящая верхушка, имея мощный аппарат принуждения, может игнорировать желания масс. Часто же официально провозглашенные цели служат ширмой для маскировки истинных целей. Это бывает в тех случаях, когда устремления руководства и народа не совпадают, но не имеется возможности для открытого игнорирования требований народа.

Последний случай характерен для КНР. История этой страны дает немало примеров того, как за официально провозглашенной программой стояла другая — диаметрально противоположная. Достаточно вспомнить курс «пусть расцветают сто цветов», цель которого, как известно, состояла вовсе не в развитии широкой демократии, творческих поисков, дискуссий, а в выявлении инакомыслящих.

При анализе лозунгов возникает и другая сложность — трудность или невозможность представить всю совокупность целей руководства КНР в виде единого целого. Даже если бы программа развития КНР представляла собой единый документ, а не нечто прагматически возникающее и текстуально неоформленное, то и в этом случае воссоздание ее являлось бы головоломной задачей. Ибо известные нам лозунги — лишь отдельные (пусть иногда самые важные) ее части.

К сожалению, исследователь политики современного китайского руководства находится в еще более трудных условиях, ибо логическая последовательность процесса принятия решений, формирования политики и осуществления ее в Китае представляется следующим образом: у отдельных группировок руководства возникают различные предложения по решению тех или иных проблем, каждая группировка отстаивает свою точку зрения и процесс борьбы, как правило, завершается компромиссом. Сложность ситуации в том, что такой компромисс может находить свое выражение и в самой формулировке лозунга или установки, и в факте использования или, наоборот, забвения на время тех или иных лозунгов или

установок, и, наконец, в наполнении прежних лозунгов или установок новым содержанием.

По китайскому радио передаются на этот счет открытые «изречения» Мао Цзэ-дуна типа: «Принимать указания не торгуясь». Печатно высказываются более аккуратно: «Никакая партийная организация или отдельная личность не должны создавать свой центр, проводить свою линию, брать из указаний ЦК партии только то, что им нужно, слушать только то, что им нравится» [85, 60].

Иными словами, имеется большая вероятность отсутствия единой программы развития у самого пекинского руководства, в центре и на местах и, следовательно, проведения такой политики, которая в значительной степени складывается стихийно.

Современные исследователи отмечают, что у руля государственного корабля в КНР находятся сразу несколько группировок и что такое положение вовсе не является особенностью текущего периода — оно свойственно всей истории КНР, а корни его уходят еще глубже: в историю КПК и НОАК. Любой поворот в экономической политике китайская печать (обычно задним числом) обязательно связывает с каким-либо именем. Чаще всего с лицом или лицами, которые в соответствующие моменты находились у власти. Отсюда логически неизбежен вывод, что в эти моменты политика какой-либо группировки проявлялась в ее, так сказать, наиболее «чистом» (насколько позволяют обстоятельства) виде.

Однако, по всей вероятности, мы никогда не сможем наблюдать политику той или иной группировки в КНР в действительно «чистом» виде. Для этого необходимо, чтобы остальные группировки были полностью отстранены от процесса принятия решений. А такая ситуация, по мнению ряда исследователей, является нереальной. Но если все существующие группировки одновременно, хоть и в разной степени, оказывают влияние на принятие того или иного государственного решения, то почти каждое из них может быть компромиссным. В этом случае временной ряд решений становится логически непоследовательным.

Необходимо сказать, что указанные моменты уже отмечались исследователями КНР. Так, например,

В. Г. Гельбрас, описывая борьбу мнений в китайском руководстве в 1958 г., подчеркивает, что в то время «ни сторонники Мао Цзэ-дуна, ни его противники, как это стало ясно позже, не имели достаточных сил, чтобы обеспечить победу своих взглядов. Результатом взаимных уступок, своего рода компромиссом, явился курс КПК, получивший официальное название «урегулирование, пополнение, повышение» [47, 57]. «Нельзя не отметить,— продолжает автор,— одного весьма серьезного обстоятельства. Многие решения 60-х годов были компромиссны главным образом в своих формулировках, но по существу мероприятия партии во многих случаях носили четко выраженный антимаоцзэдуновский характер. Борьба между двумя основными линиями — маоцзэдунизмом и антимаоцзэдунизмом — развертывалась в различных областях» [47, 60].

Таким образом, политика в КНР видоизменяется со временем в зависимости от усиления или ослабления влияния той или иной группировки, эволюции взглядов той или иной группы высших руководящих деятелей партии и государства. Изучение всех этих моментов крайне затруднено из-за недоступности соответствующих материалов.

В настоящее время один из возможных путей изучения внутренней политики пекинских лидеров — попытаться выявить, что конкретно объединяет большую часть или все группировки в руководстве, что является их общей концептуальной платформой. Это общее не может не найти своего выражения в лозунгах. Причем естественно предположить, что лозунги, отражающие общую точку зрения руководства, должны быть основополагающими, а анализ их позволит определить основные положения внутренней политики.

Какие же лозунги в Китае считаются главными? Эпитеты «великий» и «стратегический», как правило, прилагаются к следующим установкам: «Сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила», «Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, все для народа», «Идти на двух ногах», «Опирайтесь на собственные силы», «В промышленности учиться у Дацина, в сельском хозяйстве — у Дачжая», «Глубоко рыть траншеи, широко запасать зерно, никогда не претендовать на гегемонию».

Лозунг «Сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила» преподносится китайской прессой как основа основ теории и практики Мао Цзэ-дуна, его величайший вклад в марксизм. Проанализируем эту установку. Первая ее часть представляет собой констатацию того факта, что сельское хозяйство является «исходной посылкой, базисом для развития капитала» [3, 133—134]. С такой концепцией в свое время выступили физиократы. Анализ их положений дан К. Марксом в IV томе «Капитала». Классики марксизма также не только доказали справедливость второй части рассматриваемого лозунга, но и неоднократно подчеркивали, что развитие промышленности преобразует жизнь любого общества [см., например, 2, 497 и др.; 8, 335 и др.].

Иными словами, ни для кого не является откровением тот факт, что развитие производства возможно лишь по мере развития производительности труда в сельском хозяйстве. Чем меньшее число крестьян будет способно прокормить всех других членов общества, тем быстрее общество сможет развиваться, тем быстрее растет промышленность, преобразуя все секторы экономики, и в том числе сельское хозяйство.

В данном случае нас совершенно не интересует, почему Мао Цзэ-дун не делает даже скромной попытки снять с себя лавровый венок за заслуги, ему не принадлежащие. Важно другое. Почему закономерности, в наши дни столь очевидные, преподносятся высокопарно и неутомимо уже более 15 лет? Объяснение можно найти в особенностях системы административно-политического управления, сложившейся в КНР. Местные руководители, доказывая свою лояльность к вышестоящим инстанциям, выполняют указания центра, даже если они противоречат здравому смыслу, экономическим законам. Массовое строительство мелких и средних предприятий без учета конкретных условий и возможностей, требующее больших затрат сил и средств, отвлекает от сельскохозяйственного производства нужные там рабочие руки. В результате объем производства и производительность труда в сельском хозяйстве снижаются и возникает необходимость вспоминать о том, что «в сельском хозяйстве нужно сохранять такое количество рабочей силы, которое позволяло бы осуществлять расширенное воспроизводство». Так писала газета «Гуанмин жибао»

18 января 1965 г., т. е. даже в тот период, когда массовое строительство мелких предприятий в основном не практиковалось. Со времени «культурной революции» оно снова началось — и, естественно, в печати стали периодически появляться статьи на ту же тему.

Иными словами, речь идет о своеобразной «технике безопасности», долженствующей предотвратить экономическую дистрофию. Сама по себе необходимость пропаганды такого рода «техники безопасности» свидетельствует о неспособности нынешнего китайского руководства эффективно управлять экономикой своей страны, о серьезных и систематических нарушениях экономических законов в результате практического осуществления философских и политэкономических концепций Мао Цзэ-дуна.

По сути дела, пропаганда лозунга «Сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила» равносильна напоминанию о необходимости считаться с объективными экономическими законами. В обычных условиях подобные предостережения были бы ненужными.

Отметив определенную роль лозунга в современном Китае, где антинаучные волюнтаристские методы управления народным хозяйством стали нормой, подчеркнем в то же время, что сам по себе он не раскрывает конкретных целей и методов китайского руководства. Рассматриваемая установка сама по себе слишком фундаментальна, абстрактна, всеобъемлюща, и потому, для того чтобы раскрыть ее смысл, проследить ее действие в экономике современного Китая, необходимо рассмотреть огромный по объему материал конкретного содержания, все основные положения экономической политики Пекина. Именно так и поступил академик А. М. Румянцев в своей книге «Истоки и эволюция идей Мао Цзэ-дуна». При этом предметом рассмотрения стал не сам лозунг, а вся совокупность мероприятий маоистской экономической политики. обстоятельный и глубокий анализ, в частности, показал, что лозунг «Сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила» является лишь средством для проведения такой экономической политики, которая способствовала бы достижению целей маоистов.

Прежде чем приступить к рассмотрению остальных «главных» лозунгов пекинского руководства, заметим,

что между ними существует внутренняя связь, видимая даже невооруженным глазом. Они легко распределяются по иерархии. Например, ясно, что «рыть траншеи и запасать зерно» надо для того, чтобы «готовиться к войне и к стихийным бедствиям», «учиться у Дацина и Дачжая» необходимо тому, каким образом «опираться на собственные силы» и «идти на двух ногах», в порядке «подготовки к войне».

Сопоставив таким образом различные лозунги, мы видим, что центральной среди них оказывается установка «Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, все для народа». Однако сомнительно, чтобы этот лозунг являлся самым «главным», так как по самой своей сути «подготовка» — скорее аналог средства, а не цели. Какая же цель венчает иерархическую пирамиду лозунгов? Очевидно, она должна вытекать из каждого элемента триединой установки «Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, все для народа» и стоять как бы над ними.

Прежде всего зададимся вопросом: может ли это быть задачей построения социализма и коммунизма? Обратим внимание на то, что все лозунги являются призывом к конкретному, непосредственному действию. «Готовиться к войне» надо сейчас — если бы это необходимо было делать через несколько лет, то лозунг вообще теряет смысл. Также сейчас нужно «готовиться к стихийным бедствиям», сейчас «рыть траншеи» и т. д. В то же время хорошо известно, что согласно маоистским «теориям» социализм, не говоря уже о коммунизме, в Китае будет строиться в течение нескольких сотен лет. Такое положение пропагандировалось и до, и во время «культурной революции». Вновь оно было повторено пекинским радио 4 марта 1974 г. в передаче «Изучать произведения Маркса, Ленина и произведения председателя Мао Цзэ-дуна». В ней воспроизводилось то место из передовой статьи ноябрьского номера «Хунци» за 1967 г., где говорилось, что для победы социализма над капитализмом в Китае понадобится сто или несколько сотен лет, что в течение нескольких десятилетий такая победа невозможна.

Следовательно, не построению социализма и коммунизма, а достижению какой-то иной сверхцели подчинены все прочие маоистские лозунги. Таковой является

стремление «сделать Китай могучим и процветающим». Для претворения этого лозунга в жизнь нынешние китайские руководители на протяжении последних лет, начиная с «большого скачка», прилагают огромные усилия. Нетрудно заметить, что данная установка логически вытекает из всех названных выше лозунгов.

В итоге вырисовывается следующая иерархия внутриполитических лозунгов нынешнего китайского руководства:

Формулировка установки	Оценка весомости
«Сделать Китай могучим и процветающим»	Глобальная установка
«Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, все для народа»	Стратегические установки
«Идти на двух ногах»	} Генеральная тактическая линия
«Опора на собственные силы»	
«В промышленности учиться у Дацина, в сельском хозяйстве — у Дачжая»	} Рабочие установки
«Самообеспечение»	
«Самооснащение»	
«Комплексное использование»	
«Техническое новаторство»	
«Два участия и три сочетания»	
«Рыть траншеи, усиленно запастись зерно, никогда не претендовать на гегемонию» и т. п.	

Прежде чем приступить к рассмотрению предлагаемой иерархии установок, следует кратко остановиться на исторической трансформации лозунга создания «могучего Китая». Возник он как естественная реакция на унижающее, полуколониальное положение народа, считающего себя великим. Когда после долгих веков самоизоляции и самовоспевания китайского образа жизни и культуры Срединная империя столкнулась лицом к лицу с мировыми колониальными державами, китайская интеллигенция осознала, что ее страна находится, по крайней мере в экономическом отношении, на задворках истории. Чем унижительней были договоры с колониальными державами, чем явственней последние демонстрировали свое военное превосходство, тем актуальнее становилось стремление сделать Китай могучим. Впервые ознакомившись с марксистскими идеями, значительная часть китайской интеллигенции стала оценивать

их именно с точки зрения возможности быстро создать «могучий Китай». Эти настроения хорошо описал Л. П. Делюсин в работе «Спор о социализме»: «Осенью 1920 г. на страницах китайской печати впервые развернулась дискуссия по вопросу о том, какая из двух систем — капиталистическая или социалистическая — сможет обеспечить Китаю в кратчайшие сроки национальное возрождение». «Тогда в статьях откровенно, последовательно и настойчиво звучала одна мысль: каким образом можно в короткие исторические сроки сделать Китай сильным и процветающим государством» [38, 3, 59].

Эта линия была подхвачена маоистской националистической группой в КПК. После захвата ею власти в партии и стране курс на создание «могучего Китая» принял конкретное воплощение в стремлении утвердить гегемонию КНР в «третьем мире», а КПК — в международном коммунистическом движении. Иными словами, в маоистской трактовке идея «могучего Китая» слилась с великодержавно-шовинистическими поползновениями. Для дальнейшего нашего анализа этот момент имеет весьма существенное значение.

Чтобы убедиться в том, что установки нынешнего руководства КНР преследуют цель создания «могучего Китая» в кратчайшие сроки, необходимо последовательно рассмотреть, к чему ведет осуществление прочих лозунгов — от «низших» к «высшим», от частных к более обобщающим.

Установка «учиться у Дацина и Дачжая» является пропагандой конкретных методов развития промышленности (Дацин) и сельского хозяйства (Дачжай). Подробнее вопрос о Дацине рассматривается ниже. Отметим только, что общим в пропаганде, но не на практике и для Дацина, и для Дачжая является практическое осуществление принципа «опоры на собственные силы, упорного и самоотверженного труда». Развитие промышленности, согласно этому лозунгу, должно осуществляться путем создания оборудования силами производственников, а не машиностроителей, с минимальной помощью других отраслей и предприятий, с минимальными государственными капитальными вложениями. Равным образом подъем сельского хозяйства должен происходить без помощи или с минимальной помощью государства,

промышленности; орудия труда крестьянам следует изготавливать самим. Корреспондент агентства Рейтер Дж. Шарп, побывавший летом 1974 г. в Дацине, писал: «Легенда о Дацине теперь вошла в фольклор коммунистического Китая. Дацин символизирует философию Китая — философию движения в одиночку (т. е. принцип „опоры на собственные силы“.— Э. К.). Он также воплощает дух упорного труда в неблагоприятных условиях, который Пекин старается насадить в стране».

Таким образом, пропаганда «опыта Дацина и Дачжая» свидетельствует о желании нынешнего руководства КНР заставить свой народ трудиться как можно больше, но без существенного улучшения жизненного уровня, условий работы и быта. Об этом же свидетельствует пропаганда своеобразного морального кодекса маоистов, изложенного в статье Мао Цзэ-дуна «Юй Гун передвинул горы». Иными словами, в данном случае целью «упорного труда» не является подъем народного благосостояния, как это имеет место в странах социализма. Не связан он и с частнособственнической эксплуатацией — как это убедительно показал В. И. Ванин [см. 20], капиталистическая собственность в КНР была фактически национализирована еще в 1957 г. Остается сделать вывод, что «упорный труд» в соответствии с «духом Дацина и Дачжая» необходим только для развития государственной мощи, т. е. создания «могучего Китая».

Другая «рабочая установка» — «Рыть глубокие траншеи, широко запастись зерно, никогда не претендовать на гегемонию» — достаточно откровенна и почти не требует толкований. Ясно, что «рыть глубокие траншеи» нужно в порядке подготовки к войне, а «широко запастись зерно» — для того, чтобы быть готовым и к войне и к стихийным бедствиям.

Известно, что в настоящее время по всему Китаю — и в городах, и в сельскохозяйственных «коммунах» — строят бомбоубежища. Пропаганда создания траншей, тоннелей и убежищ идет по всем каналам массовой информации. В частности, демонстрируется кинофильм «Война в тоннеле», посвященный приключениям китайского Джеймса Бонда, который заставил своих односельчан прорыть под деревней широко разветвленную сеть тоннелей — не только для защиты односельчан, но и как ловушку для врага [см. 104, 18.III.1974, 111.—112].

Третья часть рассматриваемого лозунга — «никогда не претендовать на гегемонию» — свидетельствует об его антисоветской направленности. Согласно утверждениям китайской пропаганды, на гегемонию в мире в настоящее время якобы претендует Советский Союз, а также Соединенные Штаты, причем, по мнению пекинских руководителей, советский «ревизионизм» значительно опаснее «старого империализма». Следовательно, лозунг в целом ориентирует китайское общество на создание «могучего Китая» путем «подтягивания поясов» и для «подготовки к войне». В то же время нельзя не отметить и фарисейства этой части лозунга, призванной замаскировать подлинные, гегемонистские устремления Пекина.

Подобная направленность, соответствующая, как уже отмечалось, маоистскому пониманию идеи «могучего Китая», привела, как известно, к противопоставлению КНР государствам социалистического содружества. С этим же, в свою очередь, четко связан внешнеполитический аспект лозунга «Опирайтесь на собственные силы», призванного, в частности, теоретически «обосновать» линию на разрыв дружественных связей со странами социализма.

Но главная направленность данного лозунга и тесно связанной с ним установки «Идти на двух ногах» лежит в сфере внутренней политики. В них формулируются основы технико-экономической политики современного руководства КНР. Суть «опоры на собственные силы» состоит в ориентации общества на автаркическое развитие. Такого рода развитие объявляется обязательным для всех уровней народного хозяйства КНР — от государства до «основной социальной единицы» — «народной коммуны» и даже производственной бригады (какой, например, является Дачжайская).

Суть курса «идти на двух ногах» состоит в одновременном развитии как тяжелой, так и легкой промышленности в целом, так и сельского хозяйства, как крупных, так и мелких предприятий.

Постараемся показать, что обе эти линии технико-экономической политики непосредственно вытекают из идеи создания «могучего Китая», в ее маоистском гегемонистско-великодержавном толковании.

Об этом свидетельствует, в частности, история появления курса «Идти на двух ногах». Как известно,

VIII съезд КПК (в 1956 г.), стоявший в принципе на марксистско-ленинских позициях, исходил из иных установок. «Нельзя,— говорится в его резолюции,— допускать какого-либо игнорирования основного курса на преимущественное развитие тяжелой промышленности. Ошибочным является уклон, выражающийся в требованиях проводить одинаковыми темпами строительство во всех областях, без различия между главным и второстепенным, срочным и менее срочным... По вопросу о соотношении между крупной промышленностью, с одной стороны, и средней и мелкой промышленностью — с другой, следует сделать упор на строительство крупных промышленных предприятий, которые играют роль костяка промышленности, а также планомерно строить новые и реконструировать имеющиеся средние и мелкие промышленные предприятия, которые играют вспомогательную роль или на которых удобнее вести производство в сравнительно небольших масштабах» [58, 473, 476].

Но уже в мае 1958 г., т. е. в период, когда наметилась линия пекинских лидеров на отход от марксистско-ленинских позиций и, соответственно на противопоставление Китая странам социалистического содружества, на второй сессии VIII съезда было принято решение о курсе «идти на двух ногах». На первых порах формулировка этого курса имела вид компромисса: «Мы идем по пути создания крупномасштабных предприятий, использующих современные промышленные методы. Но в условиях отсутствия соответствующих средств и техники развитие маломасштабных предприятий, использующих традиционные методы производства, является целью наших главных усилий — на определенный период времени и в определенных местах» [141]. Однако практически с первых дней своего возникновения курс «идти на двух ногах» рассматривался как универсальное средство развития экономики страны. «Через тысячу лет и через десять тысяч лет,— утверждал журнал „Хунци“,— будут существовать мелкие традиционные и мелкие полусовременные на данный момент предприятия» [127, 1960, № 9, 3].

С тех пор в китайской печати, как центральной, так и провинциальной, постоянно встречаются сентенции типа «необходимо изживать такие настроения, как „обращать большее внимание на изготовление и пренебрегать ре-

монтон", „гоняться за большим и современным“, необходимо... решительно придерживаться курса „идти на двух ногах“, т. е. сочетать ремонт и изготовление, беря за основу ремонт; сочетать кустарное и современное, беря за основу кустарное; строить крупные и малые [предприятия], беря за основу малые» [88, 78—79].

Одним из наиболее ярких проявлений курса «идти на двух ногах» является разделение промышленности Китая на промышленность центрального и местного подчинения. В центральном подчинении находятся крупные предприятия групп «А» и «Б», большая часть средних группы «А» и некоторая часть средних группы «Б». Эти предприятия осуществляют свое развитие с помощью капитальных вложений государства. Остальные предприятия подчиняются местным органам власти и развиваются на средства провинций, городов, уездов, крупных предприятий и «коммун».

Таким образом, развитие тяжелой и той части легкой промышленности, которая имеет общенациональное значение, находится под непосредственным управлением центральных правительственных органов. Одновременно наблюдается тенденция развития предприятий тяжелой промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, производства предметов широкого потребления силами регионов, за счет их внутренних ресурсов, путем создания мелких и средних по величине предприятий [см., например, 134, № 39, 1971, 9—11].

Обосновывая такой курс, «Жэньминь жибао» в августе 1970 г. писала, что «лишь при одновременном развитии крупных, средних и мелких предприятий можно быстро осуществить правильное размещение промышленности... Строительство мелкого металлургического завода, угольной шахты, механического завода, цементного завода или завода химических удобрений требует, как правило, капитальных вложений на сумму от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч юаней. Оборудование для такого завода может изготавливаться на местах. Срок сдачи в эксплуатацию — несколько месяцев... Чем быстрее развиваются средние и мелкие предприятия, тем больше государственной продукции, тем больше государственных накоплений».

Далее в статье подчеркивалось повышение уровня и количественный рост технического персонала по мере

развития таких предприятий. В заключение в ней говорилось: «Это дает возможность построить больше крупных предприятий в качестве „костяка“, развить промышленность высокими темпами и выиграть время. В этом и есть самая большая экономия» [142, 24.VIII.1970] ¹.

Сообщения китайской прессы свидетельствуют, что к концу 1970 г. в большинстве провинций данный курс в разной форме проводился в жизнь. Как это выглядело на практике, можно судить, например, по установкам, принятым семинаром по комплексному использованию, широкому созданию легкой и химической промышленности, прошедшим в пров. Хэйлунцзян непосредственно после опубликования цитированной выше статьи «Жэньминь жибао». Среди его решений, носящих в основном политический характер, имеются три экономических тезиса: а) предприятия легкой и химической промышленности должны сами добывать себе сырье; б) необходимо срочно создать систему по изготовлению и ремонту оборудования для легкой и химической промышленности по принципу «сам вооружай себя»; в) крупные заводы должны строить мелкие, старые — новые, все отрасли промышленности собственными силами должны широко создавать предприятия легкой и химической промышленности.

В первой известной нам книге об экономике и экономической политике, изданной в Китае после «культурной революции», рисуется следующая картина: «На местах бурно развивается промышленность, состоящая из средних и мелких предприятий. В 1971 г. удельный вес мелких предприятий в общекитайском производстве чугуна составил 25%, цемента — 44%, минеральных удобрений — более половины... В 96% уездов страны созданы предприятия по ремонту и производству сельскохозяйственных машин. Развитие местной промышленности играет все большую роль в улучшении размещения промышленности, оказании помощи сельскому хозяйству, усилении подготовки к войне» [89, 4].

Наконец, в одном из пропагандистских сообщений ставятся все точки над «и» — прямо говорится, для чего строятся эти мелкие и средние предприятия: «Сознательно создаются должные отношения между сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью. Мелкие и средние предприятия дают деревне сталь, камен-

ный уголь, цемент, электромоторы, водяные насосы, трансформаторы, станки и шарикоподшипники, а также товары широкого потребления». Эти виды продукции раньше поступали в деревню большей частью с промышленных предприятий центрального подчинения, из современного сектора производства. Таким образом, ныне, как и в 1958—1959 гг., делается «заявка» на отделение современного сектора производства от основного потребителя в Китае — деревни. Ее потребности должны удовлетворять (по принципу «опоры на собственные силы») местные мелкие и средние предприятия, созданные и работающие большей частью, как пишет сама китайская пресса, «традиционными», «местными», «несовременными» методами.

Итак, осуществляя установки «идти на двух ногах» и «опираться на собственные силы», нынешнее китайское руководство явно планирует обеспечить подъем тяжелой промышленности за счет средств, полученных от легкой, фондоотдача которой происходит быстрее; произвести частичную децентрализацию предприятий и отраслей промышленности, отставание в развитии которых не снизит темпы роста тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса; создать децентрализованное мелкое производство для удовлетворения нужд сельского хозяйства и населения. Таким образом, обе установки технико-экономической политики также служат стремлению пекинских лидеров обеспечить в кратчайшие исторические сроки создание «могучего Китая». Рассмотрим теперь, как установки «низших» звеньев иерархической лестницы лозунгов руководства КНР способствуют выполнению «высших».

Проведение в жизнь установки «готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, все для народа» подразумевает создание мощного военно-промышленного комплекса, что предполагает централизованное управление всеми ресурсами страны, опережающие темпы роста тяжелой промышленности. Но во время современной ядерной войны предпочтительны и такие формы организации, как рассредоточение промышленности по регионам и децентрализация управления.

«Опора на собственные силы» и движение вперед по принципу «идти на двух ногах» способствуют осуществлению одновременно этих двух противоречащих друг

другу линий. Действительно, за счет централизованных государственных средств создается военно-промышленный комплекс. Централизованным порядком удовлетворяются его требования к тяжелой промышленности, поскольку все крупные и средние предприятия группы «А» находятся в центральном подчинении. Также в централизованном порядке удовлетворяются требования военно-промышленного комплекса к легкой промышленности, поскольку и все крупные предприятия группы «Б» находятся в центральном подчинении. Именно такие предприятия способны удовлетворить массовые (крупносерийные) потребности в предметах широкого потребления такого заказчика, как армия.

С другой стороны, рассредоточение промышленности по регионам достигается тем, что нужды «коммуны», уезда, округа, провинции должны в значительной степени удовлетворяться местными вновь создаваемыми предприятиями. Потребности регионов в продукции тяжелой промышленности должны покрываться строящимися мелкими и средними предприятиями тяжелой промышленности.

Централизованное управление ресурсами страны обеспечивается подчинением центру крупных предприятий всех отраслей промышленности, современных средств транспорта, единым банком и единой системой управления.

Установка «готовиться к стихийным бедствиям» никогда Пекином четко не разъяснялась и может быть истолкована различным образом. Однако при всех толкованиях, о которых речь будет идти ниже, практические действия руководства должны предусматривать идентичные мероприятия: создание страхового запаса продовольствия и предметов первой необходимости. Гарантом страховых запасов продовольствия обычно бывает государство. Однако в Китае в соответствии с установкой «опираться на собственные силы» и курсом «идти на двух ногах» гарантами являются как государство в целом, так и регион. Китайская пропаганда призывает крестьян создавать запасы продовольствия на низовых уровнях, вплоть до семьи. Этому, в частности, посвящена специальная рубрика «Необходимо иметь запасы зерна» в газете «Жэньминь жибао».

В Китае считается, что запасы ширпотреба целесо-

образно создавать не на центральном, а на региональных уровнях, ибо, чем скорее они будут реализованы, «тем больше будет государственных накоплений». При массовом выпуске предметов широкого потребления и соответствующей пропаганде запасы могут быть созданы также на низовом уровне — в семье. Гарантом массового выпуска в этом случае также является регион — от «коммуны» до провинции.

Установка «все для народа» подразумевает заботу о росте народного благосостояния. В то же время ясно, что серьезное улучшение жизни народных масс и быстрое создание «могучего» в военно-промышленном отношении Китая несовместимы. Однако маоисты «нашли» своеобразный способ обеспечить удовлетворение насущнейших потребностей населения за счет его дополнительных усилий — путем развития местных предприятий. По сути дела, это означает, что в триедином лозунге «Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, все для народа» последний призыв является обычной социальной демагогией. Он служит для дезинформации населения, для того чтобы можно было успешно выполнять первые две установки.

Подводя итоги, можно сказать, что установки «идти на двух ногах» и «опираться на собственные силы» в современных китайских условиях призваны обеспечить выполнение стратегического триединого лозунга, сгладить заложенные в нем противоречия путем как осуществления определенных технико-экономических мероприятий, так и прямой демагогии — «все для народа». Без установок «опираться на собственные силы» и «идти на двух ногах» эта демагогия была бы просто невозможна.

Таким образом, все «великие» и «стратегические» лозунги нынешнего китайского руководства логично, последовательно ведут к одному — «Сделать Китай могучим» на путях милитаризации. Но тот факт, что реализация этой установки осуществляется за счет пренебрежения насущными потребностями населения, делает ее непопулярной среди прогрессивно мыслящей части китайского народа и за пределами Китая.

«Мы хотим видеть Китай процветающей социалистической державой», — сказал Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических

Республик» [12, 33]. Этого хочет китайский народ и все прогрессивное человечество. Однако слишком очевидно, что установка «сделать Китай могучим» трактуется руководством КНР в духе великодержавия, шовинизма и гегемонизма, в их устах она означает стремление создать прежде всего мощную военную державу с современными видами оружия.

Осознание этого происходит во всем мире. Не случайно известный американский обозреватель Дж. Олсоп писал: «Мне кажется теперь, что во всем этом я был неправ, по крайней мере, что касается Китая с точки зрения более далекой перспективы. Но если я был неправ раньше и прав теперь, то придется считаться с одним поразительным фактом. Китай, добившись разительного материального успеха и вооруженный современным оружием, автоматически станет сверхгигантской державой» [90, 16], цель которой состоит в подготовке к войне со всеми инакомыслящими.

ПОДГОТОВКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ. МЕСТО РАБОЧЕГО КЛАССА В ОБЩЕСТВЕ

Внутренняя политика руководства КНР, основной целью которого является создание «могучего Китая» как можно быстрее и во что бы то ни стало, не может не быть антинародной. Влияние антинародной сущности политики нынешнего пекинского руководства, с течением времени и событий цепной реакцией мероприятий постепенно распространяющееся на различные стороны общественной жизни Китая, так или иначе скажется на будущем развитии общества. В соответствии с поставленной задачей мы коснемся лишь двух аспектов внутренней политики: характера подготовки рабочей силы и места рабочего класса в обществе, все силы которого направлены на создание «могучего Китая».

По мнению ученых 23 капиталистических и развивающихся стран, несколько лет назад собравшихся в Суссекском университете в Брайтоне (Англия) на конференцию по проблемам технико-экономической политики КНР, в период между «большим скачком» и «культурной революцией» руководство КНР поняло, что «обычная структура современной науки и техники не подхо-

дит для экономического развития Китая, равно как и других развивающихся стран», что китайская наука носит скорее академический, чем экономический характер, что ученые и технические специалисты образуют элиту общества, а полученное ими за рубежом образование отделяет их от народа и замыкает в лабораториях— «башнях из слоновой кости», что китайскому обществу нужно лишь ограниченное количество специалистов современного типа [98, 372—373].

Как известно, сейчас на Западе среди специалистов-синологов стало признаком хорошего тона оправдывать практически все действия китайского руководства или, по крайней мере, объяснять их необходимостью. Однако одно из исходных положений, выдвинутых на указанной конференции, на наш взгляд, сомнений не вызывает: науку и технику в Китае нельзя изучать в отрыве от политических и идеологических установок руководства этой страны [см. 98, 371]. Если рассматривать события с точки зрения руководства КНР, то его действия необходимо признать логичными. Эти действия, идя вразрез с коренными нуждами народа, отвечают идеологическим установкам руководства.

Действительно, если смотреть, например, на уровень образования народных масс исключительно с точки зрения утилитарных потребностей производства, то ориентация нынешнего руководства КНР на распространение главным образом начального образования имеет под собой определенное экономическое и политическое обоснование. Китайская деревня не механизирована, следовательно, производственные потребности в среднем общем и специальном образовании в этом секторе экономики минимальны. В промышленности подавляющая часть рабочих занята либо на мелких, в технологическом отношении отсталых, технически примитивных предприятиях, либо на предприятиях фабрично-заводского производства. От рабочих в этих условиях требуется низкий уровень грамотности.

О влиянии образования на квалификацию и производительность труда фабрично-заводских рабочих С. Г. Струмилин на основании глубокого научного исследования писал: «При физическом труде лишь первые три года школы дают рабочему несомненно больше, чем ему дала бы за это время заводская выучка... а затраты

окупаются уже в первые 1,5 года... Квалификационное значение школы второй ступени для физического труда значительно скромнее по сравнению с начальной школой» [73, 117].

Повсеместное введение всеобщего среднего образования и расширение числа специалистов с высшим образованием экономически оправдано прежде всего тогда, когда берется курс на быструю индустриализацию, на массовое строительство предприятий современной техники и технологии. Для интенсивно строящихся современных предприятий потребовалась бы и современная — сложная — рабочая сила, предпосылкой для которой является общее среднее образование.

Впрочем, было бы неверным рассматривать проблему народного образования в КНР только с точки зрения потребностей экономического развития. Маоисты буквально клянутся социализмом, они без устали твердят о строительстве в Китае нового общества. Но девиз социализма — полное благосостояние и свободное всестороннее развитие каждого члена общества. Понятно, что добиться реализации этого девиза в условиях Китая сразу невозможно. Единственный путь — идти к этой цели постепенно, шаг за шагом. Маоисты же таких шагов не делают. Более того, проводимая ими социально-экономическая политика ставит серьезнейшие преграды такому развитию. Все это лишь доказывает, что главная стратегическая цель маоистов не имеет ничего общего с интересами построения социализма и чаяниями трудящихся. Этот антисоциалистический, антинародный курс в полной мере проявляется в вопросе о народном образовании.

Развитие научно-технической революции показало, что в наши дни развитие любой страны в принципе возможно лишь в условиях опережения уровня подготовки рабочей силы по сравнению с потребностями производства на текущий момент. Руководствуясь потребностями не только настоящего, но и будущего, черпая уверенность в завтрашнем дне, в дружбе с Советским Союзом и другими социалистическими странами, КПК в начале 50-х годов осуществила ряд мероприятий, направленных на широкое внедрение общего образования, улучшение профессиональной подготовки, расширение сети высшего образования.

В частности, быстро росло количество школ по подготовке квалифицированных рабочих. В 1949 г. таких школ было 3, а в 1959 г.— 608. В них велась подготовка рабочих по 154 специальностям. С 1949 по 1958 г. в этих школах было подготовлено 202 тыс. рабочих [126, № 19, 13]. В несколько раз по сравнению с периодом томиньдановского господства возросло число учащихся средних школ и студентов.

Поскольку для фабрично-заводского производства рабочая сила может быть подготовлена методом ученичества, то на этот вид подготовки квалифицированных рабочих и был сделан основной упор. Только в металлургической промышленности, по неполным данным, за 10 лет (1949—1958) методом ученичества было подготовлено около 1 млн. квалифицированных рабочих [126, № 20, 15]. В дальнейшем, когда в политике руководства КНР и КПК наметился отход от принципов марксизма-ленинизма и начала возобладать националистическая, гегемонистическая струя, было решено, что подготовка квалифицированных рабочих в школах обходится государству слишком дорого. Эти школы стали переводить на самообеспечение и самокупаемость [см. 126, № 19, 15]. Затем та же судьба постигла и многие общеобразовательные учебные заведения.

В начале «культурной революции» было опубликовано указание Мао Цзэ-дуна: «Занимаясь главным образом учебой, они (учащиеся.— Э. К.) должны совмещать ее с приобретением других знаний, т. е. учиться не только по книгам, но и приобщаться к промышленности и к сельскохозяйственному труду, военному делу, должны критиковать буржуазию. Срок обучения нужно сократить» [142, I.VIII.1966].

Слова Мао Цзэ-дуна на первый взгляд разумны: совмещение труда с учебой, если оно правильно организовано,— прогрессивное явление, сокращение сроков обучения — насущная проблема, которую ставит научно-техническая революция перед всеми развитыми странами. Однако сколько-нибудь объективный анализ показывает несостоятельность, антинародную сущность смысла требования Мао Цзэ-дуна. Предпосылки и причины постановки им данного вопроса, предлагаемые методы решения и преследуемые конечные цели и в данном случае определяются глобальной установкой «сделать

Китай могучим», оторванной от действительных коренных интересов китайского общества, прежде всего рабочего класса.

Китай, перейдя на путь преимущественно автаркического развития, не может обеспечить быстрого экономического роста за счет современной промышленности, так как для строительства крупных современных предприятий нужны большие капиталовложения. Когда же речь идет о создании главным образом мелких и средних примитивных, кустарных, несовременных предприятий, где не нужны рабочие со средним образованием и вовсе не нужны инженеры, тогда, естественно, «срок обучения нужно сократить».

В результате такой политики многие из 28 млн. учащихся средних школ (на конец 1950-х годов) [см. 111, 140], которых готовили в расчете на иной путь развития, оказались «лишними» и были высланы «на вечное поселение в деревню». До середины 60-х годов в деревни отправлено 40 млн. выпускников начальной, неполной средней и средней школ. В 1968—1969 гг. и в 70-е годы их судьбу разделили еще 10 млн. выпускников школ. Аналогичная судьба постигла также часть студентов и, как это ни парадоксально на первый взгляд, специалистов с высшим образованием — ученых, врачей, инженеров. Их «производство», если так можно выразиться, тоже было рассчитано на другой путь развития. С переходом Китая на курс «опоры на собственные силы» подавляющее большинство ученых со своими исследованиями автоматически оказались лишними людьми в маоистской системе хозяйствования.

Учитывая известный прагматизм нынешнего руководства КНР, логично допустить, что если бы по их расчетам требовались специалисты с высшим образованием, то вузы не закрылись бы на столь длительный срок во время и после «культурной революции», не стали бы выпускать недоучившихся студентов, а ученые и инженеры работали бы не киркой и лопатой, а использовались по прямому назначению.

Именно так, в частности, обстоит дело с подготовкой дипломированных врачей. Срок обучения в медицинских вузах был вначале сокращен до 3—4 лет, но затем фактически продлен введением практики и стажировки в больницах при институтах.

При тотальном прекращении учебы имели место анекдотические ситуации. Например, для компенсации нехватки квалифицированных кадров во время «культурной революции» на «самоподготовку» специалистов перешли некоторые институты китайской Академии наук. Они готовили и до сих пор готовят научно-технических и научных работников из числа выпускников средних школ методом «ученичества» [см. 106, 86].

Фактические потребности Китая в специалистах в условиях осуществления курсов «идти на двух ногах» и «опираться на собственные силы» уменьшились и количественно и качественно. Сокращение сроков обучения в школах и вузах при отсутствии специальных программ, компенсирующих сокращение времени увеличением потока информации, не может не вести к снижению качества образования. Что касается количественной стороны дела, то в вузы Китая, когда в них возобновились занятия после «культурной революции», было принято 353 тыс. студентов — приблизительно вдвое меньше, чем их принималось до 1966 г., и примерно столько же, сколько во время господства гоминьдана [см. 104, 124]. Иными словами, в настоящее время, с точки зрения маоистов, требуется такой же ежегодный прирост числа специалистов, как и 30—40 лет тому назад.

Политика нынешнего китайского руководства по отношению к народному образованию логически «объяснима» не только технико-экономически, но и социально, политически. Уровень жизни народа в Китае последние 15 лет практически «заморожен», с 50-х годов фактически не ведется жилищного строительства, люди со сколько-нибудь систематическим образованием не могут получить работу, общественное положение и жизненные блага, соответствующие их подготовке и сопоставимые с теми, которые получали их отцы и старшие братья в годы первой пятилетки. В этих условиях увеличивать число образованных людей — значит умножать общественные группы населения, недовольные своим положением. Причем известно, что чем выше уровень образования, тем быстрее осознаются проблемы развития общества, сильнее недовольство, активнее его выражение. Поэтому ограничить уровень образования узкими потребностями производства — вот чего добиваются руководители, принявшие «большой скачок» и «культурную револю-

цию», поставившие под угрозу социалистические завоевания народа.

Образованность, как известно, является предпосылкой не только для социальной, но и для политической активности. В самом начале мирного строительства новой жизни в нашей стране В. И. Ленин писал: «Пока есть такое явление как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя» [9, 174]. Думается, что нынешнее руководство КНР не хотело бы, чтобы народные массы обращались к политике в том смысле, как это понимал В. И. Ленин. Для занятий политикой в маоистском толковании вовсе не обязательно быть грамотным. Так, путешествовавший по Китаю в начале 70-х годов американский китаевед П. Пиковиц писал, что он во время своей поездки встречал «безграмотных работников умственного труда и чародеев политики, которые не прочли ни одной книги» [107, 14].

Другим чрезвычайно важным моментом, раскрывающим истинный характер целей нынешнего руководства КНР, является отношение последнего, с одной стороны, к исторически самому прогрессивному классу — пролетариату, а с другой — к национальной буржуазии.

В китайской печати последних лет наложено своеобразное табу на тематику, связанную с положением и ролью в обществе национальной буржуазии, что само по себе весьма символично. При рассмотрении данной проблемы мы будем опираться на монографию В. И. Ванина «Государственный капитализм в КНР» [20].

В результате процессов 1949—1957 гг. в Китае произошла фактическая национализация всех средств производства. Буржуазия, как класс, владевший средствами производства, прекратила свое существование. Классики марксизма-ленинизма предусматривали возможность, после взятия власти пролетариатом, откупиться от буржуазии, более того, заставить ее работать на новое общество. Как показывает В. И. Ванин, в Китае формально удалось и то, и другое. Но какой ценой?

Китайская национальная буржуазия не может жаловаться на свою судьбу. После победы революции в 1949 г. государство, заинтересованное в быстром росте производства, вкладывало свой капитал даже в убыточ-

ные промышленные предприятия, спасая их от банкротства, и создавало более благоприятные, чем до революции, условия для их функционирования. Постепенно проводя национализацию средств производства, государство отделило национальную буржуазию от средств производства и лишило ее возможности непосредственно получать прибыль от предприятия. Однако капиталистам было гарантировано «пять по-прежнему»: прежнее политическое положение, доходы с капитала, высокое жалованье, ученые и другие звания, а также «политика перевоспитания». Бывшие владельцы средств производства ежегодно получают от государства доход в размере 5% своего прежнего капитала вне зависимости от результатов хозяйственной деятельности предприятий. В начале 50-х годов ежегодные прибыли капиталистов в среднем не превышали этого уровня.

Образно говоря, капиталистов выпустили на пенсию, причем размер последней определили равным наивысшему нетрудовому доходу в прошлом. Кроме того, что особенно важно в условиях Китая, им была гарантирована работа.

Многие бывшие капиталисты не только сохранили высокие посты в промышленности. Жалованье, которое они получают, в два и более раза превышает оклады государственных служащих на аналогичных должностях. В. И. Ванин на основании проделанного им анализа приходит к выводу, что именно высокое жалованье бывших капиталистов, а не фиксированный процент, является основной статьей их доходов [см. 20, 278—279]. По его подсчетам, общая сумма расходов государства, связанных с выплатой ежегодного фиксированного процента на капитал и надбавок к должностным окладам, к 1970 г. превысила более чем в 1,5 раза стоимость средств производства, ранее принадлежавших национальной буржуазии.

Особый подход китайских руководителей к этому слою прослеживается и в социально-политическом плане. Так, к его представителям применялись более мягкие меры наказаний, чем к выходцам из других классов, даже в тех случаях, когда они открыто выступали против существующего строя. Например, во время «движения за упорядочение стиля» в 1957—1958 гг. по отношению к представителям национальной буржуазии, объявлен-

ным «правыми элементами», проводилась «линия прощения прежних грехов». «В отношении буржуазных правых элементов мы, — заявляли китайские руководители, — проявили великодушный подход, помогая им перевоспитаться, не лишали их гражданских прав, обеспечили их трудовое и бытовое устройство» [цит. по: 20, 276]. Характерно, что уже с 1965 г. были сняты ограничения на прием выходцев из буржуазных семей в комсомол и КПК. Не затронула национальную буржуазию, как известно, и буря «культурной революции».

Бывшие капиталисты перестали быть единоличными, полноправными хозяевами на предприятиях. Однако они остались там руководителями в качестве государственных служащих с привилегированно высоким жалованьем. Иной была эволюция роли рабочих на тех же предприятиях.

На частных предприятиях после опубликования в апреле 1950 г. инструкции министерства труда КНР создавались комиссии, включавшие представителей рабочих и капиталистов. В задачу данных органов входило заключение и проверка выполнения коллективных договоров, обсуждение производственной деятельности предприятия, системы и методов управления, оплаты труда, использования рабочей силы на предприятии и т. п.

На базе подобного рабочего контроля при внедрении начальных форм государственного капитализма «создавалась система (курсив наш. — Э. К.) участия рабочих в управлении предприятием» [20, 132]. Позднее, при организации смешанных государственно-частных предприятий, рабочие в составе специальных комитетов вместе с представителями государства и капиталистов занимались оценкой имущества, регулированием вопросов кредиторской и дебиторской задолженности компаний и акционерных обществ. На смешанных предприятиях создавались комитеты демократического управления, расширявшие права рабочих. Казалось, недалек тот час, когда рабочие станут полноправными хозяевами на производстве. Рабочие в комитетах демократического управления заслушивали доклады руководителей предприятий о производственной деятельности, планах работы, расстановке кадров, системе административного руководства и пр. Однако система демократического управления не получила, вопреки заверениям пекинских руководителей, ши-

рокого распространения и была ликвидирована во время «большого скачка».

Все это достаточно ясно показывает, что рабочий класс был лишь использован для давления на национальную буржуазию и для контроля над ней. Когда же образование государственно-частных предприятий завершилось, участие рабочих в управлении предприятиями было упразднено. Однако, как известно, в социалистическом государстве права и обязанности рабочего класса в деле управления производством должны непрерывно расширяться. Сначала могло показаться, что так и происходит в Китае: успели сложиться даже соответствующие традиции. Если бы китайские руководители не на словах, а на деле выступали за расширение прав рабочего класса, за превращение его в господствующий класс общества, они бы не устранили рабочих от управления производством. На деле бывшим капиталистам, но уже в качестве служащих, была возвращена часть прав по управлению предприятиями. Ясно, что маоистских руководителей устраивают в качестве доверенных лиц на производстве не рабочие, а бывшие капиталисты.

Отношение руководителей КНР к национальной буржуазии является следствием не столько прагматической политики, сколько основополагающих концепций маоизма. «Одним из основных исходных моментов маоистского обоснования мирного преобразования части капиталистической собственности фактически является преувеличение национальных особенностей страны, связанных с проблемами национального освобождения, и подчинение решения вопроса использования национальной буржуазии задаче создания единого „великого Китая“. В этой связи был выдвинут *националистический тезис* об исключительности, особой природе китайской национальной буржуазии» [20, 45].

В наши дни можно констатировать, что национальная буржуазия в КНР была первой по времени и активности среди тех, кто выступал с националистических, шовинистических, тегемонистских позиций, с критикой «советских ревизионистов». Позиции маоистов и национальной буржуазии оказались в этих вопросах удивительно сходными. В данной связи В. И. Ванин отмечает парадоксальные факты, когда бывшие китайские капи-

талисты становились в позу идеологических борцов за «чистоту» коммунистического движения.

Для того чтобы теоретически обосновать свои практические мероприятия по отношению к национальной буржуазии, китайские руководители приводили аргументы, не имевшие ничего общего с марксистским мировоззрением. Так, на второй сессии VIII съезда КПК говорилось о существовании в Китае двух эксплуататорских классов: один из них состоит якобы из «антисоциалистических элементов», другой — из «национальной буржуазии, постепенно воспринимающей социалистические преобразования, и ее интеллигенции» [27, 18—19]. Мао Цзэ-дун прямо заявил, что противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией не являются антагонистическими, что они относятся к противоречиям «внутри народа», так как интересы трудящихся и национальной буржуазии «в основном едины» [56, 15].

Таким образом, показательными для отношения китайского руководства к национальной буржуазии являются вовсе не «великодушные» само по себе, а подобный подход в условиях жестоких репрессий, обрушившихся на партийную и народную интеллигенцию, вовсе не «фиксированный процент» на капитал и высокая зарплата, как таковые, а обеспечение солидного материального достатка при замораживании жизненного уровня рабочих и крестьян на протяжении 60-х и начала 70-х годов, вовсе не использование бывших капиталистов на производстве, а привлечение их к управлению предприятиями при одновременном отстранении от такой деятельности рабочего класса. По условиям и характеру труда на подавляющем большинстве китайских предприятий руководители не обязательно должны иметь специальное образование. Поэтому, естественно, в их качестве можно было использовать бывших капиталистов, хорошо знакомых с данным производством. Но абсолютно неестественно, объявив своей целью построение социализма, как это делают нынешние китайские руководители, не выдвигать на руководящие посты рабочих, более того — не решать проблемы всеобщего среднего образования — необходимого условия для массового перехода управления от буржуазии в руки рабочего класса.

Нельзя не отметить, что идеологические ценности буржуазии и руководителей страны оказались по край-

ней мере в одном пункте едиными: националистическими, великодержавными. Национальная буржуазия оказалась естественным попутчиком нынешних руководителей КНР на пути к «могучему Китаю». Но в то же время на словах китайские лидеры провозглашают себя «истинными марксистами-ленинцами», объявляют рабочий класс ведущим классом китайского общества. Поэтому китайская печать не упоминает о существовании национальной буржуазии. Двойственность, вопиющие противоречия между словами и делами проявляются и в конкретных мероприятиях, которые будут рассматриваться в следующей главе.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ

В этом разделе рассматривается один, но весьма существенный вопрос: откуда берутся средства на создание «могучего Китая»? Выяснение данного вопроса не может не пролить свет на маоистские принципы построения нового общества.

Как известно, производительные силы складываются не только и даже не столько «из труда, кристаллизованного в техническом оборудовании», сколько «из живой рабочей силы» [72а, 410]. «Из всех орудий производства,— подчеркивал К. Маркс,— наиболее могучей производительной силой является сам рабочий класс» [4, 184].

Эффективное развитие производительных сил возможно лишь при оптимальных пропорциях между накоплением и потреблением [см., например, 42]. Не случайно «узколобые прагматики — приверженцы любого накопления средств производства за счет сокращения доли масс в потреблении, отрицающие прогрессивную роль классовой борьбы и возвышения потребления трудящихся масс,— были охарактеризованы К. Марксом как „фанатики прибавочного продукта“» [22, 51].

К сожалению, исследователь современного Китая не имеет данных для выяснения пропорций между накоплением и потреблением в этой стране, однако отношение нынешнего руководства КНР к данной проблеме (что само по себе весьма показательно) можно определить.

Любой непредубежденный человек, глядя на китай-

скую действительность, должен отметить, что, несмотря на упорный и напряженный труд китайского народа в последние семнадцать лет, несмотря на рост национального дохода, жизненный уровень трудящихся не повышается.

В 1957 г. заработная плата рабочих и служащих КНР в среднем составляла 636 юаней в год [142, 21.II.1957], а в 1971 г., согласно сообщению агентства Синьхуа,— 650 юаней. В то же время, по оценочным данным ООН, валовой национальный продукт только с 1960 по 1969 г., т. е. в весьма тяжелый для экономики КНР и китайского народа период — годы преодоления последствий «большого скачка» и «культурной революции»,— возрос более чем втрое [см. 124, 210].

Причины такого несоответствия нужно искать в разных аспектах проводимой руководством КНР внутренней политики, и в том числе — в темпах роста различных секторов экономики, непосредственно связанных с удовлетворением насущных потребностей народа. В данном случае мы ставим перед собой более узкую задачу: попытаться определить характер распределения доходов в трех сферах народного хозяйства — промышленности центрального подчинения, сельском хозяйстве и промышленности местного подчинения.

О том, какие предприятия отнесены к центральному, а какие — к местному подчинению, уже говорилось выше. Что же касается количественного распределения производственных единиц между центром и местами, то на этот счет имеется известное указание Мао Цзэ-дуна, которое до сих пор не подвергалось пересмотру: 20% предприятий — в ведении центра, остальные — местных органов власти [см. 56, 32]. Техничко-экономическая политика нынешнего руководства КНР предусматривает расширенное воспроизводство промышленности центрального подчинения в значительной мере за счет перекачки в нее средств из местной промышленности по принципу «чем быстрее развиваются средние и мелкие предприятия, тем больше государственной продукции, тем больше государственных накоплений» [142, 24.VIII.1970].

Предприятия местной промышленности финансируются преимущественно на средства провинций, районов, уездов, «коммун», крестьян. Китайская печать неизменно

и повседневно сообщает о том или ином предприятии, при строительстве которого не было истрчено ни одного юаня «государственных средств».

Из-за отсутствия статистических данных соотношение центральных и местных вложений в промышленность местного подчинения определить практически невозможно. Однако известно, что в отдельных уездах государственные вложения ничтожно малы. Например, как сообщило 6 мая 1974 г. агентство Синьхуа, в уезде Умин 95% сельскохозяйственных машин приобретены за счет общественных накоплений бригад и «коммун». В целом, как считает А. М. Румянцев на основании обстоятельного анализа экономической политики руководства КНР, «„опора на собственные силы“ в экономике, „самообеспечение“ — это установки не конъюнктурного порядка. Это — маоистский курс хозяйствования вообще» [66, 190]. Этот курс особенно четко проявляется в сельском хозяйстве и промышленности местного подчинения.

Промышленность местного подчинения развивается главным образом за счет части накоплений в сельском хозяйстве, точнее — в подсобных промыслах «коммун» и бригад. «Необходимо видеть, — разъясняет „Жэньминь жибао“, — что для ускоренного осуществления механизации сельского хозяйства... требуются большие капиталовложения, значительная часть которых субсидируется за счет подсобного производства» [142, 18.VII.1972]. На средства «коммун» и уездов создаются и заводы химических удобрений, предприятия легкой и пищевой промышленности и др. Из тех же источников финансируется электрификация сельской местности. Сообщалось, например, что в пров. Юньнань построено примерно 2900 мелких гидроэлектростанций, причем более 2600 из них — на средства «коммун» и бригад [см. 142, 10.X.1971, 31.I.1972].

В то же время развитие сельского хозяйства ставится в прямую зависимость от роста местной промышленности: «Производством сельскохозяйственных машин должна заниматься главным образом местная промышленность» [142, 17.IX.1971]. Радио Пекина в одном из своих сообщений в 1972 г. четко определило круг задач местной промышленности — полностью обеспечить потребности деревни в промышленной продукции.

Местная промышленность городов удовлетворяет в

настоящее время не только существенную часть потребностей населения в предметах широкого потребления, но и прямо способствует развитию промышленности центрального подчинения. Например, в Шанхае около 400 квартальных заводов и 4000 мастерских выпускают 10 тыс. видов продукции: одежду, головные уборы, обувь, различные пластмассовые изделия, игрушки, скобяные изделия, заклепки, электродвигатели, приборы, бронхоскопы, детали рентгеновских аппаратов, магнитные стартеры, полупроводниковые радиоприемники и даже электронно-вычислительные машины. Для сообщений о мелких и средних предприятиях характерен один и тот же штамп китайской печати — «рабочие этих заводов и фабрик сами изготовили оборудование».

Таким образом, местная промышленность и сельское хозяйство призваны обеспечить расширенное воспроизводство самих себя и рабочей силы, в то время как промышленность центрального подчинения получает возможность работать главным образом на саморазвитие и обеспечить создание мощного военно-промышленного комплекса.

В этой связи чрезвычайно интересны наблюдения и выводы тех посетивших КНР буржуазных журналистов, которые известны своими прокитайскими настроениями и склонны преуменьшать значение отрицательных черт китайской действительности. Тем не менее эти журналисты, получившие наиболее полную для иностранцев информацию, как за счет широких возможностей совершать поездки по стране, так и непосредственно от местных китайских руководителей, вынуждены констатировать факт ориентации промышленности центрального подчинения на развитие военно-промышленного комплекса. Например, известный американский обозреватель Дж. Олсоп писал после посещения КНР: «Развитие китайского сельского хозяйства является несколько замедленным, поскольку было бы несомненно гораздо больше сельскохозяйственных машин, равно как и искусственных удобрений, если бы этим категориям капиталовложений не пришлось бы конкурировать с капиталовложениями в оборону» [90, 46].

Причем выражение «несколько замедленное» применительно к развитию сельского хозяйства КНР является слишком мягким по сравнению даже с высказываниями

китайской прессы. Четверть века спустя после создания КНР теоретический орган ЦК КПК журнал «Хунци» дает весьма пессимистическую оценку состояния сельского хозяйства страны: «Сельское хозяйство находится еще на сравнительно низком уровне, уровень его механизации невысок, возможности вести борьбу со стихийными бедствиями недостаточно большие, товарного зерна оно дает не так много» [87, 44]. Дежурной фразой китайской печати, когда она касается состояния этой отрасли народного хозяйства страны, является утверждение: «Материальная база сельского хозяйства еще не прочная» [140, 22.XI.1972]. На таком фоне естественным выглядит и вывод «Хунци»: «Потребуется десятилетия упорных усилий, чтобы из бедности построить великое социалистическое государство с современным сельским хозяйством» [127, 1970, № 2, 55]. Причины подобного положения можно понять, обратив внимание на принципы создания и распределения доходов в китайской деревне.

Анализ конкретного распределения доходов сельскохозяйственных «коммун» показывает, что возможности последних для развития механизации, химизации и электрификации производства весьма ограничены. По данным американского китаиста П. Пиковица, собранным им в ходе посещения КНР, на покрытие производственных затрат «коммунами» расходуется 25% доходов, налог государству составляет 5%, в «фонд общественного накопления» отчисляется 7%, а в «фонд общественных расходов» — 3%, 60% выделяется крестьянам в виде платы за труд [107, 15].

Сходные сведения дают и материалы китайской прессы. Например, согласно сообщению агентства Синьхуа от 10 марта 1972 г., при распределении доходов в производственной бригаде «фонд общественных накоплений» колеблется в пределах 1—2%, общественных расходов — в пределах 5%, плата за труд — в пределах 50%. Следует оговориться, что китайская пресса приводит данные лишь по «процветающим», согласно официальной терминологии, «коммунам». Поэтому вполне возможно, что соотношение между различными статьями расходов «коммун» и бригад бывает и несколько иным.

Итак, во всех случаях 50—60% доходов распределяется среди крестьян в виде оплаты за труд. Иными сло-

вами, деревня «проедает» не менее половины изготовленного в ней продукта. Причем естественно предположить, что «менее процветающие» «коммуны», о которых лишь упоминает китайская пресса и в которые не возят иностранцев, вынуждены выделять на потребление большую часть произведенного продукта, нежели «процветающие».

За счет «фонда общественного накопления» деревня покупает у местной промышленности сельскохозяйственную технику и различное оборудование. Иными словами, именно этот фонд является основным источником финансирования развития местной промышленности. Какова же его реальная величина (приведенная выше цифра — 7% доходов «коммун», выделяемых на цели расширенного воспроизводства — в этом плане еще мало что говорит)?

Определенное представление об этом можно получить из серии статей о «коммуне» «Дундин», опубликованных весной 1973 г. в журнале «Пекин ревью» [134, 1973, № 13—16]. Приводимые в них данные позволяют определить размер фонда общественного накопления в пересчете на одного работающего в «процветающей» «народной коммуне». Однако необходимо сразу оговориться, что эти сведения вряд ли можно считать характерными для всего Китая. Дело в том, что демографическая ситуация в указанной «коммуне», судя по всему, отлична от средней по стране. В «коммуне» «Дундин» проживает 45 тыс. человек, составляющих 11 тыс. семей [134, 1973, № 13, 14], т. е. средний размер семьи — 4 человека. Если же исходить из того, что в семье представлены три поколения (а предположение об отсутствии представителей старшего поколения нереально), то неизбежен вывод, согласно которому для данной «коммуны» характерна небезызвестная «айнкиндерсистема», т. е. доля трудоспособных в общем числе ее жителей максимальна. Естественно, что там, где трудоспособных взрослых людей больше, там и доходы значительно и распределение их иное.

Кроме того, анализ положения осложнен тем, что распределение доходов в «коммуне» показано на примере бригады, где средняя численность членов семьи еще меньшая — 3,5 человека [134, 1973, № 16, 26]. Это значит, что в данной бригаде, т. е. деревне (как правило, в

Китае одна производственная бригада создается на базе тружеников одной деревни), более $\frac{2}{3}$ населения являются трудоспособными, что, безусловно, нетипично для «средней» китайской деревни.

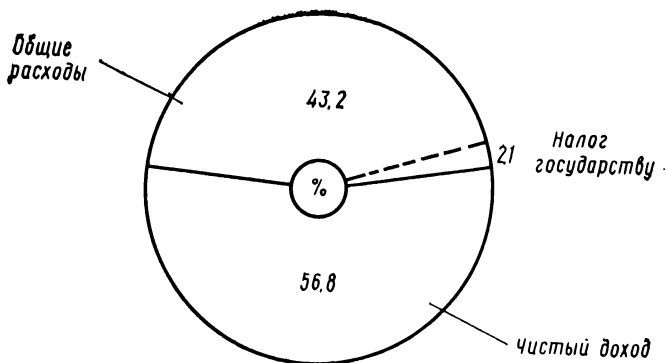

Схема 1. Распределение доходов производственной бригады «коммуны» «Дундин» [134, 1973, № 16, 27]

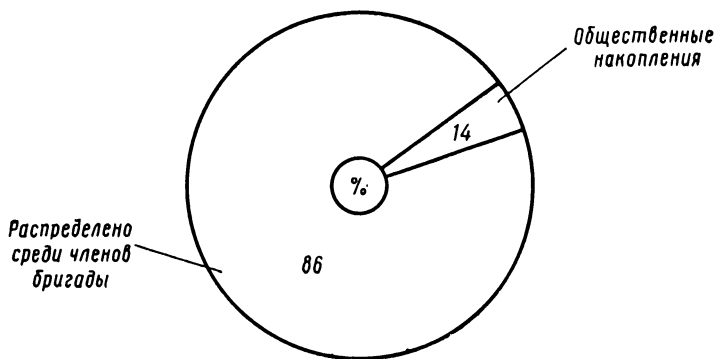

Схема 2. Распределение чистого дохода производственной бригады «коммуны» «Дундин» [134, 1973, № 16, 27]

На схемах 1 и 2 воспроизведены диаграммы, показывающие распределение доходов в упомянутой бригаде. Известно также, что ее суммарный годовой доход равен 41 593,18 юаня [134, 1973, № 16, 28], общественное накопление (7,8%) составляет 3327,45 юаня. В данной

бригаде-деревне 46 семей. Если в ней работало 90 человек, то каждый труженик получил в среднем 220 юаней в год, если 100 человек, что вполне реально,— то около 200 юаней, при выработке продукции на работающего соответственно в 462 или около 400 юаней. «Общественное накопление» в пересчете на одного работающего в таком случае составляет соответственно приблизительно 36 или 33 юаня.

Однако в большинстве «коммун» доходы ниже. Согласно сведениям Дж. Олсопа, в «процветающей» «коммуне» работник получает в среднем за год 100—130 юаней, в «менее процветающей» — 70 юаней [90, 44]. Если предположить, что во всех «коммунах», как и в «Дундин», полученные доходы, за исключением личных приработков на отхожих промыслах, подсчитываются и распределяются в местном отделении Госбанка КНР [см. 134, 1973, № 14, 23], а оплата труда производится в процентах от суммарного дохода в денежном исчислении после выполнения всех обязательств, и что денежная оплата труда крестьянина составляет 60—65% дохода производственной единицы, то 7% фонда «общественного накопления» в расчете на одного работника в абсолютном выражении будут колебаться в пределах 4,2—15 юаней в год.

На такие деньги можно приобрести лишь простые ручные орудия труда. Этого факта не может скрыть даже китайская пресса, дающая рекламные описания идиллии китайской деревни для зарубежного читателя. Так, в «коммуне» «Дундин» большая производственная бригада, охватывающая тружеников восьми деревень, смогла приобрести из своих фондов общественного накопления за все время существования, т. е. не менее чем за 15 лет, лишь один трактор и один насос [134, 1973, № 15, 12].

В связи с изложенным выше становятся понятными такие утверждения китайской прессы, как: «Если ждать машин и удобрений, то никогда не будем иметь современного сельского хозяйства» [87, 48]. Действительно, там, где действует принцип «опоры на собственные силы», ждать машин не имеет смысла. Но в то же время «собственные силы» даже в рекламном варианте не создают условий для эффективной модернизации сельского хозяйства. Поэтому китайские руководители ориен-

тируют деревню на ручной труд: «В такой большой стране, как Китай, вообще невозможна полная механизация и всегда будет необходима некоторая полумеханизация, всегда будут частично применяться ручные орудия труда» [142, 17.IX.1971]. В 1972 г. в «Жэньминь жибао» был опубликован ряд статей, призывающих развивать не только мануфактуру, но и домашнюю промышленность [см. 142, 18.III, 16.IV, 27.VII, 3.VIII, 13.IX.1972]. Однако совершенно ясно, что и для развития последних тоже требуются средства и отвлечение рабочей силы от основного производства.

Чем менее «процветает» «коммуна», тем меньше она может выделить средств на расширенное воспроизводство. Отсутствие необходимых данных не позволяет установить точно, сколько в целом по стране сельское хозяйство может вложить в развитие местной промышленности, однако не вызывает сомнений, что такая сумма невелика.

Незначительность средств, которые могут быть изъяты из сельского хозяйства и направлены в местную промышленность, сдерживает развитие последней. А так как машины и оборудование для собственного развития сельские «коммуны» могут получить прежде всего из местной промышленности, то образуется порочный круг, который может быть разорван только при существенном изменении проводимой ныне в Китае технико-экономической политики.

В то же время китайская деревня поставлена в такие условия, что не развивать местную промышленность, не развивать собственные подсобные промыслы она не может, не рискуя упасть в полную нищету. Подобное положение вытекает из характера образования доходов китайской деревни. Доходы образуются прежде всего от производства основного продукта — зерна и имеют две формы: денежную и натуральную. Денежная форма создается за счет обязательной продажи государству части сельскохозяйственной продукции и продажи так называемых «излишков». Закупки осуществляются по монопольным государственным ценам, искусственно заниженным. Большая часть дохода, созданного в сельскохозяйственном производстве КНР, изымается государством не незначительным прямым налогом (3—7%), а весьма существенными косвенными налогами, образу-

щимися за счет разницы в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию.

Дело в том, что закупочные цены на зерно — 0,2 юаня за 1 кг — чрезвычайно низки. Чтобы выручить от продажи зерна 400 юаней дохода на одного работающего, т. е. достичь уровня бригады «коммуны» «Дундин», необходимо, чтобы каждый труженик производил 2 т зерна (с учетом личного потребления). Иными словами, 300—350 млн. трудоспособных китайских крестьян должны были бы производить ежегодно 600—700 млн. т зерна.

Однако и в «Дундине» уровень механизации невысок: трактор и насос на восемь деревень. Для того чтобы в каждой китайской деревне было по одному трактору, комбайну, грузовику, купленным на средства, вырученные от продажи зерна, Китай должен производить зерновых в 8 раз больше, т. е. 5—5,5 млрд. т в год.

Все это говорит, с одной стороны, о том, что в Китае «коммуны» типа «Дундин» — редкие исключения; с другой стороны — о том, что цены на зерно искусственно занижены и являются средством извлечения прибавочного продукта, произведенного в деревне. Чтобы китайское сельское хозяйство могло развиваться за счет доходов от основного производства, цены на зерно должны быть повышены на порядок — в 10 раз², так как для увеличения производства зерна в 10 раз в Китае явно нет условий. Поскольку же ни того ни другого произойти не может, местные руководители ищут иные пути подъема сельского хозяйства.

В деревне стихийно возникло правило: «В первую половину года браться за зерно, а во вторую — за деньги» [142, 26.IV.1973]. Как пишет китайская пресса, «немало рабочей силы ежегодно уходит в другие места, где занимаются капитальным строительством и личными промыслами» [там же].

Подсобные и отхожие промыслы необходимы не только «коммунам» и бригадам, но и самим крестьянам. Обычно половину своего заработка на стороне они отдают «коммуне» [см., например, 114, 327], однако остаток служит для крестьян почти единственным источником получения наличных денег. По-видимому, большая часть их денежного заработка в «коммуне» является номинальной. В «коммуне» «Дундин», например, все зара-

ботанные деньги кладутся на личные счета в сберкассу, откуда крестьянин может снять лишь часть их [134, 1973, № 14, 23]. Находясь же в отхожих промыслах, крестьянин не только получает наличные средства, но и имеет еще возможность утаить от «коммуны» часть заработка (о подобных случаях сообщало китайское радио).

Такая ситуация с начала 70-х годов породила сравнительно бурное развитие подсобных промыслов в китайской деревне. У крестьян четко обозначилась тенденция не заниматься крестьянским трудом, произошла известная девальвация его традиционной престижности. Одновременно упали урожаи. В китайской печати встречается много сообщений о фактах подобного рода. «Кадровые работники,— пишет, например, „Жэньминь жибао“,—забросив сельское хозяйство, ушли в город и стали заниматься там частными промыслами — плотничать, портняжничать; некоторые же, сидя в чайной, предаются болтовне» [142, 27.VII.1972]. «В большой бригаде Байюнь,— говорится в другом номере этой газеты,— по инициативе незначительного числа кадровых работников, одно время 30% рабочей силы, увлекшись тем, чтобы зарабатывать на стороне наличные деньги, ушло в другие места заниматься подсобными промыслами... В других местах также обнаружили в неодинаковой степени подобные явления» [142, 14.VII.1972]. Там, где это позволяет близость города, крестьяне, не покидая дома, переходят на постоянную работу. Например, в бригаде Хэла, расположенной на окраине г. Уси, из 1850 работающих более 50% — женщины. «У более чем 60% этих женщин мужья работают на предприятиях соседнего города, внося дополнительный доход в бригаду. Таким образом, в данной бригаде, насчитывающей 986 хозяйств, в городе трудятся более 600 физически крепких мужчин» [97, 44].

Переход рабочей силы из сельского хозяйства в местную промышленность и к несельскохозяйственной деятельности в условиях, когда само сельское хозяйство не может дать необходимых доходов, закономерен. Однако уходящих крестьян должны кормить остающиеся в «коммунах». От того, сколько ушедших могут прокормить остающиеся, зависит увеличение рабочей силы местной промышленности и подсобных промыслов. Вряд ли оно

может быть значительным. Ведь даже в «процветающей» «коммуне» после уплаты натурального налога на одного работающего остается примерно $\frac{1}{3}$ т зерна [см. 90, 44]. Как нетрудно подсчитать, в условиях, когда зерновые являются основным источником питания, этого количества — примерно 900 г на день — хватает лишь на одного работающего и одного иждивенца.

Современная китайская деревня в специфических условиях, вызванных отсталостью, неразвитостью и антинародной экономической политикой руководства КНР, вопреки утверждениям многих синологов, не трудоизбыточна.

Изъятие рабочей силы из деревни приводит к снижению объема производства и производительности труда в этом секторе экономики. Так было во время «большого скачка» и в конце периода «урегулирования». Аналогичный процесс происходит и в настоящее время. Китайская пресса вынуждена приводить соответствующие факты, хотя и не называет конкретных цифр. Только по отдельным сообщениям можно, хотя бы приблизительно, судить о размерах потерь, вызванных отвлечением рабочей силы от сельскохозяйственной деятельности. Приведем одно из них: «В коммуне Ляньцао... из более 200 первоначально созданных шахт оставили 11, в результате чего урожайность повысилась с 500 до 1000 цзи-ней с одного му земли» [142, 2.VI.1972].

Для возврата рабочей силы в деревню на местах применяют разные методы: пытаются уничтожить систему «уравнительного распределения доходов» (т. е. вводят оплату по труду) [см., например, 140, 22.XI.1972; 142, 14.VII, 13.IX.1972], разрешают заниматься подсобными промыслами, в отдельных случаях даже поощряют подсобное производство [см., например, 142, 3.IX.1972, 26.IV.1973, 30.V.1973] и работу на приусадебных участках и т. п.

Однако коренных мероприятий, связанных с повышением органического строения капитала в сельском хозяйстве, т. е. механизации деревни, не проводится. Поэтому КНР, с одной стороны, обращается к моральным стимулам как к единственному средству подъема сельского хозяйства [см., например, 82; 87], а с другой — мирится с развитием подсобных промыслов.

Китайская печать откровенно пишет: «Если не раз-

решать коммунам заниматься подсобными промыслами, то необходимых вещей будет не хватать, а некоторые люди будут привозить их из других мест, повышая на них цены» [142, 13.IX.1972]. «Побочная продукция,— говорится в другом сообщении,— необходимое средство для строительства государства, жизни народа и экспорта» [142, 3.IX.1972].

Таким образом, необходимость существования и развития подсобных промыслов в китайской деревне продиктована неспособностью местной промышленности удовлетворить все потребности крестьян и «отчуждением» промышленности центрального подчинения от задачи удовлетворения потребностей китайского народа.

Разрешая подсобные промыслы, нынешнее руководство КНР стремится извлечь из них дополнительные доходы для развития промышленности центрального подчинения, поставив этот вид деятельности под строгий контроль. Отдельные сообщения показывают, как протекает процесс установления контроля над промыслами: «Товарищи из коммуны Шугуан применили действительно эффективные методы. Они упорядочили предприятия, созданные коммуной, рационально организовали „пять видов мастеровых“ (сапожники, кузнецы, плотники, каменщики и портные.— Э. К.), мобилизовали активность женщин. Мастеровых (помимо ремесла) заставили работать в поле. Раньше же мастеровые каждый год уходили на работу в другие места» [142, 3.VIII.1972].

В настоящее время в Китае руководство стремится ограничить вызванный его же собственной политикой и приобретающий необратимый характер процесс отрыва крестьян от сельскохозяйственной деятельности: началось ограничение численного роста рабочей силы местной промышленности. В то же время проведение в жизнь установки «опираться на собственные силы» объективно создает преграды на пути повышения технического уровня местной промышленности.

Местные руководители, в какой-то мере наученные печальным опытом «большого скачка», понимают, что далеко не все предприятия местной промышленности, прежде всего предприятия группы «А», могут быть основаны на примитивной, традиционной технике и технологии. Конечно, и с помощью традиционных методов можно, к примеру, выплавить сталь — так, как она про-

изводилась сотни лет назад. Но, как предельно ясно показал «большой скачок», эта сталь частично или полностью оказывается непригодной для дальнейшего использования не только на современных, но даже на кустарных предприятиях.

Техника сама по себе может быть морально устаревшей и физически изношенной, но для того чтобы получить сталь качества, соответствующего современным условиям, нужна технология нового типа. Равным образом для машиностроения требуются станки, работающие не на механических источниках энергии, а на электроэнергии, поскольку в первом случае трудно или невозможно достигнуть необходимой точности и чистоты обработки. Иными словами, требуется технологический и технический уровень фабрично-заводского производства хотя бы конца прошлого — начала нашего века.

Не случайно поэтому, что в отличие от других сфер уездной промышленности так называемые «пясть мелких отраслей промышленности», объединяющие главным образом предприятия группы «А», основаны на сочетании элементов фабрично-заводского производства с ремеслом и мануфактурой. Характерно также, что, например, «передовой» уезд Линьсянь «стал развиваться» лишь после подключения его к гидроэнергетической системе «Хунци» [см. 114, 315]. Именно электрификация сельской местности ведет к увеличению фабрично-заводского компонента в промышленности уездной экономики.

В начале 70-х годов, в отличие от периода «большого скачка», местная промышленность, максимально используя «традиционные» методы, стала также частично применять оборудование, адекватное не столько «традиционной», сколько современной технологии. Это оборудование изготавливается самими предприятиями местной промышленности или поступает с современных, главным образом машиностроительных, заводов. Известны следующие формы его приобретения: покупка через органы государственного снабжения (без кредита), получение оборудования от предприятия по так называемому «эквивалентному обмену», передача современным предприятием уезду, «коммуне», бригаде государственного заказа на производство отдельных видов продукции вместе с необходимым для его выполнения оборудованием.

Последние две формы требуют специального рассмот-

рения. По «эквивалентному обмену» предприятиям уездов, «коммун» и бригад передается главным образом старое, физически изношенное оборудование, части машин и т. п. Наиболее распространенный метод платежа в данном случае — поставка уездами, «коммунами» и бригадами сырья и угля современному промышленному предприятию. Встречается также практика посылки рабочей силы «коммун» и бригад на временную работу на современном предприятии, а также поставка некоторых приспособлений, деталей, которые необходимы в современном производстве и могут быть изготовлены кустарным способом.

При передаче государственного заказа и соответствующего оборудования [см. 114, 309] местная промышленность также получает морально и физически устаревшие станки и приспособления. Подобное оборудование требует большого объема ремонтных работ, от которых современные предприятия стремятся избавиться. После выполнения государственных заданий, как правило, весьма напряженных, местное предприятие, получившее оборудование, может приступить к использованию его в собственных нуждах.

Таким образом, в первом случае оборудование приобретается за наличные средства, что способствует развитию современных предприятий центрального и местного подчинения, и за счет местной промышленности районов, уездов, «коммун» и бригад. В двух других случаях оборудование продается как бы в кредит. Но современные предприятия избавляются от практически ненужного либо обременяющего их оборудования, причем нередко, если они имеют возможность получить новые машины, с дополнительной выгодой для себя. Местные же предприятия приобретают машины, требующие постоянных значительных затрат труда в виде ремонта, переделок, приспособления и т. п.

Подобный характер, казалось бы, чисто технических взаимоотношений и хозяйственных связей усложняет развитие предприятий местной промышленности. Органическое строение капитала в местной промышленности растет замедленными темпами. В то же время передача оборудования современными предприятиями уездным «коммунальным» и бригадным фактически сопровождается прямой и косвенной перекачкой средств на нужды

промышленности центрального подчинения, военно-промышленного комплекса.

Важно отметить, что подобный характер перекачки средств и распределения функций между различными секторами экономики не является чем-то принципиально новым в истории индустриализации, если последняя протекает не по социалистическим рельсам. В частности, аналогичные по сути явления отмечал В. И. Ленин, анализируя развитие капитализма в России: «Самое же содержание скота капитал находит пока более выгодным оставить на попечении мелкого производителя: пусть он „прилежно“ и „усердно“ ухаживает за „своим“ скотом... пусть берет на себя главную массу наиболее тяжелой, наиболее черной работы по уходу за машиной, дающей молоко» [11, 263]. «Наши скупщики в так называемой кустарной промышленности, — писал он в другом месте, — нередко предпочитают покупать у кустарей готовый продукт по разорительно дешевой цене, чем производить этот продукт в своих мастерских» [11, 270].

Анализ экономической политики нынешнего руководства КНР позволяет вскрыть цепочку прямого и косвенного перевода средств из сельского хозяйства в местную промышленность, из сельского хозяйства и местной промышленности в промышленность центрального подчинения. Подобный подход, естественно, существенным образом сказывается на развитии сельского хозяйства и местной промышленности. И это в условиях, когда обескровливание местной промышленности, которая призвана непосредственно удовлетворять потребности народа, не является обязательным условием для развития промышленности центрального подчинения!

Действительно, валовую стоимость производства промышленности и транспорта КНР в 1970 г. оценивают в 167—200 млрд. юаней [41, 294]. Согласно же произведенному нами расчету по данным Сигурдсона [114, 329], в передовом в деле индустриализации сельской местности китайском уезде стоимость промышленной продукции на одного работающего составляет 65 юаней в месяц. Причем заработная плата вряд ли опускается ниже 20 юаней³.

Если, далее, сделать совершенно нереальные с точки зрения законов экономики предположения, что мелкие предприятия используются только для выкачки средств,

что в используемое оборудование, производственные помещения и тому подобное не вложено никаких средств, материалов, никакого прошлого труда, что оборудование способно работать без ремонтов и профилактического обслуживания и при этом не изнашиваться, что потребляемые сырье и энергия бесплатны и т. д., то даже в таком идеальном случае экономического «перпетуум-мобиле» максимальная величина чистого дохода на одного работающего составит 45 юаней в месяц (65 юаней минус 20 юаней).

Подавляющее большинство предприятий местной промышленности по уровню техники и технологии в среднем не превосходят «образцово-показательного» уезда. Тогда, помножив число работающих в местной промышленности на тот максимальный чистый доход, который каждый рабочий при указанных выше условиях мог бы произвести, получим 15,4 млрд. юаней в год, или 7,7—9,3% валовой стоимости производства промышленности и транспорта КНР.

Иными словами, после повсеместного достижения в Китае уровня промышленного развития «образцово-показательных» уездов «лепта», которую при существующей системе цен местная промышленность сможет внести в развитие промышленности центрального подчинения, будет составлять максимум 10% всех средств, которые могут быть предназначены для этой цели.

Фактически удельный вес вложений местной промышленности в промышленность центрального подчинения, конечно, значительно ниже. Как уже отмечалось, в наш расчет введены на практике абсолютно невозможные допущения, да и уровень «образцовых» уездов повсеместно будет достигнут, вероятно, через довольно длительный отрезок времени. Кроме того, теоретически ясно, что удельный вес «вклада» несовременных форм промышленности не может стать большим, поскольку объективно современная индустрия значительно более производительна, а экономическая политика руководства КНР направлена на ее максимально быстрое развитие.

Таким образом, экономическая политика, в частности система закупочных цен на основную сельскохозяйственную продукцию, ведет к изъятию большей части прибавочного продукта, создаваемого в деревне. Производительность труда в сельском хозяйстве настолько низкая,

а демографическая ситуация в стране столь острая, что прибавочный продукт большим быть не может. При росте населения деревни, неизменности ее технической вооруженности, низких закупочных ценах неминуемо растут издержки производства. В этом же направлении действует, видимо, на первых порах и внедрение новой техники. Ее невысокое качество, некомплектность, неподготовленность рабочей силы для работы на новой технике и тому подобное не позволяют пока добиться резкого повышения производительности труда. Деревня не имеет возможности развиваться интенсивным путем.

Ориентация местной промышленности на получение основных средств для своего развития из обескровленного сельского хозяйства сдерживает ее развитие. Перераспределение доходов, производимых в сельском хозяйстве и местной промышленности, в пользу промышленности центрального подчинения ограничивает возможности развития первых двух секторов экономики. Поскольку же от роста производительности труда в них зависит подъем благосостояния всего населения страны, необходимо констатировать, что экономическая политика нынешнего руководства КНР направлена против коренных интересов китайского народа.

Стремление привлечь любые, пусть даже небольшие, средства для развития промышленности центрального подчинения достаточно ясно свидетельствует о намерении нынешних пекиньских лидеров построить любой ценой и в кратчайшие сроки «могучий Китай». Они предпочитают замораживать жизненный уровень трудящихся, направляя все средства на достижение своей основной цели.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1970—1973 гг.)

К чему на практике приводит технико-экономическая политика нынешнего руководства КНР, как она влияет на развитие рабочего класса Китая?

Как уже отмечалось, отличительной чертой китайской технико-экономической политики является особый акцент на развитие мелких и средних «традиционных», «кустарных» и «полусовременных» предприятий. С их помощью предполагается одновременно решить сразу несколько проблем: финансирование развития современной промышленности, обеспечение населения предметами широкого потребления, а сельского хозяйства — машинами, химическими удобрениями, строительными материалами и электроэнергией. Не последнюю роль играет и стремление снизить недовольство широких народных масс действиями центрального руководства: перекладывая ответственность за подъем жизненного уровня народа на местную промышленность, Пекин «переадресовывает» критику населения к местным руководителям.

Все это требует массового создания мелких и средних предприятий, их расширенного воспроизводства.

СТРОИТЕЛЬСТВО МЕЛКИХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА УЕЗДНОМ УРОВНЕ

Данную проблему целесообразно рассмотреть на нескольких уровнях: «коммун», уезда и в целом по стране. Необходимо сразу оговориться, что всестороннее изучение положения в китайском уезде или «коммуне» не

представляется возможным, ибо доступная информация содержит сведения только о «передовых» и «образцово-показательных» единицах. Имея же дело лишь с «образцами для подражания», нельзя, конечно, судить о положении дел в целом. Но можно попытаться выявить тенденции.

Сведения о предприятиях первого уровня нами почерпнуты из серии рекламных статей в журнале «Пекин ревью» [91а], из наблюдений четы американских кинематографистов, снимавших документальный фильм о жизни китайской деревни [108; 109], из статей «гостившего» в Китае промаоистски настроенного мексиканского социалиста [93] и экономиста-китаеведа Р. Берджера [94]. Конкретно речь идет о четырех «коммунах»: «Дундин» уезда Усянь пров. Цзянсу (уезд расположен на Великом китайском канале примерно в 100 км по железной дороге от Шанхая), «Юэцзи» — в том же уезде, «Гуанли» — в 80 км западнее Гуанчжоу и «Малоу» — в 35 км от Шанхая. Основные данные по первой, третьей и четвертой приведены в табл. 1.

Все эти «коммуны» являются «образцово-показательными». Причем об этом говорит не только тот факт, что в них возят иностранцев или что их рекламирует китайская пресса, предназначенная для зарубежного читателя. Об их «процветании» свидетельствует и уровень годовых доходов на одного работающего — более 200 юаней, и на душу населения — в среднем 135 юаней (см. табл. 2).

Все четыре «коммуны» во многом похожи: сходны климатические условия, традиции земледелия и землепользования, возможность использования дешевого водного транспорта, относительная близость большого города, широкое развитие подсобных производств и промыслов, примерно одинаковый уровень механизации сельскохозяйственного производства и структура промышленной занятости и, наконец, что чрезвычайно важно, демографическая структура.

«Процветание» рассматриваемых «коммун» во многом обусловлено естественно-географическими и историческими факторами. Так, климатические условия позволяют им снимать с одного поля по два урожая риса в год. Ирригационные системы здесь существуют испокон веков и нуждаются лишь в обслуживании и дальнейшем улучшении. Причем «коммуны» используют их не только

Общие сведения о трех «процветающих» «коммунах» *

Показатели	«Коммуны»		
	«Дундин»	«Гуанли»	«Малоу»
Территория, кв. км	35	260	...
Обрабатываемая земля, га	4000	2 261,0
Население, тыс.	45	43	27,8
Количество дворов (семей), тыс.	11	...	6,6
Средняя численность одной семьи	4**	...	4,2**
Работающие в «коммуне», тыс.	более 20	...	19 450,0**
Количество больших производственных бригад (БПП)	30	21	15,0**
Население одной БПП (в среднем)	1500**	2000**	1 900,0
Количество производственных бригад	237	...	143,0**
Население одной деревни (в среднем), человек	190**	...	139,0**
Занятые на промышленных предприятиях «коммун», человек	900—1200**	...	1 250,0
Удельный вес занятых на промышленных предприятиях «коммун» во всей их рабочей силе, %	менее 5	...	6,4**
Количество свиней в «коммуне», тыс. голов		49	38,0

* [91а, № 13, 14; № 15, 11; 93, II, IV; 108, 67—68; 109, 16]

** Расчет или оценка на основании данных источников.

как транспортные артерии, но и для рыборазведения. Не последнюю роль играет и близость таких крупных городов, как Шанхай и Гуанчжоу.

Необходимо отметить еще одну черту, характерную для всех четырех «коммун», — отсутствие многодетных семей и, следовательно, высокий удельный вес работоспособного населения.

Демографическая ситуация в «коммуне» «Дундин» уже рассматривалась в предыдущей главе.

В «коммуне» «Малоу» насчитывается 27 832 человека, составляющих 6632 семьи [93, II], т. е. среднестатистическая семья состоит из 4,2 человека. В собрании представителей в этой «коммуне» 486 членов, избираемых по норме: один представитель от 40 членов «коммуны». Сле-

Доходы и расходы «коммун» и членов «коммуны» в 1972 г.,
юани

Показатели	«Коммуны»			
	«Дундин»		«Гуанли»	«Малоу»
	вся «ком- муна»	бригада № 8		
Доход	41 593,0		7 510 000
Расходы:				
издержки производства	17 969,0		2 600 000**
налог государству	870,0**		300 000**
административные расхо- ды		39 000**
фонд общественного бла- госостояния, всего	3 327,0		58 000**
на душу населения	20,7**		21**
оплата членов «коммуны»	...	20 296,0		3 991 000**
Средний доход семьи в год в том числе:		840
от работы в «коммуне»	584*	441,0**	...	640**
от частных промыслов	540—600**	200**
Доход одного работающе- го (в среднем)	450—480**	270**
в том числе:				
от работы в «коммуне»	менее 300**	более 200,0**	менее 300**	205**
от частных промыслов	110—150*	65**
Доход на душу населения от работы в «коммуне» .	146	126,0		144

* [91а, № 13, 17; № 16, 26—28; 93, V, VI; 108, 51, 58; 109, 16, 18].

** Расчет или оценка на основании данных источников.

довательно, членов «коммуны» — около 19 450 человек. Таким образом, в данной «коммуне» соотношение между работающими и иждивенцами составляет 2,3:1 (если предположить, что здесь выполнено указание руководства о возвращении крестьян с отхожих промыслов в деревню). Иными словами, удельный вес работоспособных в ней превышает 70% от числа всех жителей.

По «коммуне» «Гуанли» нет статистических данных, но о демографической ситуации в ней можно судить по характерным замечаниям посетивших ее журналистов.

В частности, одна из семей, которые они посетили, состоит из семи человек: пятерых взрослых и двоих детей, причем о ней сказано, что «в сегодняшнем Китае — это большая семья» [108, 49]. В другой, «средней» по числу членов семье, о которой пишут авторы, четыре человека — все в работоспособном возрасте (см. 109, 17—18).

Возможно, в действительно среднестатистической китайской «коммуне» количество детей в семьях иное, однако, по-видимому, рассмотренные нами примеры типичны для «процветающей» «коммуны». В пользу такого предположения свидетельствуют данные по более крупной административной единице — «образцово-показательному» уезду Цзуньхуа (пров. Хэбэй), где население составляет 553 тыс. человек, а семей — 116 тыс. [114, 316], т. е. средняя семья не превышает пяти человек.

Авторы статей о рассматриваемых «коммунах» не ставили своей целью показать их хозяйственную структуру, поэтому сведения о предприятиях «коммун» никак нельзя считать исчерпывающими. Однако, будучи собранными в одну таблицу, они позволяют сделать определенные выводы.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что большая часть предприятий и служб четырех «коммун» обслуживает основное производство и лишь немногие из них производят предметы потребления населения (мебель, текстильные изделия, цинковки, кирпич, черепицу, причем последние предназначены главным образом для «коммунального», а не для индивидуального строительства). Из других источников известно, что только комбинаты пищевых продуктов выпускают продукцию в основном на сторону, для внешнего потребителя. От продажи продукции таких предприятий, так же как и от продажи продукции основного производства, «коммуна» может получить средства для своего развития. Как мы уже видели, государственная политика цен не способствует созданию больших накоплений за счет продажи зерновых. Не случайно весьма значительную долю доходов «коммуны» получают от рыборазведения и от продажи государству свиней. Соответственно и крайне невысок уровень механизации (уровень химизации неизвестен).

В то же время структура промышленных предприятий «коммун» со всей наглядностью свидетельствует о

Предприятий, службы, сельскохозяйственные машины
четырёх «коммун»*

Показатели	«Коммуны»			
	«Дун-дин»	«Гуин-ли»	«Юэц-зи»	«Милу»
Мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин	1	1	1	1
Мастерские по изготовлению сельскохозяйственных орудий**	1	...	2
Мастерские по ремонту судов	1	1
Предприятия по производству химических удобрений	—	—	—	1
Насосные (ирригационные) станции	11	...
Предприятия по изготовлению скобяных изделий	—	1	—	—
Предприятия по изготовлению мебели	—	...	—	1
Текстильные предприятия	—	—	—	1
Предприятия по производству пищевых продуктов	1	1	1	1
Предприятия по производству комбикормов и заготовке фуража	1	—	—	—
Лесопитомник	1	—	—	—
Рыбопитомник	1	1	1	1
Мельница	1
Предприятия по производству циновок	1	—	—	—
Предприятия по обжигу кирпича и черепицы	1	—	—	—
Ветеринарные станции	1	—	—	—
Сельскохозяйственные машины:				
трактора	71	69	92
в том числе «ручные»	67	63
грузовики	4
лодки	539	563
в том числе без мотора	520	560
насосы	71	...

* [91а, № 15, 11—12; 93, II, IV; 94, 2—3; 108, 49; 109, 18, 20, 21].

** Нет данных о количестве.

стремлении к производству всего необходимого для успешного проведения основных работ: земледелия и рыболовства. Иными словами, в идеале, согласно маоистским установкам, «коммуны» должны иметь возможность осуществлять основное производство в условиях частичной или даже полной изоляции: изготавливать орудия

труда и удобрения, ремонтировать машины, производить комбикорма для скота и тому подобное. Иначе дело обстоит с производством предметов широкого потребления. Это естественно: на создание подобных предприятий средства ограничены.

Таким образом, прослеживается тенденция достижения прежде всего «независимости и опоры на собственные силы» основного производства, стремление обеспечить на самом низшем уровне производство средств производства, с тем чтобы в любых условиях обеспечить производство основной продукции и ее поставки государству, в любой ситуации «коммуна» могла бы давать продукцию государству, ничего не требуя от него для себя. Ведь производство предметов потребления можно осуществлять и на уровне домашней промышленности, в основной ячейке общества — семье.

Для обеспечения населения «коммуны» предметами широкого потребления тоже делаются определенные шаги, но очевидно, что это — не первоочередная задача.

Индустриализацию китайского уезда рассмотрим на примере двух уездов: Цзуньхуа пров. Хэбэй и Линьсянь пров. Хэнань, о которых имеется относительно более полная информация. Все приводимые сведения почерпнуты из материалов журналистов, посетивших уезд Линьсянь в мае 1972 г., статей Й. Сигурдсона [114] и К. Юя [125], а также отдельных сообщений агентства Синьхуа. В табл. 4 приведены основные показатели экономического развития этих двух уездов, а также данные, характеризующие их промышленную структуру.

Если исходить из количества предприятий, то в условиях сегодняшнего Китая данные уезды необходимо действительно признать передовыми в деле индустриализации, поскольку наивысшее число предприятий уездного подчинения, зафиксированное нами в сообщениях китайской печати, равняется 50. Но в то же время по численности населения рассматриваемые уезды — средние. В иных китайских уездах население превышает 1 млн. человек.

В уезде Цзуньхуа прочные позиции принадлежат домашним промыслам. Доля занятых в них составляет 5% общего числа трудоспособных жителей уезда и почти вдвое превышает процент работающих на предприятиях уездного подчинения (2,8%). Удельный вес занятых на

Структура экономики двух «передовых» уездов

Показатели	Цзуньхуа	Линьсянь
Территория, кв. км	1 640,0	1990,0
Обрабатываемые площади, тыс. га . .	64,0	60,0
Население, тыс.	553,0	700,0
Количество «коммун»	43,0	15,0
Количество больших бригад	691,0	487,0
Количество производственных бригад	2 499,0	3918,0
Количество крестьянских дворов . . .	116 000,0	—
Численность трудоспособных, тыс. . .	200,0	—
Урожайность зерновых, ц с га	30—80	30—80
Общая стоимость произведенной промышленной продукции в 1970 г., млн. юаней	18,0	21,0
Количество предприятий уездного подчинения в 1971—1972 гг.	39,0	30,0
Число занятых на предприятиях уездного подчинения, тыс.	5,5	8,0
Число занятых на промышленных предприятиях «коммун», тыс.	2,5	—
Число занятых на промышленных предприятиях больших бригад, тыс. . . .	5,0	—
Число занятых в сельскохозяйственных побочных промыслах, тыс.	10,0	—
Число занятых в уездном транспорте, тыс.	7,0	—

предприятиях уездного подчинения, по-видимому, повсеместно не превышает 5% от рабочей силы уезда. Например, относительно уезда Тэнчун пров. Юньнань сообщалось: «Хотя в последние годы местная промышленность уезда развивалась сравнительно быстро, общее число трудящихся, занятых в ней, всегда составляет около 3% общего числа рабочей силы, занятой в промышленности и в сельском хозяйстве» [142, 30.V.1973].

Среднее число работающих на одном предприятии уездного подчинения (в Цзуньхуа) — 140 человек. В промышленном производстве «коммун» и бригад занято, соответственно, 1,25% и 2,5% всех трудоспособных. Соотношение работающих и иждивенцев в этом уезде составляет 1 : 1,8.

Производительность труда в промышленности уезда

низка — в год на одного рабочего производится продукции всего на 780 юаней (на 65 юаней в месяц). Для сравнения можно сказать, что средняя заработная плата рабочего в современной промышленности Китая составляет 55 юаней в месяц. В рассматриваемом нами случае в 65 юаней входят не только заработная плата, но и производственные и транспортные издержки, амортизационные отчисления и прочие расходы.

Невелик и объем промышленной продукции в пересчете на душу населения — 30—32 юаня (12,5—13,8 ам. долл.). Общую стоимость промышленного производства в Китае в 1970 г. оценивают в 90 млрд. ам. долл. [см. 84, 14] или 120 ам. долл. на душу населения (исходя из его численности в 750 млн.). Иными словами, производительность труда в современной промышленности в Китае по крайней мере в 10 раз выше, чем на предприятиях несовременных и полусовременных форм промышленности даже в «передовых» уездах.

В то же время в промышленности занята большая доля рабочей силы уездов. Например, в уезде Цзуньхуа рабочие, трудящиеся на промышленных предприятиях уезда, «коммун» и бригад, на транспорте и в домашней промышленности, составляют вместе 15% всех трудоспособных.

Приведенные в табл. 4 данные позволяют определить, что среднее число занятых на промышленных предприятиях уезда Цзуньхуа в «коммуне» составляет 60 человек, в большой бригаде — 9 человек. Исходя только из этих цифр, с учетом характера работы — производство и ремонт сельскохозяйственных орудий, переработка местных сырьевых материалов — и уровня технического оснащения можно сделать вывод, что заводы «коммун» и бригад представляют собой, как правило, ремесленные мастерские или, в редких случаях, предприятия мануфактурного типа.

Как сообщает китайская печать, в «коммунах» обычно имеется несколько предприятий. Следовательно, на одном таком предприятии может быть занято 5—10 человек. За счет увеличения количества «заводов» со столь минимальной занятостью может создаваться видимость гигантского роста сельской индустрии. Характерно, что в первое время после «культурной революции», когда начался очередной этап создания мелких и средних пред-

приятый, многие провинции, рапортуя о промышленном строительстве, оперировали цифрами в 1000, 2000 и более «заводов». По-видимому, речь шла о создании именно таких карликовых производств. В 1970—1973 гг. фигурировали уже иные цифры — 100, 200 предприятий. Объясняется эта «корректировка», судя по всему, не столько закрытием большей части новых предприятий из-за их нерентабельности (хотя такие факты имеют место), а тем, что в 70-е годы обращалось внимание в первую очередь на предприятия уездного подчинения, т. е. главным образом на средние, а не на мелкие.

Из общих установок пекинского руководства известно, что каждый уезд должен создать прежде всего так называемые «пять мелких отраслей промышленности, непосредственно служащих сельскому хозяйству», а именно: по производству чугуна и стали, химических удобрений, цемента, электроэнергии и угля, ремонту и изготовлению сельскохозяйственных машин, орудий и инвентаря. Данные табл. 5 показывают, что в соответствии с этими указаниями в уездах Цзуньхуа и Линьсянь действительно в первую очередь организовывались предприятия «пяти мелких отраслей промышленности». Единственным исключением из общей тенденции является отсутствие электростанций и шахт в уезде Цзуньхуа. Однако данный факт объясняется отсутствием угольных месторождений и подсоединением уезда к общей энергосистеме района Таньшан.

Исходя из приведенных в табл. 5 данных среднее число занятых на одном предприятии «пяти мелких отраслей» в уезде Цзуньхуа составляет 250 человек, Линьсянь — 245 (без шахты, на которой работает 1400 шахтеров). Иными словами, идентичные предприятия в двух уездах имеют примерно одинаковое число трудящихся и работают по одной и той же технологии. Значительная же разница в числе работающих на металлургических предприятиях этих уездов может быть объяснена тем, что в уезде Линьсянь металлургический завод — чугунолитейный, т. е. неполного производственного цикла, а в уезде Цзуньхуа производит и чугун и сталь. Поэтому в Цзуньхуа на металлургическом заводе занято 460 человек, а в Линьсяне — 207.

Вторая группа предприятий уезда Цзуньхуа способна снабжать уезд по номенклатуре практически всеми

Предприятия группы «А» двух «передовых» уездов

Предприятия	Число занятых на предприятиях	
	Цзуньхуа	Линьсянь
«Пять мелких отраслей промышленности»		
металлургический завод	460	207
цементный завод	№ 1...*	250
	№ 2 97	
завод химических удобрений	388	№ 1 285 № 2 ? **
завод инсектицидов	—	...
электростанции***	—	...
угольные шахты, карьеры	—	1400
ремонтно-механический завод	—	№ 1 ... № 2 208
трактороремонтный завод	90	—
завод сельскохозяйственных машин	210	267
Другие предприятия группы «А»		
завод по производству взрывчатки	—	
завод по производству серной кислоты	89	—
завод по производству повозок	—	?
Драга		—

* Сведения о числе занятых отсутствуют.

** Предприятие находится в стадии строительства.

*** В сообщении агентства Синьхуа от 13 декабря 1972 г. говорилось о 25 мелких гидроэлектростанциях в уезде Линьсянь. По-видимому, они построены «коммунами», так как для предприятий уездного подчинения принят термин «средние». Однако не исключено, что некоторые из них подчиняются уездным властям.

необходимыми предметами потребления (см. табл. 6), т. е. уезд стремится в перспективе перейти в значительной степени на самообеспечение предметами первой необходимости.

По числу работающих предприятия этой группы значительно отличаются друг от друга. Средняя занятость на одном промышленном предприятии уезда Цзуньхуа составляет 140 человек, на отдельных же фабриках и

Число занятых на предприятиях группы «Б»
двух «передовых» уездов

Предприятия	Число занятых на предприятиях	
	Цзуньхуа	Линьсянь
Текстильная фабрика	275	...*
Завод пищевых продуктов	230	—
Бумагоделательная фабрика	90	—
Фабрика по производству соевого соуса	...	—
Фабрика по производству хлопкового		
масла		—
Фабрика по производству пластмасс .		—
Фабрика по производству обуви . . .		—
Фабрика по производству вязаных из-		
делий	—
Фабрика «легкой промышленности»
Стекольный завод	—
Фарфоровый завод	—
Кирпичный завод	—	№ 1 ... № 2 ...
Скобяная мастерская		—
Мастерская по ремонту колес и шин .		—
Кузница		—
Станции уездного подчинения трехуров-		
невой системы ремонта и изготовле-		
ния сельхозмашин и орудий	№ 1—7...	...
Велокооператив	—

* Сведения о числе занятых отсутствуют.

заводах она значительно выше. Следовательно, на каких-то других предприятиях число работающих ниже среднего. Если на уездном предприятии группы «А», по-видимому, редко работает меньше 100 человек, то на предприятиях группы «Б» численность трудящихся чаще бывает менее 50 человек.

Исходя из числа работающих, можно предположить, что большая часть предприятий группы «А» уездного подчинения и ведущие в группе «Б» — мануфактуры с элементами фабрично-заводского производства, остальные же (мастерские, кузницы, велокооперативы и т. п.) — по всей вероятности, ремесленные мастерские.

Сведения даже по передовым, с точки зрения китайского руководства, уездам показывают, что сложности в воплощении курсов «идти на двух ногах» и «опираться на собственные силы» весьма значительны. Даже в таких уездах местная индустрия еще только создается. И это несмотря на то, что использование мирового опыта позволяет строить мелкие и средние предприятия относительно быстро и добиваться коротких сроков окупаемости вложенных средств. Китайская пресса признает, что «техническая база предприятий, созданных на средства уезда, сравнительно слаба. Для производства стандартной продукции, от экспериментального изготовления до серийного производства, требуется сравнительно много средств» [142, 17.V.1973]. Такого рода трудности должны быть преодолены повсюду. Ибо без повсеместного создания местной индустрии ее суммарная продукция будет невелика, вклад в экономику страны ничтожен — иными словами, не будет «второй ноги». В результате не будет создано условий для «благоприятного» использования «обширной территории и многочисленного населения», не будут расти «промышленная продукция и государственные накопления», воспитываться новый технический персонал, а в итоге не будет решен вопрос «важного стратегического значения» — обеспечение роста промышленности высокими темпами [142, 24.VIII.1970].

В китайской печати 1970—1973 гг. не было обобщающих сведений о массовости, повсеместности и организованности процесса создания мелких и средних предприятий. Предпринятая нами попытка суммировать соответствующие сообщения, поступающие из Китая, не увенчалась успехом. Значительную часть разнородных сообщений о каком-либо одном предприятии пришлось отбросить, поскольку их суммирование не давало статистического показателя. Китайской же печатью такие показатели сообщаются весьма редко, к тому же они не идентичны и не полны. По ним трудно, а иногда и просто невозможно, составить общую картину явлений, происходящих в стране в целом.

Характерной деталью является повторение сведений. Одни и те же данные приводятся в разных печатных органах; однажды сообщенный экономический показатель повторяется потом неоднократно через определен-

ные промежутки времени. Например, пекинское радио в 1972 г. передавало одну и ту же информацию о мелких предприятиях Гуйчжоу не менее трех раз, Синьцзяна — не менее двух. В ряде сообщений суммированы вместе количества бригадных и «коммунных» предприятий, «коммунных» и уездных и вообще «средних» и «мелких».

Составленная в результате отбора подходящих сведений таблица никак не раскрывала реального положения вещей. Грубо говоря, она содержала слишком большое число граф, поскольку сведения были неоднородны. В то же время ни одна из граф не была заполнена целиком. Для их более или менее удовлетворительного заполнения необходимо по меньшей мере в десять раз больше сведений.

Собранная информация не позволяет судить о реальном распространении мелких и средних предприятий. Больше всего сведений о предприятиях в уездах. Однако даже они не показывают действительной картины, ибо китайская пресса ограничивается информацией только о «передовых» уездах. В связи с изложенным анализ собранных данных не может быть глубоким, а выводы можно сделать лишь по ограниченным аспектам и с большой осторожностью.

По-видимому, в любой провинции имеется хотя бы один «передовой» уезд, где сельская индустриализация, с точки зрения руководства, проходит успешно. Вряд ли в среднем в провинции имеется сейчас более 500 «средних» предприятий. Например, в Синьцзяне с момента образования КНР их было построено лишь 450. Причем их создание протекало в более благоприятных условиях, чем в других провинциях: на средства государственного бюджета, а не путем «опоры на собственные силы».

Согласно сообщениям китайской прессы, наибольшее развитие в стране получило строительство малых цементных заводов и заводов химических удобрений. «Жэньминь жибао» писала, например, что к 1973 г. по всей стране было создано 1400 «малых» предприятий по производству химических удобрений [142, 30.IV.1973] (т. е. по 50 в среднем на провинцию). Если принять, что в среднем по провинции удалось создать по 50 заводов каждой из «пяти мелких отраслей промышленности» (т. е. в сумме — 250), то количество всех уездных

предприятий групп «А» и «Б», по аналогии с уездами Цзуньхуа и Линьсянь, может быть определено в пределах 500. Эта цифра вряд ли является заниженной, так как результаты развития многих отраслей местной промышленности, судя по материалам китайской печати, весьма и весьма невушительные. Так, например, согласно сообщению агентства Синьхуа, в стране к 1973 г. построено немногим более 100 консервных заводов.

Особо следует остановиться на пригородных уездах Шанхая, где создано 1300 предприятий, т. е. больше, чем это зафиксировано во всех иных случаях. Похоже, что мелкие и средние предприятия успешно создаются там, где они получают мощную поддержку по линии шефства. Это предположение подтверждается косвенными данными¹. Но если оно верно, то напрашивается вывод, что развитие мелких и средних предприятий методом «опоры на собственные силы» в масштабе региона увеличивает разрыв в технической вооруженности китайской деревни передовых и отсталых экономических районов.

Когда речь идет не об агрегированных показателях, а об отдельных отраслях промышленности, информация становится несколько более полной и идентичной, легче поддается анализу. В этом случае появляется также возможность полнее использовать сообщения китайской прессы, не несущие конкретной информации.

Из общих установок известно, что каждый уезд в обязательном порядке должен в перспективе создать «пять мелких отраслей промышленности» и «трехуровневую систему по ремонту и изготовлению сельскохозяйственных машин и орудий» (имеется в виду организация на уездном уровне ремонта и производства сельскохозяйственных машин, в «коммуне» — ремонта сельскохозяйственных машин и изготовление орудий для сельского хозяйства, в большой бригаде — ремонта и изготовления простейших орудий [см., например, 127, 1973, № 7, 44—45]).

Доступные нам данные о развитии «пяти мелких отраслей» позволяют предположить, что еще далеко не во всех уездах страны созданы соответствующие предприятия. Однако причины этого могут быть различными: и полная неспособность региона создать в настоящее время то или иное предприятие, и отсутствие экономической целесообразности такого строительства. Например, ве-

роятно не случайно, предприятия «пяти мелких отраслей» не зафиксированы во многих из 14 пригородных уездов Пекина, в то время как заводы сельскохозяйственной техники есть в каждом из них. По-видимому, данные уезды имеют возможность получать металлы, цемент, электроэнергию и удобрения с современных предприятий Пекина.

Сравнительно много сведений китайская пресса сообщает о развитии легкой промышленности. Но данная информация — и наименее конкретная: слишком часто говорится о создании «более 100», «более 200» и т. п. предприятий. Это вызывает сомнения в точности информации, а следовательно, и в ее истинности.

Таким образом, доступные нам данные не позволяют воссоздать общую картину развития мелкой промышленности, по существу нет сведений и об ее эффективности. Возможно также, что руководство КНР не может или не хочет обнародовать сведения о мелких и средних предприятиях, за исключением «пяти мелких отраслей промышленности»².

Последние же призваны, как это постоянно подчеркивает китайская пресса, «непосредственно служить сельскому хозяйству». Иными словами, развитие несовременных форм промышленности на уездном уровне, так же как и в «коммунах», имеет целью обеспечить функционирование прежде всего основного производства в сельских районах — производства продовольствия, необходимого и для повседневного потребления и для создания запасов в порядке «подготовки к войне и стихийным бедствиям»³.

Таким образом, развитие «пяти мелких отраслей промышленности» — не только уступка требованиям народа, но и мера, направленная на осуществление стратегических установок нынешнего руководства КНР. В свое время «большой скачок» четко показал, что рост сельскохозяйственного производства за счет использования традиционных методов землепользования практически невозможен.

И нет никаких оснований считать, что более удачным для решения этой задачи окажется использование мелких предприятий, производящих средства производства для сельского хозяйства.

«ОПОРА НА СОБСТВЕННЫЕ СИЛЫ» (МИФ О «НОВОЙ ФОРМЕ ТЕХНИКИ» В КНР)

Напомним, что одна из краеугольных программных установок технико-экономической политики нынешнего руководства КНР — «идти на двух ногах» — предусматривает одновременное развитие как тяжелой, так и легкой промышленности, как промышленности в целом, так и сельского хозяйства, как крупных современных предприятий, так и мелких «традиционных». В данном разделе мы коснемся лишь последнего элемента этой установки, точнее, в основном развития мелкого производства. Проблемы же, связанные с крупными современными предприятиями — так сказать, с «первой ногой», — подробно не рассматриваются, помимо недостатка информации, еще по ряду причин.

Во-первых, качественные сдвиги в китайской современной промышленности произошли главным образом во время первых двух пятилеток, когда при активной помощи Советского Союза и других социалистических стран была создана основа современной промышленности. С тех пор происходит процесс, который можно определить как количественное наращивание мощностей при незначительных качественных сдвигах.

Во-вторых, и это самое главное, расширенное воспроизводство современной промышленности само по себе является объективным процессом, соответствующим всему ходу истории. Хотя современная промышленность КНР характеризуется многими специфическими особенностями, здесь почти нет принципиально нового в развитии науки, техники и рабочей силы.

Иное дело — «вторая нога», т. е. предприятия несовременных форм промышленности. Особенностью современного Китая, как уже отмечалось, является не сам факт их существования, что в условиях неразвитости крупной машинной промышленности отнюдь не представляет собой нечто необычное, а видоизменение привычного, обусловленного экономическими законами постепенного отмирания несовременных форм промышленности по мере развития современного производства. Объясняется это тем, что развивающаяся сравнительно быстрыми темпами современная промышленность КНР искусственно превращена в практически замкнутый, са-

модовлеющий сектор экономики. Разнообразные же нужды общества удовлетворяют «традиционные» и «полу-современные» предприятия.

Ясно, что в наши дни решение подобных задач невозможно на базе простого воспроизводства традиционной хозяйственной структуры, означаящее повторение производства в прежних размерах, отсутствие накопления. Хотя воспроизводство в расширенных масштабах имеет место «в самых различных общественно-экономических формациях», оно, как подчеркивал К. Маркс, «совершается не в одинаковом масштабе» [2, 611]. Расширенное воспроизводство в условиях господства несовременных форм промышленности не может быть значительным [см. 64, 45—48].

Делая ставку на предприятия несовременных форм промышленности, нынешнее руководство КНР поставило перед собой задачу использовать традиционное производство, но не в прежнем виде, а в резко увеличенном объеме, и не в застывших, а в прогрессивно изменяющихся формах. В китайской прессе часто встречаются лозунги-штампы: «Бурно развивать промышленность из мелких и средних предприятий» и «От мелких местных — к мелким современным [предприятиям]». Иными словами, налицо стремление обеспечить расширенное в количественном и качественном отношении воспроизводство предприятий с технологией консервативного технического базиса, т. е. попытка осуществить эволюционное технико-экономическое развитие в ускоренном темпе.

Изучением китайской технико-экономической политики ныне заняты прежде всего специалисты-синологи. Однако она не могла не привлечь внимания исследователей истории естествознания и техники. Один из них — японский ученый Хосино Есино, автор ряда статей и книг по проблемам развития науки и техники, технических усовершенствований, технических систем и взаимоотношения техники и человека. Он полагает, что каждое общество имеет свою особую форму технического развития. «Форма техники» у Хосино — весьма широкое понятие, но прежде всего — это технико-экономическая политика.

Для феодализма, пишет он, характерна одна техника, для капитализма — другая, соответственно у социализма, который является обществом, приходящим на

смену капитализму, должна быть форма техники, отличная от капиталистической⁴. В Китае, подчеркивает Хосино, во время «большого скачка» стала возникать новая, специфическая форма технического развития. В «культурной революции» автор видит следующую ступень на этом пути: она якобы подготавливает базу для создания новой системы техники и технологии в национальном масштабе. Говоря об отличительных чертах «новой китайской формы технического развития», Хосино выделяет два момента. Первый — стремление соединить развитие техники с идеологическими, мировоззренческими установками (так он толкует объявление в КНР технического новаторства частью трех «великих революционных движений», а также декларации о необходимости увязать учебные материалы, с одной стороны, с практикой, а с другой — с философией). Второй — непосредственные мероприятия технико-экономической политики: развитие одновременно несовременных и современных форм промышленности, аграризация городов, комплексное использование сырья и оборудования в результате осуществления курса «сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила».

Из этого перечня Хосино особо выделяет «индикатор, свидетельствующий о появлении новой формы техники», — комплексное использование материалов (которое, по его мнению, может привести к прогрессу не только в технике сепарации компонентов сырья, но и к созданию техники и технологии, позволяющих утилизировать эти компоненты до конца, что в конечном счете ведет к принципиальным изменениям во многих производственных процессах на предприятиях, производящих основные продукты), а также аграризацию промышленности. В результате названных и ряда некоторых других мероприятий руководства КНР якобы создаются условия, при которых искусственные процессы в промышленности могут протекать подобно естественным процессам-циклам в природе [см. 101]⁵.

При рассмотрении теории Хосино в первую очередь нужно отметить, что все элементы технико-экономической политики, которые характеризуют, по его мнению, рождение «новой формы техники» (одновременное развитие несовременных и современных форм промышленности, комплексное использование сырья и оборудования,

индустриализация села и аграризация города), на практике теснейшим образом связаны с установкой «быть независимым и опираться на собственные силы».

Действительно, параллельно развиваться несовременные и современные формы промышленности могут только тогда, когда они независимы друг от друга. Любая же интеграция ограничит пределы распространения мелкой промышленности рамками экономической целесообразности. Эти рамки определяются временной неразвитостью крупной современной промышленности. По мере роста последней мелкая несовременная промышленность будет неизбежно постепенно сдавать свои позиции.

Равным образом потребность в аграризации промышленных районов и изолированной от развития современной промышленности индустриализации села возникает лишь в замкнутых, экономически изолированных регионах, лишенных возможности получить ту или иную нужную продукцию извне и потому вынужденных производить все необходимое на месте, сколько бы это ни стоило.

Аналогичные обстоятельства обуславливают и комплексное использование сырья и оборудования. Ведь только в случае изоляции, «независимости» хозяйственного региона может быть оправдан подобный универсализм, т. е. отказ от широкой специализации и кооперации.

Однако в обычных условиях необходимость в полной хозяйственной автономии даже при неразвитости инфраструктуры сомнительна, хотя в определенных местах и в определенный период развития она может иметь место в течение относительно короткого времени. Так, в условиях недостаточно развитой экономики может появиться необходимость заполнить «бреши» крупного производства, например машиностроения. Единичные, мелкие по размерам изделия, «мелочи» для солидного завода, часто оказывается проще изготовлять на месте.

В принципе же лозунг «Быть независимым и опираться на собственные силы» для современной промышленности представляется абсурдным, ибо невозможно представить себе современный завод или фабрику вне связи с другими предприятиями внутри страны или за рубежом.

Объективная необходимость в развитии специализации и кооперации, налаживании разнообразных внутри-

экономических связей пробивает себе дорогу и в нынешнем Китае, особенно в крупной современной промышленности, хотя официально маоистский курс «опоры на собственные силы» обязателен и для этой сферы. Так, в феврале 1972 г. шэньянское радио положительно оценило деятельность Бэньсисского металлургического комбината, который «центр тяжести строительства перенес в горнорудное производство, в результате чего спустя два года обеспечил себя железной рудой». В этой передаче горячо осуждалось мнение, согласно которому «главные предприятия имеют право требовать руду», и подчеркивалась необходимость для любой производственной единицы «опираться на собственные силы», с тем чтобы не «обременять» государство и другие заводы. Однако из того же сообщения явствовало, что «основные предприятия» вовсе не стремятся осуществлять «опору на собственные силы», что они не столько создают свои рудники, сколько «повсюду закупают руду».

На практике современные предприятия Китая руководствуются установкой «опоры на собственные силы» лишь в решении сравнительно небольших, локальных вопросов, связанных с основным производством. Коренные же проблемы они стремятся решать уже на принципах кооперации, межотраслевого сотрудничества различных предприятий. Например, реконструкции Аньшаньского и Бэньсисского металлургических комбинатов содействовали 1000 промышленных предприятий только в одной пров. Ляонин. Для выполнения этого задания ляонинский провинциальный партийный комитет КПК мобилизовал все предприятия, способные оказать содействие в реконструкции, «ликвидировал грань между заводами и отраслями», развернул кампанию за «социалистическое сотрудничество». В частности, в ходе строительства двух больших агломерационных установок на сталеплавильном заводе № 2 Бэньсисского металлургического комбината соответствующий отдел провинциального «ревкома» многократно проводил совещания работников городов и районов Шэньяна, Люйда, Аньшаня, Бэньси, Цзиньчжоу, Фусиня, Лояна и Цзилия. Изготовление 1200 основных узлов и деталей было поручено более чем 20 предприятиям всего Северо-Востока Китая.

Весьма любопытно, что в сообщении радио Ляонина (январь 1972 г.), из которого почерпнуты приведенные

выше сведения, явное нарушение установки «опираться на собственные силы» прикрывалось весьма неубедительным «фиговым листком»: «Некоторое оборудование весьма сложно для изготовления, а требовалось оно в большом количестве».

Действительно, по-видимому, и Аньшаньский, и Бэньсиский металлургические комбинаты вполне способны своими силами провести подобную реконструкцию. Такие предприятия в КНР имеют в своем составе крупные ремонтно-механические заводы, которые обычно к тому же еще осуществляют крупные межотраслевые поставки. Ясно, что для таких производств изготовление 1200 узлов и деталей — в принципе задача осуществимая. Однако такой путь нецелесообразен. Он ведет к большим расходам сырья, энергии, рабочей силы и лишает ремонтно-механические заводы возможности заниматься своими прямыми обязанностями: текущим и капитальным ремонтом. Кроме того, оборудование, изготовленное на ремонтно-механических заводах, уступает по качеству продукции специализированных машиностроительных предприятий (общеизвестно, что качество изделий повышается по мере специализации производства).

Логика развития современного крупного производства требует в наши дни не только межотраслевого, но и международного сотрудничества.

Именно всесторонняя техническая помощь социалистических стран позволила КНР создать основы современной промышленности. Поставки эти были столь значительными, что многие годы после их прекращения китайская промышленность продолжала использовать завезенное оборудование и запасные части. Так, на Мааньшаньском металлургическом комбинате лишь в 1971 г. пришлось перейти к самостоятельному выпуску запасных частей. Импортированное в свое время оборудование было широко использовано при сооружении на комбинате в том же году нового агломерационного цеха.

По мнению западных исследователей развития науки и техники, в Китае «можно ожидать в ближайшем будущем еще больше, чем прежде, разговоров насчет „опоры на собственные силы“». Но в то же время «китайцы недвусмысленно заявляют, что ни одна развивающаяся страна не может опираться только на собственные силы в своем экономическом развитии» [98, 371]. И не только

заявляют. Даже в самый разгар «культурной революции» и международной самоизоляции для обеспечения функционирования и развития своей современной промышленности Китай закупал оборудование за рубежом. В настоящее время такие закупки в капиталистических странах растут.

Современная промышленность Китая, и это естественно, создается отнюдь не только «опираясь на собственные силы». Однако маоистская пресса довольно часто квалифицирует отход от данного принципа как «черный вихрь», «черное поветрие». Можно предположить, что провозглашаемые ныне в Китае лозунги и стоящие за ними группировки в руководстве страны существуют в некотором смысле и в известной мере сами по себе. В то же время жизнь вынуждает местных руководителей искать выхода из тупиковых ситуаций, нарушая установки и заставляя признавать, хотя бы де-факто, необходимость таких нарушений.

Возможно также, что установка «опираться на собственные силы» предназначена главным образом для несовременных форм промышленности. Ведь исторически последние ассоциируются с национальной замкнутостью, с автаркией регионов, с использованием прежде всего местных ресурсов.

В материалах китайской печати, посвященных росту числа мелких и средних предприятий, постоянно употребляются эпитеты «бурный», «быстрый», «стремительный». Однако многие сообщения свидетельствуют о том, что процесс создания предприятий «кустарного» типа проходит успешнее всего там, где «опора на собственные силы» сочетается с помощью городов, т. е. современной промышленности, и даже с прямыми государственными капитальными вложениями.

Так, в январе 1973 г. агентство Синьхуа сообщило, что «в последние годы заводы и фабрики Пескина помогли 120 народным коммунам и 1000 большим производственным бригадам и звеньям в подготовке техников и вооружили их 1400 мелкими несложными станками и установками. Благодаря этому сейчас все пригородные уезды имеют заводы сельскохозяйственных машин, а 70% коммун — машинно-тракторные станции». Подобный метод, судя по всему, широко использовался во многих местах при формировании «трехуровневой системы ре-

монта и изготовления сельскохозяйственных машин и оборудования» (сейчас они имеются, согласно материалам китайской прессы, в 90% уездов страны).

Аналогичным образом создаются и многие средние промышленные предприятия. Например, в октябре 1972 г. агентство Синьхуа информировало, что для развития легкой промышленности в Ганьсу в апреле 1972 г. из Шанхая в эту провинцию было послано «более 240 старых рабочих и техников текстильной, приборостроительной и других отраслей промышленности». Эти специалисты «устраивают различные специализированные курсы или собеседования, на которых обсуждают опыт передовых предприятий Шанхая».

Согласно другому сообщению агентства Синьхуа (в июне 1972 г.), при помощи Баотоуского сахарного завода в 1970—1972 гг. были построены 13 «небольших» сахарных заводов в пров. Хэбэй, Нинься-Хуэйском и Тибетском автономных районах, а также «во многих других районах страны». Для новых предприятий Баотоуский завод подготовил более 1000 квалифицированных рабочих. Начиная с 1970 г. завод также посылает на новостройки свои «рабочие группы».

В тех случаях, когда на местах уже имеется определенный промышленный потенциал, новым предприятиям оказывают помощь местные «старые» заводы. Например, в уезде Тэнчун пров. Юньнань «в последние несколько лет свыше 50% рабочих и служащих новых предприятий были переведены со старых предприятий» [142, 17.V.1973].

Китайская печать, в общем, не очень скрывает, что «собственные силы» китайской деревни и уездных городов, вследствие их материальной и культурной отсталости, весьма невелики. Имеется немало примеров того, как «опора на собственные силы» заводит экономику региона в тупик: мелкие и средние предприятия, созданные исключительно местными силами, не могут удовлетворить потребности сельского хозяйства, и тогда расходы на развитие промышленности уездов и «коммун» из-за угрозы неурожая и голода покрываются за счет фондов государственного бюджета. Например, в районе Юйлинь Гуанси-Чжуанского автономного района пришлось «решительно сократить план, предусматривающий крупное и современное строительство, отказаться от пла-

на широкого городского строительства. В 1971 г. 92% капитальных вложений в экономическое строительство первой категории было вложено в сельское хозяйство», в том числе в «„пять мелких отраслей“, непосредственно служащих сельскому хозяйству» [142, 3.VIII.1972].

В КНР инструкции сверху игнорируют реальные тенденции. Это признают и западные синологи. Сотрудник Суссекского центра по изучению науки и техники Китая Ж. Дин следующим образом трактует современную стратегию технико-экономического развития КНР: «В Китае в 50-е и в середине 60-х годов, тенденция состоит в том, чтобы производить изменения в науке и технике сверху. При этом предполагается, что внедрение передовых технологических методов в ограниченных масштабах в экономику постепенно распространится на все уровни и таким образом будут модернизированы все секторы экономики. Мао, наоборот, хочет вооружить сначала рабочих новыми техническими знаниями, хотя бы и зачаточными, и полагаться на новаторские начинания квалифицированных рабочих в деле достижения технического прогресса. Модернизация, таким образом, стала бы вводиться снизу, по мере того как рабочие постепенно наращивали бы свои знания» [99, 299].

Однако подобным идеям (а они, по-видимому, в какой-то мере имеют место) трудно дать всходы на почве китайской отсталости. Особенно ярко это видно на примере сельского хозяйства, где официальная установка на развитие путем «опоры на собственные силы» конкретизируется призывом к «большому энтузиазму» [см. 127, 1973, № 4, 44—48]. Но простого желанья оказывается явно недостаточно, когда в деревню приходит техника, купленная на скудные сбережения крестьян. «Мы купили немало дизельных двигателей, ручных тракторов,— пишет в газету „Жэньминь жибао“ крестьянин Хэ Жуйхай из пров. Цзянсу.— Однако, вследствие того что в некоторых производственных бригадах нет или не хватает механизаторов, отсутствует возможность для полного использования машин» [142, 25.IX.1972]. Справедливо опасаясь поломки столь нужных и дорогих машин, крестьянин не хочет довольствоваться зачаточными знаниями, которые он может получить от «своих» механизаторов, и просит прислать квалифицированных специалистов из города.

Местные китайские руководители все больше понимают, что необходимо широкое сотрудничество между городом и деревней, между отдельными предприятиями. Обходя установку «опираться на собственные силы», они направляют механизаторов в деревню, квалифицированных рабочих — с крупных предприятий на мелкие, стараются получить современное оборудование для кустарных предприятий, стремятся наладить хозяйственное сотрудничество предприятий и т. п.

Иными словами, создание мелких и средних предприятий в Китае чем дальше, тем больше упирается в проблему внутренних взаимоотношений в народном хозяйстве. Маоистские концепции не дают ее решения. Они требуют раздельного существования различных секторов экономики, «опоры на собственные силы», а жизнь — налаживания единой хозяйственной системы. В результате местные китайские руководители вынуждены самостоятельно осмысливать ситуации и искать решения проблем. Так, выше уже говорилось о районе Юйлинь, где приостановили все крупное и современное строительство ради мелкого — менее эффективного технологически и экономически. Дело в том, что в наиболее отсталых районах в условиях отсутствия иных возможностей для подъема сельского хозяйства дотации мелким предприятиям, «непосредственно служащих сельскому хозяйству», являются экономически оправданными.

Однако такое решение может быть выходом из сложной ситуации только в данный момент. При этом создаются не меньшие, если не большие трудности для развития района в будущем, поскольку без образования островков крупного современного производства преобразование отсталых районов невозможно. Необходимо также отметить, что данное решение противоречит установке, согласно которой именно несовременные формы промышленности должны давать средства для развития современной промышленности, а не наоборот.

Вместе с тем в процессе широких поисков на местах находятся решения, давно известные в развитых странах, т. е. правильность которых уже проверена. Например, в одном из сообщений агентства Синьхуа в феврале 1973 г. говорилось: «Крупное и малое зависят друг от друга и содействуют друг другу. Ныне в Шанхае работают десятки прокатных станков, преимущественно сред-

них и малых. Крупные, средние и малые прокатные станы, дополняя друг друга, дают сравнительно полную номенклатуру продукции. Крупный завод выпускает продукцию больших размеров и большими партиями, в то же время он предоставляет среднему и малому заводам заготовки для выработки проката небольшими партиями и широкого ассортимента. Малый завод разрабатывает новую продукцию, которую крупный завод затем производит в серийном порядке после технической экспертизы. Малый завод максимально использует отходы крупного завода. Крупный, средний и малый заводы, действуя сообща, разрешают ключевые технические вопросы». Таким образом, они вместе делают то, что «не по силам крупному или малому заводу в отдельности».

Перед нами пример решения, противоречащего маоистским установкам. В данном случае мелкие заводы являются лишь субподрядчиками, субпроектировщиками и опытными участками крупных. Маоистская же «теория» предусматривает самостоятельное существование и развитие мелких и средних предприятий в рамках региона с целью самостоятельного удовлетворения его потребностей в продукции соответствующего профиля. Данный пример свидетельствует о возрождении «диктата специалистов», специализации и кооперирования производства, развитии экономических отношений, в частности столь ненавистных маоистам — товарно-денежных.

Однако нельзя не учитывать всей сложности и противоречивости китайской действительности. Решения, приемлемые для Шанхая, могут быть просто неосуществимыми для отсталых сельских районов. Существо проблемы, на наш взгляд, заключается в том, что в условиях неравномерности развития отдельных районов и неразвитости инфраструктуры в Китае не может быть единого рецепта на все случаи жизни. Курс «опоры на собственные силы» при неразвитом рынке в масштабе страны и даже отдельных провинций, идеологически отражая действительность, экономически ведет страну в тупик. Отсталые районы, варясь в собственном котле, не в состоянии сами развить мелкие формы промышленного производства. Даже в среднеразвитых по китайским меркам районах экономическая целесообразность ограничивает действие установки «опираться на собственные силы». В подавляющем же большинстве китайских уездов рас-

ширенное воспроизводство несовременных форм промышленности и одновременная модернизация соответствующих мелких и средних предприятий невозможны без помощи крупных современных предприятий района, провинции, промышленности центрального подчинения.

По сути дела экономически «опора на собственные силы» оказывается выгодной с точки зрения узких местных интересов только для наиболее развитых районов (Шанхай, Пекин, Ляонин и т. п.). Эти районы получают возможность концентрировать силы в своих границах. В итоге неизбежно происходит усиление неравномерности развития, расширяется основа для процветания узко-местнических интересов.

Иными словами, жизнь требует единой хозяйственной системы района, провинции, страны. Практика же изолированного развития централизованной современной промышленности и двух тысяч уездных промышленных систем, формируемых на основе мелких и средних предприятий несовременных форм промышленности, противоречит данной объективной экономической потребности.

Таким образом, даже на нынешнем этапе в КНР имеется не так уж много реальных объективных возможностей для создания «новой формы техники» в тракторке Хосино. И это естественно, поскольку будущее страны уже сегодня определяет крупная современная промышленность с техникой такой же, какой она была, к примеру, в развитых странах капитализма 20—50 лет назад. Такие же выводы вытекают и из анализа кампании за комплексное использование сырья и оборудования.

После «культурной революции» в китайской прессе время от времени появляются сообщения о том, что то или иное предприятие расширило свою номенклатуру и начало на имеющемся специализированном оборудовании наряду со старыми выпускать новые виды продукции. Подобное «комплексное использование» оборудования без расширения производственных мощностей объективно ведет к снижению или стабилизации выпуска специализированной продукции (последнее возможно при предыдущей недогрузке мощностей, что имеет место в практике китайских предприятий). Этот вид «комплексного использования» логически вытекает из установки «опираться на собственные силы». Стремление к само-

обеспеченности замкнутых регионов не расширяет, а, возможно, даже сужает рынок сбыта продукции крупных предприятий, сдерживая рост массового производства и увеличивая в то же время номенклатуру продукции. Такое положение характерно для мелкосерийного производства, техническим основанием которого является универсальное оборудование. При использовании же последнего отходов сырья и материалов больше, чем при работе на специализированном оборудовании [см. 23], следовательно, возрастает потребность в их утилизации, в «комплексном использовании» материалов.

Другой вид «комплексного использования» состоит в переработке побочных продуктов любого производства до получения продукции, пригодной к употреблению в других отраслях или в быту. Утилизация всех побочных продуктов необходима и экономически выгодна в ряде областей народного хозяйства: в нефтепереработке (особенно в условиях нехватки нефтепродуктов, как это имеет место в Китае), на металлургических комбинатах (создание химических комплексов по переработке жидкой и газообразных фракций при коксовании угля), при получении серы из серного колчедана и целом ряде других производств. Общепринятый аналог такого вида комплексного использования — процессы утилизации, которые заключаются в механической или химической сепарации отходов с последующей либо механической, либо химической обработкой их.

«Массовое движение за комплексное использование» связывается в Китае с «указаниями» Мао Цзэ-дуна, сделанными им в 1958 г. после посещения Уханьского металлургического комбината и г. Фушунь. «Комплексное использование», по его мысли, должно способствовать созданию самообеспечивающегося хозяйственного комплекса и формированию городской «народной коммуны». Не удивительно поэтому, что долгое время сообщения о данном «движении» в китайской прессе объединялись в единой формуле с «опорой на собственные силы» и с «техническим новаторством».

Через четырнадцать лет «массовое движение за комплексное использование» обрело новую жизнь. С начала 1972 г. сообщения о нем стали более конкретными, а само оно в материалах китайской прессы стало фигурировать самостоятельно и развернуто: «комплексное исполь-

зование, превращение отходов в сокровище, устранение вреда и принесение пользы людям». Перед «движением за комплексное использование» теперь ставятся не только экономические, но и, хотя бы в пропагандистских целях, экологические задачи.

«Во имя народа приносить пользу и устранять вред — это новое явление,— говорилось в одной из передач радио Шэньяна в январе 1972 г.— Оно способствует изменению обычаев людей и преобразованию общества». Через несколько дней эта радиостанция конкретизировала, о чем именно идет речь: «Сегодня вредные газы, заражающие атмосферу, идут на переработку и использование. Загрязненные каналы, наносящие вред сельскому хозяйству, превращаются в чистые реки, горы шлака превращаются в сокровища».

Радио Пекина в феврале 1972 г., в свою очередь, призывая «создавать блага и устранять вред, во имя нового поколения создавать счастье», указывало, что для этого необходимо добиться такого положения, когда новые заводы и промышленные предприятия с первого же дня работы будут комплексно использовать различные виды отходов своего производства. Подчеркивалось также, что благодаря указанному «движению» «развивается многоотраслевое хозяйство, повышается производительность, растут вал и прибыль, а себестоимость падает». Аналогичные моменты отмечались и в материалах агентства Синьхуа весной и летом 1972 г. С тех пор в печати периодически появляются статьи, так или иначе затрагивающие проблему экологического равновесия. Например, в феврале 1975 г. «Жэньминь жибао» рекламировала опыт пекинского нефтехимического комбината по охране окружающей среды [см. 142, 28.II.1975]. Помимо чисто рекламной направленности (приносящей иногда — вспомним концепцию Хосино — определенные плоды) такая постановка вопроса вызвана, по-видимому, реальным ухудшением экологической ситуации в Китае, а также, как пишет китайская пресса, «распространением косных консервативных идей о том, что с загрязнением воздуха, воды и почвы трудно справиться» [там же].

Увеличение загрязнения окружающей среды в Китае прежде всего отмечается теми буржуазными журналистами, которые получили возможность посетить страну после большого перерыва. Например, американский обозре-

ватель Дж. Олсоп писал: «Теперь же и Куньмин, и Чунцин — крупные современные промышленные города... Дым, валящийся из труб многочисленных предприятий, давно начал лишать Куньмин его великолепия как города, который всегда был залит яркими лучами солнца» [90, 50]. Не менее мрачным представляется ему и Чунцин. Причем, судя по всему, нарушение экологического равновесия явно усиливается проводимой руководством КНР технико-экономической политикой. Таким образом, потребность в «комплексном использовании» побочных продуктов производства в целом определяется рядом как экономических, так и экологических факторов.

Во-первых, неравномерность развития промышленности и локализация индустриальных центров на сравнительно небольших территориях создают повышенную местную концентрацию производственных отходов заводов и фабрик. Не случайно большая часть мероприятий по использованию отходов проводится в пров. Ляонин, в Шанхае и Пекине.

Во-вторых, результатом волюнтаристской экономической политики является производство определенного количества неполноценных конечных продуктов, нуждающихся в дальнейшей переработке, вследствие чего возрастают, соответственно, расходы и отходы сырья, материалов. Иностранцы, посетившие Китай после «большого скачка», писали, например, о горах шлаков, оставшихся после кампании за массовое производство чугуна и стали «кустарным способом». После «культурной революции» в Китае неоднократно предпринимались попытки совершить новый «большой скачок», в результате которых появились новые «горы отходов». Их-то и призывают сейчас превратить в «соковища».

В-третьих, проектирование и строительство новых предприятий осуществляется по-прежнему без учета последствий загрязнения окружающей среды. Характерно, что даже Дацин — образцово-показательное предприятие, выросшее к тому же в малонаселенной монгольской степи, описывается агентством Синьхуа следующим образом: «Трубы величественных нефтеперерабатывающих заводов изрыгают клубы густого дыма, образующие облака на синем небе».

В-четвертых, строительство и функционирование мелких и средних предприятий, в условиях когда средств

хвѣтает только на крайне необходимое оборудование, когда выпуск продукции стремятся обеспечить любой ценой и в кратчайшие сроки, также в перспективе не может не вызывать локального загрязнения окружающей среды.

Похоже, что старая кампания за комплексное использование получила второе дыхание в результате назревшей необходимости борьбы за экологическое равновесие. Но это означает, помимо всего прочего, что Китай сталкивается с проблемами, связанными с применением техники, устаревшей морально или физически, но отнюдь не техники «новой формы», как это утверждает Хосино.

Теперь перейдем к проблеме аграризации городов — третьему краеугольному камню мифа о создании «новой формы техники» в Китае.

В начале 1964 г. Бо И-бо, в то время председатель Государственного экономического комитета КНР, в беседе с американской журналисткой А. Л. Стронг заявил, что городское население Китая должно быть сокращено со 130 млн. до 110 млн. человек и оставаться таким до тех пор, пока не будет механизировано сельское хозяйство. «С прямолинейной откровенностью он пояснил: „Ведь наша промышленность модернизирована, а сельское хозяйство еще не механизировано“» [цит. по: 121, 54].

Общеизвестно, что в КНР проводились многие массовые кампании, направленные на искусственное сдерживание роста городов. Около 20 млн. крестьян, посланных в города во время «большого скачка», были возвращены в деревню [см. 49, 91]. Территориальная мобильность населения до предела ограничена. Постепенно высылка из городов интеллигенции, молодежи и рабочих приняла массовый характер. Специалисты подсчитали, что для стабилизации городского населения на уровне 15% всего населения страны после «большого скачка» принудительной отправке в деревню подверглось около 80 млн. китайских граждан [15, 303—304]. Меры в этом направлении осуществляются последовательно и целенаправленно. В качестве примера сошлемся на одно сообщение китайской печати, согласно которому только из Шанхая в последние пять-шесть лет выслано более 1 млн. молодежи [142, 22. II. 1973]. Но население этого города вместе с пригородами насчитывает всего 10 млн. человек [100,

198]. Получается, исходя из данных о китайской демографической структуре, что из Шанхая высланы чуть ли не все молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. Иными словами, на протяжении уже 15 лет руководство КНР последовательно проводит политику противодействия урбанизации.

Урбанизация является одной из характерных черт нашего времени — эпохи научно-технического прогресса. Хотя она может сопровождаться и, как правило, в капиталистических странах сопровождается рядом отрицательных явлений, в целом — это объективное и прогрессивное явление. А раз так, то ее нельзя ни отменить, ни обратить вспять без существенных отрицательных последствий⁶. Однако и в данном случае пекинские лидеры не склонны считаться с объективными экономическими закономерностями.

Кроме прямых мер, ограничивающих рост городов, предпринимаются и другие, которые объективно направлены против городского населения, городской культуры и шире — против городской промышленной цивилизации.

Например, в Китае в настоящее время повсеместно практикуется система «и рабочий и крестьянин». Однако ей скорее подходят два других названия, отражающие два диаметрально противоположных процесса: один — «от крестьянина к рабочему», подробно описанный Э. Широковой [см. 77], другой — «от рабочего к крестьянину». Первый из этих процессов, казалось бы, прогрессивен и по целевой направленности соответствует тенденции, наблюдаемой во всем мире уже на протяжении нескольких столетий. Однако на практике дело обстоит иначе.

Система «и рабочий и крестьянин» в указанном плане предусматривает посылку крестьян на срок от полугода до трех — пяти лет на уездные промышленные предприятия. После отработки положенного времени они обязаны возвратиться в деревню. В городе такой рабочий получает половину заработной платы, вторая половина автоматически перечисляется в «общественный фонд» пришедшей его производственной бригады. Он живет в городе без семьи, находясь, по сути дела, на казарменном положении, не пользуется никакими льготами, установленными для рабочих (бесплатное медицинское обслуживание, материальное обеспечение в случае временной

нетрудоспособности и др.), но участвует в распределении доходов соответствующей производственной бригады. Его лечение в случае болезни, медицинское обслуживание осуществляет все та же бригада. Иными словами, крестьянин может исполнять технические обязанности рабочего, но во всем остальном он должен остаться крестьянином.

Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» подчеркивал, что крестьяне и рабочие мануфактур после вовлечения их в крупную промышленность изменяют весь свой жизненный уклад, становятся другими людьми [8, 335]. В Китае пытаются остановить этот процесс. Все строится с таким расчетом, чтобы крестьянин не мог изменить своего жизненного уклада, стать рабочим.

Практически система «и рабочий и крестьянин» является методом мобилизации крестьянских масс на промышленные и строительные работы. С ее помощью нынешние китайские руководители надеются создать современный промышленный потенциал, но предотвратить развитие «обуржуазившегося» рабочего класса. Как и многие другие, эта «идея» не соответствует экономическим законам, реальной действительности, поэтому практическое осуществление массовой мобилизации крестьян столкнулось с рядом трудностей.

Крестьяне, посланные в город, автоматически перестают быть производителями сельскохозяйственной продукции, превращаясь, напротив, в ее потребителей. Уровень производства и производительности труда в сельском хозяйстве неизбежно стал естественным регулятором перекачки рабочей силы из деревни в город, тормозя тем самым распространение маоистской системы «от крестьянина к рабочему». Конечно, проблему можно было бы решить крупными государственными вложениями в механизацию сельского хозяйства, однако такое мероприятие не укладывается в рамки нынешней китайской технико-экономической политики.

Даже поклонники пекинского руководства из западных журналистов вынуждены констатировать, что сельские «коммуны» все еще существуют «визави» с государством, т. е. развиваются сами по себе [см., например, 147, 21.III.1973]. Конечно, мелкие производственные мероприятия должны осуществляться на средства «коммун», но для коренного изменения облика деревни не-

обходимы вложения извне. Собственные накопления деревни, как было показано выше, незначительны, поэтому производительность труда в сельском хозяйстве растет чрезвычайно медленно. Не говоря уже о Европе, Америке или Японии, даже в Африке, как показывают подсчеты советского ученого Е. А. Коновалова, производительность сельского труда в полтора раза выше, чем в Китае [49, 98].

Поставленная в трудные условия «саморазвития», китайская деревня вопреки внешней очевидности и общепринятому мнению не трудоизбыточна. Не получая эффективной помощи от современной промышленности, она развивается путем все более интенсивного использования традиционных методов ведения хозяйства. Но последние никогда не были ни исчерпывающими, ни действительно дешевыми, а китайское руководство использует труд в сельском хозяйстве, по мнению многих западных исследователей, как «нечто не имеющее отношения к стоимости» [96, 273]. В результате такого отношения китайское сельское хозяйство и сегодня не имеет возможности в крупных масштабах высвободить рабочую силу для промышленного производства.

Это вынуждена признать и маоистская пресса. Так, в 1971 г. «Жэньминь жибао» писала: «Есть люди, которые говорят: „Так как... уже девять лет собираются небывалые урожаи, было бы нетрудно взять из сельского хозяйства определенную часть рабочей силы для местной промышленности“. Это — ошибочная точка зрения... Следует указать, что производство зерна на душу населения еще невысоко, уровень механизации сравнительно низок, а задачи в области ирригации огромны» [142, 5.V.1971; см. также 127, 1972, № 10, 37—43; 142, 23.I, 17.V, 27.VI, 14.VII, 24.VII, 3.VIII.1972 и др.].

Китай вынужден ежегодно, несмотря на объявляемые «небывалые урожаи», закупать зерно за рубежом. Специальные исследования показывают, что причины закупок — недостаточное производство продовольствия в самом Китае [см. 103]. Таким образом, факты свидетельствуют, что китайская деревня не может прокормить город, одновременно поставляя ему рабочую силу. Еще в 1961 г. «Жэньминь жибао» констатировала: «С перемещением сельского населения в промышленность происходят существенные изменения. Во-первых, лица, про-

изводившие сельскохозяйственную продукцию, перестают производить ее; во-вторых, они превращаются в потребителей товарного хлеба и других продуктов сельскохозяйственного производства. Следовательно, перемещение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность ограничивается определенными рамками; при определении числа людей, которые могут быть направлены из сельского хозяйства в промышленность, необходимо учитывать, сколько сельскохозяйственной продукции могут произвести труженики деревни сверх того, что они потребляют сами» [142, 7.V.1961].

Под влиянием прогрессивных сил в 1958 г. в Китае была принята государственная программа сельскохозяйственного развития, предусматривавшая радикальную перестройку этой отрасли экономики⁷. Она была рассчитана на 12 лет, т. е. уже 8 лет тому назад должна была быть выполненной. Однако в настоящее время средняя урожайность зерновых достигла плановых наметок лишь в немногих провинциях страны, например, к 1972 г. только в Чжэцзяне и Гуандуне [см. 84].

Тот факт, что сельское хозяйство, опирающееся на «собственные силы», способно прокормить городское население только в определенных пределах, не заставил китайских руководителей обратиться к мысли о механизации сельского хозяйства. Они предпочли искать иные решения проблемы.

Трудно сказать, когда возникла «идея» заставить городское население добиться самообеспечения продовольствием, превратить хотя часть рабочих в крестьян. В 60-е годы перед крупными городами была поставлена задача добиться максимально возможного самообеспечения продуктами питания. С тех пор, судя по китайской печати, практика посылки городского населения в сельские пригородные районы стала постоянной. На время этих работ им сохраняется прежняя заработная плата. Рабочие принимают непосредственное участие в сельскохозяйственном производстве и в создании мелких и средних уездных, «коммунных» и бригадных предприятий, «непосредственно служащих сельскому хозяйству». Сроки таких «командировок» весьма неопределенны, т. е. в принципе рабочие пребывают в деревне столько, сколько это окажется необходимым. Уже данный момент достаточно убедительно показывает, насколько велика в

сельскохозяйственном производстве потребность в дополнительных рабочих руках. Так, например, согласно одному из сообщений агентства Синьхуа в феврале 1970 г., из 18 тыс. рабочих небольших промышленных предприятий г. Пинсян 7 с лишним тыс. «приобщаются и к промышленному и к сельскохозяйственному труду. В страду они занимаются сельскохозяйственным производством, а в период затишья в полевых работах — промышленным».

Пригородные районы Пекина, Тяньцзиня и Шанхая, получив необходимую поддержку городских предприятий, в 1970—1971 гг. достигли средней урожайности, предусмотренной заданиями «двенадцатилетней программы». Сравнительно быстро развивается сельское хозяйство и в пригородных районах некоторых других крупных промышленных центров КНР. Но города Китая — острова в море отсталой в экономическом и культурном отношениях деревни. Сравнительно быстрое развитие сельских «коммун» пригородных районов нескольких крупных городов еще более контрастно подчеркивает несостоятельность маоистских концепций относительно «индустриализации» деревни за счет ее собственных «сил», проводящейся таким образом, чтобы не произошло ее урбанизации, «обуржуазивания».

С другой стороны, плата за «самообеспечение» продовольствием городского населения оказывается для горожан весьма высокой. На примере Дацина — «образцового» аграрно-промышленного региона, положение в котором будет анализироваться в следующей главе, ясно видно, что аграризация городского населения даже в «образцово-показательном» варианте является шагом назад в социально-экономическом и культурном развитии рабочего класса.

Таким образом, одновременное развитие различных форм промышленности в КНР идет при игнорировании экономических законов и противоречит реальным потребностям китайского общества и народного хозяйства. Движение за «комплексное использование» для создания замкнутых экономических систем не смогло получить широкого распространения и было гальванизировано лишь проблемой сохранения экологического равновесия. Индустриализация китайской деревни по-маоистски и аграризация городов являются тормозом в развитии ки-

тайского общества. В целом, следовательно, вряд ли можно говорить всерьез о создании в Китае «новой формы техники». В то же время нет сомнений в антинародности проводимой нынешним руководством КНР технико-экономической политики.

Пути к созданию «новой формы техники», или, если использовать штампы маоистской пропаганды, к ликвидации «мистических тайн» технических профессий, пекинские лидеры видят в опоре на «волю, политическую сознательность и разум масс». Однако практически, как показал В. Г. Гельбрас, воззвания к всемогуществу «разума масс», к их способности без всяких специальных знаний овладеть промышленной техникой по сути дела являются демагогической лезть, адресованной к наиболее отсталым политически и социально группам общества [см. 34, 31—32].

Модернизация кустарного, примитивного, традиционного оборудования и методов производства полуграмотными ремесленниками и крестьянами, естественно, может происходить на уровне их обыденного сознания. А обыденное сознание, как пишет Г. Н. Волков, есть не что иное, как «совокупность мнений, почерпнутых из повседневного житейского опыта, довольно часто — из некритического и наивного восприятия лежащих на поверхности явлений, из веками накопленных предрассудков и догматов. Обыденное сознание с присущим ему „здоровым смыслом“ доверяет только тому, что можно „пощупать“». «В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, — продолжает автор, — отметил его мысль, что „здоровый человеческий рассудок есть такой способ мышления, в котором содержатся все предрассудки данного времени“» [26, 22].

О двух других «аргументах» в пользу решения проблем производства с помощью «массового движения» в его маоистском варианте академик А. М. Румянцев пишет следующее: «Воля и политическая сознательность масс действительно играют большую роль в развитии экономики, но не в отрыве от материальных условий их деятельности, а в тесной связи с ними. Кроме воли и политической сознательности, нужны еще готовность и умение масс выполнять вставшую задачу. А это значит — воля только тогда не будет растрачиваться впустую, когда под нее подводится материальная база, формирующая готовность масс, когда имеет место овладение

этими материальными условиями, формирующими готовность масс рационально, правильно, с наибольшей эффективностью использовать все материальные условия в интересах всего общества» [68, 73]. Подробно о готовности и умении масс выполнять поставленные задачи мы будем говорить ниже, когда коснемся дифференциации рабочего класса Китая на отряды, различающиеся по производственным и социальным признакам. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что современное китайское руководство не только игнорирует экономические законы в практической административно-хозяйственной деятельности, но и свои основополагающие концепции строит вразрез с объективными законами развития в целом. Объективные законы развития свидетельствуют, что «голый здравый смысл» и «воля и политическая сознательность масс» сами по себе способны лишь на создание форм, имеющих или имевших место в прошлом.

МИФ ОБ ЭГАЛИТАРИЗМЕ В КИТАЕ

В настоящее время в буржуазной синологии начинает создаваться миф о достижении в Китае — пусть на весьма низком материальном уровне — всеобщего равенства или по крайней мере равенства большего, чем где бы то ни было. Активнейшую роль в распространении подобных представлений играет маоистская пропаганда. Утверждению мифа об эгалитаризме в Китае весьма способствуют также отсутствие необходимой информации о жизни китайского общества и специфическая обработка «гостей» Пекина из капиталистических стран.

Иностранцам показывают «потемкинские деревни», и они потом «заявляют с полной убежденностью, что Китай является счастливой и процветающей страной» [131, 2]. «Иностранные визитеры единодушно отмечают неожиданную для них невозможность отличить на китайских заводах управленческий персонал от рабочих по одежде или манерах» [91, 430]. Для проверки всех этих сведений, поступающих, так сказать, «из первых рук», необходимо произвести специальный анализ косвенных данных. В посмертной статье талантливого советского ученого Б. В. Ветрова говорится: «В Китае из-за фактически малого удельного веса в общей экономической

структуре крупной машинной индустрии она не может не быть явлением исключительным, не может не попадать в постоянную зависимость от судеб мелкого обобщественного производства с его законами существования и развития. Отсюда с необходимостью должен следовать тот вывод, что в результате своей исключительности крупная машинная индустрия не может обслуживать потребностей всего общества, но обслуживает лишь часть его, которая волей-неволей тоже становится избранной частью общества,— хотя и не по принципу потребления,— но все равно имеющей возможность играть исключительную социальную роль.

Во всяком случае, констатируем, что исключительность положения крупной машинной индустрии потенциально может стать, если уже не стала, одним из главных структурообразующих (стратифицирующих) элементов в Китае» [25, 67—68]. В принципе Б. В. Ветров прав.

Современный тип производства сложился в развитых странах в определенных исторических условиях: культурных, социальных и технических. История взаимоотношений человека и машины свидетельствует, что все несовершенства последней всегда компенсировались интенсификацией человеческого труда. Из всего, что было создано до сих пор человеком и природой, самыми разносторонними «механизмами» — самыми энерго- и информационно емкими, компактными по размерам, универсальными по способностям и способам передвижения являются человеческие мозг и руки. Но для успешного функционирования рабочей силы должны быть созданы соответствующие условия простого и расширенного воспроизводства. На эти условия весьма существенно повлияла история взаимоотношений человека и машины, культурные, социальные и технические традиции развитых стран. В результате для современного производства характерны вполне четкие требования к рабочей силе. Один из наиболее известных, хотя и грубых, в силу своей крайности, примеров такого рода воссоздания условий функционирования человеческого организма связан с авиацией. Летчикам некоторых азиатских стран, обучавшимся вождению сверхзвуковых самолетов, пришлось сначала отказаться от традиционной пищи и перейти сначала на европейскую, а потом на специальную диету

в сочетании со специально разработанным комплексом физических упражнений.

Как пишет советский философ И. Фролов, с развитием современной промышленности «по сути дела человеком создается новая техническая среда его жизни — „вторая природа“, по новому определяющая его взаимоотношения с природой естественной. Изменения условий жизнедеятельности носят порой столь серьезный характер, что можно было расценить их как испытание пределов физических и психических возможностей человека, его сознания и воли» [139].

Для Китая характерна многоукладность техники, а каждому укладу соответствует рабочая сила вполне определенного типа с характерными для нее условиями работы и быта. Непосредственные наблюдения ученых и журналистов, посетивших Китай в 70-е годы, и сообщения китайской прессы позволяют представить себе условия труда и быта рабочих.

Токари, слесари, электрики — работники ремонтных предприятий «коммун» живут практически в таких же условиях, что и остальные труженики деревни. За работу здесь начисляются трудовые единицы в зависимости от количества ее, качества и политической благонадежности трудящихся. В некоторых «коммунах» труд работников предприятий оценивается несколько выше труда работников полеводства. Однако в целом в деревне действует единообразное «квалификационное» деление: «полная рабочая сила» (крепкий мужчина), «половинная рабочая сила» (женщина), «частичная рабочая сила» (пожилые люди, больные, дети).

Деревенские жители — крестьяне и ремесленники — стремятся уйти на работу в города. «Стихийный приток в города» пресекается властями, имеющими право на применение административных мер, вплоть до принудительной высылки крестьян из городов. Тем не менее некоторым крестьянам, возможно, все же удастся преодолеть многочисленные препоны и переселиться в город.

Помимо этого в ограниченных размерах практикуется организованный набор крестьян на работу в промышленность уездного подчинения. При создании новых предприятий данного уровня уездные власти определяют нужды в дополнительном числе работников и составляют разрядку по промышленным предприятиям уездного

города и «коммунам» уезда. «Костяк» штатов нового производства набирается из квалифицированных рабочих старых предприятий, необученные рабочие — главным образом из «коммун». Получив разрядку, руководство «коммуны» дает указание одной или нескольким бригадам подобрать кандидатов, пригодных к работе на промышленном предприятии и давших на это свое согласие.

На работу в городе крестьяне идут охотно, так как, получая на руки лишь половину заработной платы рабочего (вторая половина перечисляется на счет пославшей их бригады), они имеют больший доход, чем даже в «процветающих» «коммунах». Немаловажен и тот факт, что в городе оплата их труда производится не натурой, а деньгами. Кроме того, там крестьяне могут пользоваться недоступными им в деревне плодами городской цивилизации. Рабочий день их более или менее ограничен, тогда как крестьяне и сельские ремесленники деревни трудятся от зари до зари.

Контракты на работу в городе заключаются сроком до пяти лет. По истечении оговоренного срока большинство крестьян возвращается в деревню, но у небольшой их части есть возможность остаться работать постоянно, изменить свое общественное положение — стать рабочими и горожанами. Возвратившиеся из города крестьяне, используя приобретенные знания и навыки, могут участвовать в создании предприятий в своих «коммунах», становясь там привилегированным «костяком».

Для отбора крестьян на работу действующее городское предприятие или администрация («костяк») создаваемого завода или фабрики посылают своих представителей в деревню. Последние отбирают кандидатов по трем показателям: возраст, здоровье и культурный уровень. На предприятия с большим удельным весом фабрично-заводского оборудования отбор идет в узких возрастных рамках.

В «образцово-показательных» уездах еще до фактического создания нового предприятия его коллектив — технический «костяк» и необученные рабочие из горожан и «рекрутированных» крестьян — направляются группами на другие заводы в уезде, предприятия аналогичного профиля в других уездах и современные производства для «получения основ знаний, необходимых для собственного будущего развития» [114, 327]. Этот факт, а

также быстрая смена большого контингента необученных рабочих — в «передовых» уездах свыше 45% рабочей силы местной промышленности составляют контрактованные крестьяне — напоминают историю создания первых фордовских предприятий. Там, «чтобы увеличить персонал на 100 человек, нанимали и увольняли до 900. Текущая возникала в результате двух факторов: 1) зверского ритма и инженерно малограмотной конструкции рабочих мест; 2) значительная часть рабочей силы (более пожилые, ранее сложившиеся рабочие) вначале еще не была готова к активному непрерывному ритмичному труду, не обладала нужной координацией движений и общим развитием. Набор более молодых, сильных и сообразительных рабочих с более высокой общей культурой компенсировал тем самым отсутствие инженерных кадров для конструирования рабочих мест и обучения научной организации труда рабочих» [21, 37].

Безусловно, речь идет не о полной аналогии с фордовскими заводами. Но на китайских предприятиях для крестьян условия труда и без этого необычны и достаточно тяжелы. На мелких производственных единицах практически нет инженерных кадров и ни о каком конструировании рабочих мест и научной организации труда не может быть и речи. Зато из всей массы сельской рабочей силы набирают наиболее молодых, сильных и сообразительных, показывают им как полусовременные, так и современные предприятия определенной отрасли промышленности.

Над полусовременными производствами «образцово-показательных» уездов осуществляется шефство со стороны современных предприятий районного и провинциального подчинения. «Шефство крупных заводов над мелкими — фактор большого значения, так как оно дает возможность мелкому местному предприятию получать знания от передовых предприятий по мере возникновения проблем», — пишет Й. Сигурдсон [114, 327]. Шефские отношения проявляются в направлении квалифицированных рабочих современными предприятиями на уездные — либо временно, для передачи опыта, либо на постоянную работу с повышением социального статуса: присланные входят в «костяк» нового предприятия, становятся руководителями участков, цехов и т. п. Однако перевод на постоянную работу осуществляется лишь в

гом случае, когда в самом уезде квалифицированной рабочей силы почти нет.

У образованной молодежи уездных городков и поселков есть по сути только два пути по окончании школы: или стать рабочим уездного предприятия (для этого надо быть здоровым, сильным, хорошо учиться), или быть отправленным на работу в деревню. Причем, чем медленнее развивается промышленность уезда, тем больше шансов оказаться в деревне и меньше — возвратиться когда-либо на работу в город. Для тех, кто остается в городе, существуют иные возможности: квалифицированные рабочие действующего предприятия могут даже войти в состав «костяка» нового производства, если они обладают необходимым культурно-техническим уровнем и политически благонадежны.

Молодежь более крупных городов — районных или провинциальных центров — направляется либо на современное или мелкое кустарное предприятие, либо на «вечное поселение» в деревню. Большая ее часть попадает в деревню, откуда есть только два пути легального возвращения в крупный город: командирование на учебу в вуз или на работу в промышленность. Этими возможностями может воспользоваться только меньшинство.

Итак, выходцы из деревни, жители уездных и более крупных городов попадают, как правило (из которого, конечно, бывают и исключения), в различные секторы китайской промышленности. Причем для представителей каждой из этих категорий есть свои более или менее удачные варианты. Это позволяет со всей определенностью говорить об очевидном *неравенстве* возможностей, обусловленном официальной линией на упрочение местной автаркии.

Ведь, как уже отмечалось, уровень техники и технологии того или иного производства с неизбежностью определяет весь комплекс моментов воспроизводства рабочей силы. Выше уже говорилось о существеннейших различиях в характере труда в секторах многоукладной китайской промышленности; различен там соответственно и «потолок» возможной квалификации.

Велико неравенство и в экономико-социальных условиях жизни различных отрядов китайского рабочего класса. Работая на современном предприятии, можно стать членом профсоюза и получить тем самым ряд

льгот, завоеванных китайским пролетариатом еще в период гоминьдановского господства. В частности, на таких заводах и фабриках бывают фонды социального страхования. В современной промышленности заработная плата рабочего в среднем примерно в два раза выше, чем в местной промышленности на мелких заводах и фабриках, и в десять раз выше, чем на предприятиях «коммун».

В 1971 г. в «менее процветающих», т. е. обычных, «коммунах» годовой заработок одного работающего составлял 70 юаней, а средняя заработная плата постоянных рабочих и служащих — 650 юаней в год. Но последняя цифра представляет собой среднее арифметическое заработков рабочих и служащих, как промышленности центрального, так и местного подчинения, как современных, так и частично несовременных предприятий. А поскольку оплата труда на современных предприятиях примерно в 2 раза больше, чем на несовременных, то грубо можно считать, что заработки рабочих последних в 5—10 раз, а рабочих современных заводов — в 10—20 раз больше (в зависимости от отрасли промышленности и местной или центральной подчиненности), чем рабочих в «коммунах».

Таким образом, только одно сравнение заработной платы отдельных групп рабочих КНР показывает, насколько беспочвенны все разговоры о «всеобщем равенстве» в современном Китае. Разница в положении различных отрядов рабочего класса отнюдь не ограничивается лишь сферой заработной платы. Возьмем в качестве примера жилищные условия рабочих восьми крупных промышленных центров КНР.

Сопоставление и анализ данных о жилищном строительстве, приведенных в свое время в газете «Дружба» [137, 1959, № 49, 10], а также в одном из сообщений агентства Синьхуа в июне 1972 г., и результатов исследования Р. Филда о росте населения КНР [100, 198] позволяют сделать предположение о том, что в старых домах Пекина живет не менее трети населения города. Здесь на душу населения приходится около 2,6 кв. м, в то время как в новых домах того же города — примерно 6 кв. м. Таким образом, анализ распределения жилой площади в Пекине показывает, что по крайней мере две большие группы населения живут в существенно разных

условиях: одна — в новых домах с удобствами, другая — в старых, без удобств, причем на человека здесь приходится в два раза меньше жилой площади.

В Шанхае, согласно результатам анализа тех же материалов, лишь около четверти населения живет в новых домах, где на человека приходится в среднем 5 кв. м, остальные — в старых домах.

Сопоставление рассчитанных нами данных по Пекину и Шанхаю со сведениями из упомянутого сообщения агентства Синьхуа приводит к выводу, что в шести других крупных городах — Гуанчжоу, Нанкине, Тяньцзине, Хух-Хото, Лояне и Хэфэе — в новые дома общей площадью 32 млн. кв. м было вселено около 9,5 млн. человек, т. е. в среднем на одного человека там приходится менее 3,3 кв. м. Однако естественно предположить, что в Тяньцзине, городе центрального подчинения, масштабы строительства и нормы жилой площади тяготеют скорее к пекинским и шанхайским, а не к средним по шести городам. Если же принять, что норма выдачи новой жилплощади в Тяньцзине составляет 5 кв. м на человека, то средняя норма для других пяти городов соответственно снизится и не будет достигать даже 3 кв. м на человека. Такая «норма» близка к трущобной, которую то же сообщение Синьхуа определило следующим образом: «В трущобах г. Чэнду пров. Сычуань жилплощадь на одного человека составляла 1,61 кв. м».

Полученные данные можно рассматривать, естественно, лишь как сравнительные, а не абсолютные показатели. Тем не менее они позволяют сделать следующие выводы:

- 1) в городах современного Китая существуют большие, в среднем более чем двухкратные, различия в обеспечении жилой площадью различных групп населения;
- 2) не меньшие различия имеют место и между обеспечением аналогичных групп населения, живущих в разных городах (в данном случае — в городах центрального подчинения и провинциальных центрах).

Современная промышленность концентрируется в крупных городах, причем наиболее велик ее удельный вес в городах центрального подчинения. Там же сосредоточена и наиболее квалифицированная и высокооплачиваемая часть рабочих и служащих. Не случайно поэтому, что именно в этих городах средняя норма жилпло-

щадя на человека в новых домах приближается к аналогичному показателю Европы первых послевоенных лет.

Дифференцированное обеспечение жилой площадью жителей городов КНР и в особенности большие разрывы в заработной плате различных категорий рабочих косвенно свидетельствуют о стратификации рабочего класса Китая на группы, отличающиеся не только по характеру, но и по укладу жизни. Подобная ситуация, по мнению некоторых исследователей, во многом определяется развитием несовременных форм промышленности. Так, Б. В. Ветров писал, что «в конце 60-х годов стали возрождаться тенденции социальной дифференциации, типичные для старого традиционного Китая, с его специфически-азиатскими формами средневековья, что не замедлило сказаться на процессах стратификации в среде рабочего класса и примыкающих к нему групп „полурабочих — полукрестьян“. Особенно сильно действуют традиционные тенденции стратификации на туземных производствах, где техническая и технологическая основа, плюс соответствующий контекст социальной действительности — прямо способствует этому и требует реставрации адекватных себе социальных групп» [25, 63].

Конечно, вопрос о «туземных производствах» не так прост. Как уже отмечалось, создавая предприятия несовременных форм промышленности, нынешнее китайское руководство одновременно ставит задачу перерастания их в современные и для этого создает некоторые условия в технико-экономическом плане. В противоречии с установкой «опираться на собственные силы» на местах устанавливаются определенные хозяйственно-экономические связи между предприятиями разных форм промышленности и различной административной подчиненности, осуществляется обмен технико-экономической информацией, действует институт шефства крупных современных предприятий над мелкими несовременными. Наконец, существует жесткий отбор пригодной для работы в промышленности рабочей силы. И тем не менее главной линией в рассматриваемом вопросе в сегодняшнем Китае является создание препятствий социально-экономическому развитию рабочего класса, максимально затрудняющих достижение его однородности.

Реально рабочий класс разбит на отдельные группы по социально-экономическому положению. В стране от-

сутствует территориальная мобильность рабочей силы: рабочий по собственному желанию не может изменить место работы, а вертикальная (послужная) мобильность осуществляется в современной промышленности в довольно узких рамках. С начала «культурной революции» и до 1972 г., например, в Китае не было ни одного сообщения о повышении разрядов рабочих. В несовременных формах промышленности вертикальная мобильность возможна лишь при создании новых предприятий.

Для несовременных форм промышленности уездного уровня, как явствует из наблюдений Й. Сигурдсона, характерна своеобразная «крепостная зависимость» временных и постоянных рабочих. Законтрактованные крестьяне обязаны возвратиться в деревню. Постоянные рабочие могут покинуть свой завод или фабрику лишь в организованном порядке для передачи опыта (или оборудования) подшефным предприятиям, для обмена опытом или инструктажа на передовых предприятиях несовременных форм промышленности, для повышения уровня знаний на предприятиях современной промышленности. Причем во всех случаях возвращение назад обязательно.

Таким образом, рабочий по собственному желанию не может выбрать место работы (он закреплен за предприятием, как крестьянин за бригадой), изменить место жительства, выбрать профессию, учебное заведение, определить условия труда и его оплаты.

Такая «мобильность» рабочей силы соответствует технологическому уровню предприятий и характеру работы — несложной, простой. В свое время и в развитых капиталистических странах положение было аналогичным. Такое положение возникает только в условиях, по существу, полного бесправия рабочего класса, еще не осознавшего себя как класс и не поднявшегося на бескомпромиссную борьбу с буржуазией. Именно в таких условиях могло сложиться положение, когда «низкая профессиональная мобильность простой рабочей силы делала потерю работы трагедией для рабочего», а «законодательное затруднение увольнений являлось жизненной необходимостью» для него и «не противоречило стратегическим интересам предприятий» [23, 64].

В таких условиях развитие отличается замедленными темпами, характерными в целом для капиталистического

общества в отличие от социалистического. Поскольку одного и того же экономического результата можно достичь использованием в производственном процессе как полноценной, так и неполноценной рабочей силы, капитализм, если не встречает мощного сопротивления рабочего класса, предпочитает второй путь — замедленное развитие без увеличения вложений в систему общего образования, без повышения жизненного уровня трудящихся.

В Китае революцией 1949 г. созданы предпосылки для развития полноценной рабочей силы. Однако, как было показано, нынешнее руководство этой страны препятствует повышению общего культурного уровня народа, тормозит развитие общего образования и повышение жизненного уровня. Одним из средств задержки социального прогресса китайского общества являются мероприятия по ограничению мобильности населения.

В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» подчеркивал, что «без создания подвижности населения не может быть его развития» [11, 246]. Он раскрыл механизм влияния мобильности рабочей силы на социальный прогресс: «„Перекочевывание“ рабочих дает им чисто экономические выгоды, поскольку они идут в места большего заработка, и в то же время разрушает кабальные формы найма и отработки» [11, 244].

В современном Китае свободное передвижение населения по стране быстро заставило бы сократить грандиозные разрывы в оплате труда различных групп рабочего класса. Зарплаты рабочих в массе значительно возросли бы. Однако увеличение фонда заработной платы потребует сокращения других статей расходов. Но, поскольку расходы на социальные нужды в КНР и так сведены к минимуму, подобное сокращение коснулось бы прежде всего военно-промышленного комплекса, иными словами, главной установки нынешнего руководства Китая — сроков создания «могучего Китая».

Поставив перед собой цель скорейшего создания «могучего Китая», руководство КНР попало в капкан противоречий. С одной стороны, быстрое развитие требует полноценной рабочей силы, затраты на создание которой на первоначальном этапе снижают темпы роста или даже делают невозможным рост военно-промышленного комплекса. С другой стороны, развитие военно-промыш-

ленного комплекса за счет нужд трудящихся означает в конечном счете замедленное развитие экономики и уровня жизни. Данный комплекс противоречий усиливается политическими моментами: КНР официально провозглашена «социалистическим государством», но методы ведения народного хозяйства и принципы общественной жизни в этой стране не являются социалистическими, поскольку противоречат сути социализма — «все для блага человека».

Все эти противоречия нынешнее руководство КНР пытается разрешить по-своему. Оно создает свои «образцы» социальных единиц и призывает страну учиться: «в промышленности — у дачинских нефтепромыслов, в сельском хозяйстве — у дачжайской бригады. Во всекитайском образце для подражания — Дацине, как в фокусе, сосредоточены реальности китайской действительности, противоречия технико-экономической политики нынешнего руководства КНР и маоистские идеалы будущего «коммунистического» общества.

Глава IV

ОБРАЗЕЦ КИТАЙСКОГО «ПУТИ» ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

С середины 60-х годов в Китае по инициативе Мао Цзэ-дуна развернуто движение «в промышленности учиться у Дацина». Речь идет о крупнейшем в стране нефтедобывающем и перерабатывающем комплексе, у которого все прочие предприятия должны заимствовать методы разрешения широкого спектра проблем политического, социального, идеологического, технологического и организационно-экономического характера. Дацин объявлен примером «нового пути» индустриализации страны, «золотым мостом к коммунизму». Там, как уверяет маоистская пропаганда, происходит стирание границ между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, осуществляется «демократическое управление» и создается «новый тип» человека будущего.

В чем суть «опыта Дацина» на деле? Каково его значение для индустриализации и решения социальных проблем Китая?

Дацин расположен на северо-западе Хэйлунцзяна и является одним из самых крупных предприятий Северо-Востока Китая, т. е. промышленно-экономического района, дающего почти треть промышленной продукции всей страны.

Дацинское месторождение нефти было открыто в конце 50-х годов геологами социалистических стран. Первая буровая скважина здесь была пробурена за день до 10-й годовщины провозглашения КНР, отсюда пошло и название промыслов «Дацин» — «Великий праздник» [см. 130, 25]. Интенсивность освоения месторождения

значительно возросла с 1963 г. (хотя и до этого не приходится говорить о замедленных темпах). К 1968 г. здесь было уже пробурено около 1000 скважин. В настоящее время их, вероятно, значительно больше (в принципе количество скважин определяется геологическими условиями залегания нефти). Территориально Дацин распадается на шесть подразделений (по числу конкретных месторождений).

Здесь производится также и нефтепереработка (в последнее время, возможно, вошли в строй и нефтехимические установки [см. 48, 106]). Объем добычи и нефтепереработки в Дацине не сообщается. Полагают, что третья часть всей нефти страны, добытой в 1966 г., приходилась на эти промыслы. Однако лишь пятая часть ее была переработана на месте. Нефтепереработка, по-видимому, представлена рядом предприятий, из которых выделяется нефтеперерабатывающий завод в Лунфэне, вступивший в строй в 1963 г. В 1965 г. построено предприятие, производящее ароматические вещества: бензол, толуол, ксилол. Этот факт дает возможность предположить, что здесь активно используется современная технология переработки нефти — каталитический риформинг [см. 46, 45, 69], позволяющий получать высокооктановые компоненты бензина. После 1966 г. была построена, видимо, также установка по использованию газа для производства химических продуктов.

Нефть и нефтепродукты перевозятся по железной дороге, для чего построено более 400 км железнодорожных путей [130, 28]. За последние годы проложены нефтепроводы от Дацина к другим промышленным центрам¹ (транспортировка нефти по нефтепроводу в 10 раз дешевле перевозки по железной дороге).

В Дацине имеется Научно-исследовательский институт нефти. В 1966 г. сюда переведен учебный Пекинский нефтяной институт.

Иностранные журналисты, побывавшие в Дацине, отмечали, что члены семей рабочих производят продукты питания, предметы потребления, работают в сфере услуг и торговли. При этом местное производство якобы выпускает широкий ассортимент товаров от толя для крыш до транзисторов для радиоаппаратуры. В период становления предприятия, даже по китайским данным, положение с продовольствием было тяжелым, но с 1965 г.

условия снабжения продуктами улучшились, прежде всего, как подчеркивали зарубежные журналисты, в результате усилий местных жителей. Китайская печать особо выделяет факт самообеспечения дацинцев продуктами питания и предметами первой необходимости.

В так называемых рабоче-крестьянских поселках Дацина имеются универсальные и продовольственные магазины, школы, почтовые отделения связи, поликлиники, детские сады, бани и всевозможные мастерские по ремонту предметов первой необходимости и переработке сельскохозяйственных продуктов, мастерские по ремонту сельскохозяйственного инвентаря и даже машинно-тракторные станции.

Соединение промышленного и сельскохозяйственного производства в Дацине в изображении агентства Синьхуа (в июне 1971 г.) выглядит следующим образом. «Между рядами скважин пасутся стада коров и овец». Члены семей нефтяников подвозят удобрения на поля. А в целом «дацинские нефтепромыслы похожи на деревню городского типа и на город деревенского типа. В степи созданы десятки жилых баз — рабоче-крестьянские поселки».

Таким образом, «Дацин» — это современное промышленное объединение комплексного характера, обеспечивающее полный цикл технологических процессов; центр подготовки квалифицированных кадров нефтяников и химиков, а также научных исследований в области нефти, химии и газа; хозяйственно-экономический регион с большой степенью самообеспечения; социальный эксперимент крупного масштаба.

О «НОВОМ ПУТИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ»

«Опыт Дацина» — это пример реализации главной тактической линии технико-экономической политики нынешнего китайского руководства — «идти на двух ногах», — требующей одновременного развития промышленности и сельского хозяйства, тяжелой и легкой промышленности. В нем нашли выражение и методы претворения установки: «опора на собственные силы», «комплексное использование сырья и оборудования», «техническое новаторство», «самообеспечение и самооснащение», «два

участия и три сочетания» (схема 3). Так, в сообщениях китайской прессы подчеркивается, что строительство мастерских ширпотреба, подъем дацинской целины и частично строительство промышленных установок осуществлены методом «опоры на собственные силы», а производственные успехи достигнуты за счет применения «технического новаторства».

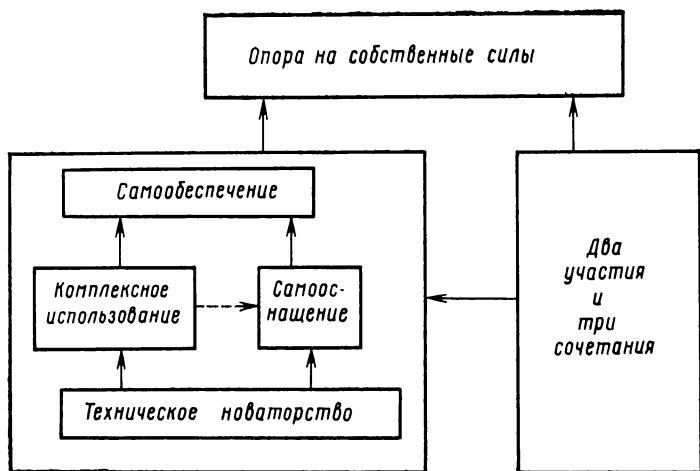

Схема 3. Комплекс мероприятий (установок), необходимых для выполнения курса «опора на собственные силы»

В связи с этим важно выяснить, когда и как Дацин стал предприятием-«образцом».

По словам заместителя начальника политотдела дацинских нефтепромыслов Чэн Го-цэ, при строительстве этого предприятия было получено следующее указание ЦК КПК: «Генеральным курсом строительства горнодобывающего района является: сочетание промышленности и сельского хозяйства, сочетание города с деревней, благоприятное для производства, удобное для жизни; общежития рабочих и служащих, общежития для семейных следует рассредоточить, не нужно строить их в одном месте, не нужно строить больших городов, семьи должны быть хорошо организованы, мужчины должны работать в промышленности, женщины — в сельском хозяй-

стве, быть и рабочими и крестьянами, сочетать промышленность и сельское хозяйство; создавать орган власти (в тексте оригинала — правительство) горнодобывающего района, служащего под единым руководством партийного комитета горнодобывающего предприятия интересам предприятия» [цит. по: 29, 32].

Таким образом, Дацин относится к предприятиям, которые становятся образцом еще до своего фактического создания. Они «проектируются» как «образец», как воплощение определенных идей и установок.

Говоря о генезисе Дацина, В. Г. Гельбрас пишет: «Короче говоря, Дацин — это, по существу, и есть городская народная коммуна, попытка создания которой в массовом масштабе в 1958 г. завершилась провалом, низовая ячейка общества, с комплексным хозяйством, действующая в точном соответствии с курсом „опоры на собственные силы“, без помощи государства» [29, 32]. Кстати сказать, в ходе «культурной революции» Дацин стал официально именоваться «народной коммуной» [см. 48, 106].

Дацин как «образец» был задуман непосредственно после провала «большого скачка», наглядно показавшего, что детерминированная связь различных отраслей экономики и отдельных предприятий между собой, как в единых технологических линиях, так и многоканально — посредством межотраслевого баланса, неизбежно обуславливает возникновение производственных кризисов при «возмущении» какого-либо одного звена в технологической линии или нарушении межотраслевого баланса (между промышленностью и сельским хозяйством, между добывающей и перерабатывающей промышленностью и т. д.). Однако, вместо того чтобы привести свою экономическую политику в соответствие с объективными законами (т. е. не нарушать межотраслевого баланса, не форсировать чрезмерно развитие одной отрасли и связанных с ней предприятий и т. п.), маоисты предпочли искать пути, позволяющие, по их расчетам, обойти эти законы. Такую возможность они увидели в раздроблении взаимосвязанной хозяйственной системы на автаркические единицы, считая, что автономность предприятий, гарантирующая их от «внешних» воздействий, предпочтительнее специализации и кооперирования.

Анализ технико-экономической политики нынешних

китайских руководителей дает основания полагать, что оптимальными предприятиями в Китае считаются такие, которые не зависят от привозного сырья, комплексно используют материалы и оборудование, мало зависят или не зависят от поставок оборудования для своего расширения или реконструкции, а производят необходимое оборудование самостоятельно, выявляя собственные научно-технические потенции, где рабочие и члены их семей в максимально возможной степени производят необходимые им предметы широкого потребления и продукты питания.

Однако история мирового индустриального развития свидетельствует о преимуществе разделения труда, прошедшего на смену замкнутости средневекового натурального хозяйства.

В капиталистическом обществе это происходило путем стихийной эволюции в соответствии с экономическими законами. Наша страна показала пример осознанного, планируемого государством развития по пути разделения труда в масштабе всей страны.

Для определения объективного смысла проводимой маоистами политики хозяйственной автономизации попытаемся сначала на примере Дацина проанализировать сущность трех установок — «опоры на собственные силы», «комплексного использования» и «технического новаторства», т. е. именно того, чему страна «должна учиться» у этого «образца».

В любой промышленно развитой стране при создании не только новой отрасли, но и нового технологического процесса неизбежен путь через лабораторную установку к опытно-промышленной, а затем уже к промышленной. Для создания опытно-промышленной установки производятся необходимые научные исследования и эксперименты, количество и объем которых, естественно, невозможно заранее регламентировать. Установки собираются, разбираются и переделываются. Опытно-промышленная установка делается не только из стандартных деталей и выпускаемых промышленностью приборов, узлов и т. д., но и в довольно значительной степени из частей, изготавливаемых непосредственно на месте монтажа, в мастерских или ремонтно-механических цехах предприятия². Создание новых технологических процессов, не говоря уже о новых отраслях промышленности, требует кон-

центрации квалифицированной рабочей силы³ — рабочих, ИТР и научно-исследовательских кадров, больших капиталовложений и значительных затрат живого труда.

Неукоснительно следуя курсу «опираться на собственные силы», Дацин должен был бы все эти проблемы решать без помощи «со стороны». Однако мировой опыт строительства подобных нефтеперерабатывающих предприятий свидетельствует, что ряд видов оборудования, особенно контрольно-измерительные приборы и автоматику, на месте монтажа изготовить практически невозможно. Изготовление же технологически простых видов оборудования на месте практикуется в ряде стран.

Сложное нефтяное и нефтеперерабатывающее оборудование Дацина также делалось «на стороне» — на крупных машиностроительных заводах. Однако в Китае машиностроение для нефтедобычи и нефтепереработки относительно слабо развито. По существу, в стране до сих пор имеется лишь один крупный специализированный завод по производству оборудования для нефтяной промышленности (в Ланчжоу), построенный при технической помощи Советского Союза. С 1964 г. к производству оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности было привлечено еще 20 заводов тяжелого машиностроения.

В таких условиях было целесообразно (иногда даже необходимо) изготовить часть оборудования непосредственно на стройке. Дело в том, что при изготовлении оборудования не на специализированных предприятиях неизбежной становится его «доводка».

О том, какое значение для Дацина имела эта проблема, говорит уже то, что в апреле 1964 г. здесь было развернуто массовое движение «за доведение недоделок до уровня». Применявшиеся при этом методы работы наглядно обрисованы в следующем сообщении: «Бригада бурильщиков разобрала бурильную установку на 3—4 тысячи составных частей и выявляла не соответствующие стандартам, неплотно пригнанные, а также недостающие (!) детали. Таким образом за 20 с лишним дней было найдено большинство недостатков» [145]. Таким же образом большое количество деталей, узлов и установок доделывалось или делалось на стройке. Это привело к значительным затратам живого труда, к проверкам и перепроверкам работоспособности отдельных узлов и уста-

новок. Так, установка по уменьшению давления проверялась более 100 раз вместо обычных нескольких проверок [см. 145].

Для промышленности Китая характерно отсутствие единых стандартов. В этих условиях «доводка» оборудования превращается по сути дела в поиск новых решений, так как необходимо сочлениить разностандартное оборудование в единую технологическую линию.

Впрочем, предприятия, изготовлявшие оборудование для Дацина, трудно винить за некачественную работу. Для них эта продукция была более новой, чем для производителей-нефтяников. Нефтяникам же действительно приходилось опираться только на «собственные силы». Однако эти «силы» в данном случае включали и научно-исследовательский институт. Иными словами, «собственные силы» Дацина представляли собой, возможно, квинтэссенцию технических и научных кадров всей страны в области нефтедобычи, нефтепереработки и нефтехимии. В Дацине были собраны квалифицированные рабочие со всей страны (это также диктовалось требованиями технологии. На многих нефтехимических установках требуется квалификация работников не ниже среднетехнической). В сообщениях китайской прессы о Дацине подчеркивалось, что даже кадровые работники здесь не такие, как на других предприятиях страны; 70% из них уже к 1965 г. освоили технические специальности [см. 145].

Надо полагать, что доводка оборудования и послужила широким полем для технического новаторства, хотя, естественно, оно могло проявляться не только в этом.

Таким образом, «опора на собственные силы», «техническое новаторство» и «комплексное использование» в условиях Дацина, видимо, являлись неизбежным решением⁴. В самом деле, «комплексное использование» позволило наладить выпуск широкого ассортимента нефтепродуктов, в которых страна испытывает острую нужду. «Опора на собственные силы» и «техническое новаторство» позволили в кратчайшие сроки построить данное предприятие, не дожидаясь, пока отечественное машиностроение встанет на ноги.

Но из всего этого следует, что Дацин является не примером некоего «нового пути индустриализации», а ря-

довым, обычным случаем развития новой отрасли, новых технологических процессов в условиях недостаточно экономически развитой страны. Опыт его создания демонстрирует не успех автономизации, а результат концентрации материальных и финансовых средств страны, сосредоточения лучших и наиболее квалифицированных кадров.

Что же произойдет, если все предприятия страны попытаются последовать примеру Дацина? В этом случае логика подъема новых отраслей должна будет определять развитие промышленности в целом. Практически подобная ситуация является совершенно нереальной.

Опыт Китая уже доказал безрезультатность настоячивых попыток внедрить опыт Дацина во всей промышленности. Об этом наглядно свидетельствует эволюция движения «в промышленности учиться у Дацина». К началу «культурной революции» удалось создать 70 предприятий «типа Дацина» [29, 33], но в 1971 г. их насчитывалось всего 40. Можно предположить, что теперь в основном остались лишь предприятия, действительно составляющие исключение из общего правила и соответствующие тому частному случаю развития, примером которого является Дацин. Во всяком случае, согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам, некоторые подобные предприятия, например Тайюаньский химический завод, сталкивались с теми же проблемами, что и Дацин, и решали их подобным же образом [см. 146].

Итак, в лозунге «В промышленности учиться у Дацина» все соткано из противоречий. Современное промышленное предприятие на мировом уровне, которое призвано показывать преимущества автономизации (т. е. сосредоточения ресурсов по регионам), само построено путем концентрации ресурсов страны. Предприятия «типа Дацина», по замыслу маоистов, должны вырастать сами, используя имеющиеся экономические условия, но последние отнюдь не являются питательной почвой для творчества. Для самого Дацина был создан искусственный технологический «климат».

Сложность и противоречивость примера Дацина усугубляется тем, что технологические аспекты составляют только часть его, и, возможно, не самую главную. С точки зрения китайских руководителей, более значимой

составной частью «опыта Дацина» являются социальные моменты.

Однако, прежде чем перейти к исследованию социальных проблем Дацина, необходимо проанализировать занятость в основном его производстве.

АНАЛИЗ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ В ПРОЦЕССАХ ДОБЫЧИ И ПЕРЕРАБОТКИ НЕФТИ В ДАЦИНЕ

Как уже отмечалось выше, в Дацине в 1965—1967 гг. было пробурено 1000 скважин. Для выполнения такого объема работ необходимо 33—50 буровых бригад (при условии, что их количество было постоянным все эти пять лет). Называя эту цифру, мы исходим из того, что, как показывает мировой опыт нефтедобычи, годовая производительность одной бригады — четыре-шесть скважин (в зависимости от глубины залегания нефтяного пласта). Численность же одной буровой бригады в Дацине, судя по сообщениям китайской печати, составляет 33 человека⁵, что в общем соответствует численности буровых бригад в нашей стране (25 человек), так как упомянутая дацинская бригада кроме бурения выполняла и монтажные работы.

Примем состав последней за средний. В этом случае в Дацине должно быть 1100—1650 бурильщиков. Добавив штат бурового управления (в соотношении к производственникам 1:10), получим общее число буровиков Дацина — 1250—1800.

В Дацине к 1971 г. добывалось около 5 млн. т нефти в год [132, 2—3]. На месте перерабатывалось, как уже упоминалось, примерно 20% сырья, т. е. 1 млн. т. Число же рабочих мест на нефтеперерабатывающих и нефтехимических установках такой мощности и такого типа, как в Дацине, с учетом мощных ремонтных, строительных и тому подобных подразделений, не превышает 1000. Для сравнения приведем данные о заводе «Сибарефинери», принадлежащем «Марузен ойл К°». Как и Дацин, он был построен в 1960—1963 гг. и дважды (в 1965 г. и в 1968—1969 гг.) расширялся. Используемые на нем установки аналогичны дацинским. На этом предприятии при годовой мощности в 7,7 млн. т занят 771 рабочий [см. 102а]⁶.

Таким образом, получается, что число занятых на основном производстве в Дацине не должно превышать 3 тыс. человек (из них 600 ИТР, 1000—1500 — квалифицированных рабочих). Но все труженики в Дацине, как утверждает китайская пресса, участвуют также и в сельскохозяйственном труде. Предположим, что половину рабочего времени производственники работают на полях. В этом случае, учитывая непрерывность процессов добычи и переработки нефти, все приведенные выше цифры нужно удвоить. Если же все 100 тыс. дацинских рабочих принимают участие в основном производстве, тогда каждый из них отработывает там в среднем $\frac{1}{3}$ часть своего рабочего времени, или менее одной смены в месяц (см. табл. 7).

Таблица 7

Расчет численности занятых в нефтедобыче и нефтепереработке Дацина

Варианты расчета	Работающие			Доля рабочего времени, затрачиваемого на процессы добычи и переработки нефти*, %
	всего (без кадровых работников)	квалифицированные рабочие	ИТР	
I	3 000	1000—1500	600	100
II	6 000	2 000	1 200	50
III	100 000	40 000	20 000	3

* Из расчета восьмичасового рабочего дня.

Какой из этих вариантов более отвечает реальному положению дел?

Оптимальная численность штата в нефтедобыче и нефтепереработке Дацина вряд ли существенно отличается от соответствующих мировых норм, так как используемое там оборудование, по-видимому, как минимум, близко к мировым стандартам 60-х годов (оно поставлялось с Ланчжоуского завода нефтяного машиностроения, построенного с помощью Советского Союза, а также из Румынии и Италии).

Вместе с тем даже для кратковременного участия в основном производстве Дацина требуются рабочие вы-

сокой квалификации. Поэтому искусственно увеличивать число занятых в нем экономически нецелесообразно.

Соблюдение же официальных установок в условиях, когда все нефтяники и нефтепереработчики работают полный рабочий день, может быть достигнуто привлечением их к сельскохозяйственному труду в нерабочее, так сказать, время⁷.

Все эти доводы в пользу первого варианта.

Однако особые условия создания Дацина, о чем уже говорилось, позволяют говорить и о реальности второго варианта.

Третий вариант возможен только при буквальном выполнении установки на обязательное участие всех работающих в Дацине в основном производстве. Однако в этом случае, во-первых, обычные нормы занятости на нефтедобыче и нефтепереработке были бы превышены в 50—100 раз, во-вторых, к участию в сложных операциях и наблюдению за важными технологическими процессами пришлось бы допустить недостаточно квалифицированных работников, что неизбежно привело бы к возникновению серьезных производственных трудностей. Все это делает данное предположение весьма мало реальным. Тем более, что, вероятно, имеются возможности для одновременного выполнения политической установки руководства и ведения производственных процессов на современном оборудовании с соответствующим техническим персоналом. Информация о «стальных девушках-нефтяниках», приводимая ниже, свидетельствует именно об этом.

В качестве рабочей гипотезы примем число нефтяников и нефтепереработчиков в пределах первого и второго вариантов, т. е. 3—6 тыс. Тогда, в связи с тем что бурильщиков, по всей вероятности, не более 1100—1650 (вместе со всем обслуживающим персоналом — примерно 2 тыс. человек), на работников нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) должно приходиться соответственно 1—4 тыс. человек.

Косвенно в пользу последнего предположения свидетельствует опубликованная в сентябре 1966 г. агентством Синьхуа статья инженера дацинского НПЗ Ван Ина.

«Весной нынешнего года, когда расширялся первый цех нашего нефтеперегонного завода, — писал он, — мы столкнулись с рядом сложных технических проблем.

Объект этот крупный. Он касается самых разнообразных отраслей техники, которыми нужно овладеть в совершенстве. Рабочая площадь ограничена, а работа по проектированию и строительству должна быть окончена в «сжатый срок». Касаясь первой проблемы — пректирования, — автор сообщал: «При подготовке к этому сражению мы организовали 330 человек... — рабочих, технических и административных работников нашего нефтеперегонного завода», в результате чего необходимую работу удалось выполнить за два с лишним месяца. «За первой битвой по проектированию последовала вторая — по строительным работам». К участию в этой «битве» было привлечено более 600 человек из шести коллективов. Строительные работы заняли месяц. Затем последовала третья «битва» — опытный пуск и пробное производство. Пуск был осуществлен за пять дней. Одновременно был отрегулирован производственный процесс, проверено качество и выход бензина.

Проанализируем данное сообщение с целью определить размеры внутренних (скрытых) трудовых ресурсов НПЗ. Примем при этом как аксиому следующие положения: 1) в данном случае речь идет о буквальном выполнении «идеи» Мао Цзэ-дуна относительно концентрации всех сил и средств на решающих участках; 2) расширение цеха является мероприятием общезаводского масштаба («Мы никогда не занимались таким объектом», — отметил Ван Ин).

Итак, проектирование было осуществлено за счет «организации» 330 рабочих, технических и административных работников всего завода. (Не случайно в статье подчеркивается, что «объект касается самых разнообразных отраслей техники, которыми нужно овладеть в совершенстве».)

По-видимому, речь идет о создании временного объединенного «мозгового треста» НПЗ. Его основу, без сомнения, составляли инженеры. Привлеченные в «ударную группу» рабочие должны были создавать необходимые условия, члены администрации — осуществлять контроль за ходом работы. Рабочие и кадровые работники могли выполнять и другие функции: первые — привлекаться для работы по специальности с учетом опыта, накопленного во время основного строительства НПЗ, вторые — возможно, принимать непосредственное участие

В проектировании. Точно степень конкретного участия рабочих и представителей администрации в проектировании определить невозможно. Однако, учитывая, что некоторые кадровые работники должны иметь техническое образование в соответствии с занимаемыми должностями, а другие приобрели технические знания в процессе учебы в самом Дацине, не будет большой ошибкой предположить, что не менее 50% мобилизованных для проектирования имели специальное техническое образование. Следовательно, резервы НПЗ в ИТР составляют не менее 150 человек и, вероятно, не более 300.

Обратимся теперь ко второй «битве» — строительству, которое было осуществлено за счет сосредоточения 600 человек из шести коллективов. Следовательно, на каждый «коллектив» в среднем приходится по 100 человек. Решающий вопрос здесь — о каких производственных единицах идет речь?

Самый мелкий коллектив на НПЗ — бригада какой-либо установки. На аналогичных советских заводах численность такой бригады — 10—30 человек (с учетом трехсменной работы). Но, возможно, в Дацине эти производственные единицы много крупнее?

Подобное положение вряд ли может быть вызвано производственными причинами. Ведь, как уже отмечалось, особенности технологии нефтепереработки таковы, что простое увеличение количества рабочих лишь усложняет работу.

В то же время нельзя исключить возможность влияния непроизводственных факторов. Условно разделим их на два типа: политические и экономические. Раздувание штата бригад по политическим мотивам в данных условиях может пойти во вред производству. Квалифицируем такой вариант как маловероятный. По экономическим причинам увеличение числа работающих в бригадах иногда производят за счет учеников. Но потребность в учениках у уже работающего НПЗ невелика. Иное дело, конечно, когда речь идет о подготовке ведущим заводом отрасли кадров для родственных предприятий. Однако, если бы это имело место в Дацине, то данный факт наверняка нашел бы отражение в китайской печати. Из сообщений (в частности, агентства Синьхуа в июне 1971 г.) известно только об отправке Дацином «на сторону» строителей и квалифицированных буровиков.

Наконец, еще один факт свидетельствует, что число работников дацинского НПЗ лишь незначительно (во всяком случае, не многократно) превышает общепринятые нормы. В начале «культурной революции» на некоторых участках там был введен шестичасовой рабочий день [см. 130, 28—29]. Возможность сокращения рабочего дня с 8 до 6 часов на непрерывных процессах означает введение четырех смен вместо трех или наличие резервов рабочей силы не менее 25% от общего числа занятых. В обслуживающих производство цехах аналогичное мероприятие предполагает резервы рабочей силы в 25—35%⁸.

Итак, упомянутые в статье Ван Ина «коллективы» не могут быть бригадами какой-либо установки. Речь явно идет о более крупных производственных единицах: производственных или обслуживающих цехах. Но таких единиц на НПЗ немного. Таким образом, можно предположить, что в данном случае имела место мобилизация если не всех резервов рабочей силы НПЗ, то, вероятно, большей их части.

Наконец, из сообщения о том, что за пять дней был осуществлен пуск, отрегулирован производственный процесс, проверено качество и выход бензина, можно сделать вывод о повышении квалификации рабочих и ИТР завода, что, в свою очередь, свидетельствует о ненужности больших резервов рабочей силы для компенсации низкой квалификации.

На основании проделанного анализа можно определить резервы рабочей силы НПЗ в пределах 1 тыс. человек (330+600), а общее число работающих — основной состав плюс резервы — 2 тыс. человек.

Принимая последнюю цифру, мы, по существу, не учитываем такого фактора, как повышение квалификации дацинских рабочих. А этот рост, вероятно, значителен. Достаточно сравнить два факта. Для пуска цеха снижения давления (надо полагать, что речь идет об АВТ — атмосферно-вакуумной установке), как уже говорилось выше, проводилось более 100 опытов вместо нескольких проверок. При расширении же предприятия пуск и отладка процесса осуществлены, по сравнению с пуском АВТ, в рекордный срок — пять дней.

Таким образом, определяя численность коллектива НПЗ в 4 тыс. человек (в удвоенном варианте, учиты-

вающем участие рабочих в сельском хозяйстве), мы констатируем четырехкратное превышение работающих по отношению к рабочим местам. Возможно, такое положение было необходимо на начальном этапе. Однако по мере «становления» предприятия должно происходить некоторое уменьшение числа работающих (это подтверждает и китайская пресса).

ДАЦИН-ГОРОД, ДАЦИН-ДЕРЕВНЯ

В китайской печати неизменно отмечается (например, в одном из материалов агентства Синьхуа в июне 1971 г.), что Дацин — это «город-деревня», состоящий из «десятков рабоче-крестьянских поселков», вокруг которых располагаются более мелкие населенные пункты. Журнал «Хина-Анализен», ссылаясь на сведения журналистки А. Л. Стронг, сообщает, что в Дацине имеется три крупных жилых района с населением более 20 тыс. человек, пять — шесть малых, составленных 30 деревнями с населением в каждой около 6 тыс. человек, и более мелкие жилые районы, о численности населения которых не сообщается. Приведенные данные дают возможность предположить, что уже в 1966 г. в Дацине проживало более 240 тыс. человек. Тогда же число рабочих определялось в 70 тыс. — 100 тыс. Соотношение этих величин показывает, что на одного работающего приходится не менее двух иждивенцев.

Наиболее крупные отряды из 70 тыс. — 100 тыс., занятых в «основном производстве» в Дацине, составляют рабочие обслуживающих цехов и строители. Они выполняют те виды работ, где требуется более низкая квалификация и меньшее количество ИТР. Некоторые аналогичные советские предприятия в силу специфических условий, прежде всего удаленности от основных промышленных центров, также имеют большие обслуживающие цеха и мастерские. Однако в целом как нефтедобыча, так и нефтепереработка требуют высокого удельного веса квалифицированных рабочих, а ИТР в этих отраслях составляют не менее 20% всех работающих. В буровых бригадах доля работников, имеющих среднетехническое образование, также не менее 20%. Если механически перенести эти пропорции на Дацин, то получим такую картину.

Из 100 тыс., якобы трудящихся на основном производстве, 20 тыс. должны составлять лица с инженерно-технической подготовкой, а половину — квалифицированные рабочие. Однако на самом деле, как было показано в предыдущем разделе, непосредственно нефтедобычей и нефтепереработкой в Дацине занято всего несколько тысяч человек. Соответственно, только на них и могут быть перенесены указанные выше квалификационные пропорции.

Попытаемся проанализировать реальное положение с занятостью всех тружеников Дацина. В Дацине шесть месторождений нефти, а следовательно, шесть территориальных районов нефтедобычи, шесть островов вышек в степи. Еще один остров — нефтеперерабатывающий завод, находящийся вблизи мест нефтедобычи, но не на одной с ними территории⁹. Таким образом, в дацинском комплексе семь производственных областей.

Жилье в Дацине, согласно сообщению агентства Синьхуа (январь 1966 г.), расположено близко к месту работы, с тем чтобы туда можно было ходить, а не ездить на транспорте. Следовательно, жилые районы должны находиться около семи производственных «островов» или же сливаться с ними. Исходя из описания А. Л. Стронг [см. 130, 28], а также учитывая то обстоятельство, что НПЗ требует сосредоточения рабочей силы, а нефтепромыслы — рассредоточения, можно с достаточным основанием предположить, что 30 «деревень», по видимому, не случайно названных пятью-шестью «малыми» жилыми районами, соответствуют шести «островам» нефтедобычи. Здесь живут рабочие, обслуживающие нефтепромыслы. В трех же «крупных» жилых районах сосредоточены рабочие, обслуживающие НПЗ, а также административный и непромышленный аппарат управления Дацинской «народной коммуны», различные государственные службы, исследовательский центр, учебно-производственный комплекс и т. д.

Таким образом, можно констатировать существование Дацина-города и Дацина-деревни. В самом деле, концентрация производственных и транспортных рабочих, служащих, ИТР, научных работников, преподавателей и студентов в локально ограниченном пространстве свойственна городу. Тот факт, что в этом городе одна часть жителей работает в различных мастерских (по преиму-

шеству кустарных), другая — на полях, а третья — на близлежащих скважинах, не меняет существа дела. Естественно предположить, что районы города тяготеют соответственно к железнодорожной станции, к НПЗ и к административному комплексу¹⁰.

Судя по сообщению А. Л. Стронг, всего «горожан» в Дацине не менее 60 тыс. (в каждом из трех районов более 20 тыс. жителей) и, возможно, не более 100 тыс., если численность населения в «большом» районе не ниже, чем в «малом». В каждом же из последних, по данным А. Л. Стронг, живет 30 тыс.—36 тыс. человек (пять-шесть «деревень» с численностью жителей по 30 тыс. в каждой).

Попытаемся теперь дать приблизительную оценку наличия рабочих мест в Дацине-городе, имея в виду следующие обстоятельства. В Дацине в целом отношение числа «рабочих» к числу членов их семей составляет грубо 1 : 2. Причем 21 тыс. членов семей также работают. Данный факт позволяет предположить, что в работоспособном возрасте находится не более половины всех дацинцев. Известно далее, что в Дацин направлялась главным образом холостая молодежь, что там немного или почти совсем нет нетрудоспособных пожилых людей. Единственный массовый «завоз» жителей (около 100 тыс.) имел место в начале 60-х годов [см. 132, 2—3]. По-видимому, дальнейший рост населения Дацина происходил главным образом за счет рождаемости. Но в таком случае детей в нетрудоспособном возрасте там, по весьма грубой оценке, примерно столько же, сколько и взрослых, т. е. в трех районах городского типа 30 тыс.—50 тыс.

В этих районах имеются школы, детские сады, ясли. Если принять, что на 10—20 детей приходится один работающий в детском учреждении, то всего занятых в этой сфере должно быть 3 тыс.—5 тыс.

В Дацине есть поликлиники, больницы (кстати сказать, центральная больница, как сообщало агентство Синьхуа в январе 1966 г., занимает одно из двух каменных зданий этого города), транспорт, автобусные станции, большая железнодорожная станция, магазины, почтовые отделения и прочие службы, на которых всего занято не менее 4 тыс. человек.

Наконец, в трех городских районах живут около

4 тыс. рабочих нефтеперерабатывающего завода, студенты, преподаватели, научные сотрудники и служащие учебного и научно-исследовательского институтов. Только преподавателей, научных сотрудников и служащих институтов не менее 3 тыс.¹¹.

Таким образом, в целом, в Дацине-городе не менее 15 тыс. работающих на «чисто» городских рабочих местах. Однако всего работоспособных и работающих жителей там 30 тыс.—50 тыс. Следовательно, более половины трудоспособных жителей городских районов Дацина заняты в подсобных промыслах и на близлежащих полях.

Обратимся теперь к Дацину-деревне. Общее число жителей там, по-видимому, составляет не менее 200 тыс., из них 65 тыс.—70 тыс. работающих. Количество же рабочих мест на нефтепромыслах не превышает 1,5—2 тыс. (т. е. около 3% к числу работающих). Получается, что в дацинских «деревнях» занимаются преимущественно сельским трудом и кустарным производством. Но это именно то, что относится к сфере деятельности китайской деревни согласно установкам технико-экономической политики современного руководства КНР.

Итак, А. Л. Стронг пишет о 70 тыс.—100 тыс. дацинских рабочих и о 21 тыс. работающих членах их семей. В то же время нефтедобыче и нефтепереработке здесь требуется всего 3—6 тыс. производственников. В какой-то мере это противоречие объясняется, видимо, влиянием официальной установки на обязательное совмещение труда в основном производстве с работой в других сферах с целью добиться полного «самообеспечения».

В этом отношении определенный интерес представляет одна из передач пекинского радио в марте 1971 г., посвященная «стальным девушкам-нефтяникам», работающим в Дацине. Речь в ней шла о состоящей из 101 девушки бригаде, которая обслуживает либо одиночную скважину, либо, как это обычно принято, группу сравнительно близко расположенных скважин. В обоих случаях требуется всего лишь один рабочий в смену. Именно так, как явствует из рассматриваемого сообщения, и работают «стальные девушки». В основном же, по словам пекинского радио, они заняты не нефтедобычей, а строительством жилья и сельскохозяйственным трудом — работают на полях, имеют свинарник и овчар-

ню. Действительно, нетрудно заметить, что данная бригада тратит на нефтяное производство только 3% своего рабочего времени (в сутки только 3 девушки из 101 работают на «основном» производстве).

Обращает на себя внимание совпадение этого показателя с соответствующей цифрой в третьем варианте расчета в табл. 7 и с процентом рабочих мест в нефтедобыче по отношению ко всем работающим в Дацине-деревне.

Характер работы «стальных девушек-нефтяников» дает возможность считать, что участие подавляющего большинства дацинцев в основном производстве, если и имеет место, то является по сути дела номинальным.

Масштабы занятости в сельскохозяйственном производстве в Дацине, судя по всему, весьма значительны. Действительно, из 70 тыс.—100 тыс. рабочих там непосредственно в основном производстве и в Дацине-городе трудилось лишь около 21 тыс. человек. По-видимому, остальные 49—79 тыс. обеспечивали население продуктами питания и предметами первой необходимости. В этом случае соотношение между «городом» и «деревней» составит примерно 1 : 2 или 1 : 4¹².

Второй из этих вариантов близок к общему для Китая соотношению населения города и села — 15 и 85%. Иными словами, в таком случае уровень сельскохозяйственного производства в Дацине соответствует среднему в стране. При первом же варианте речь должна идти о том, что в дацинской «деревне» производительность труда вдвое выше среднекитайской. Какой же из этих вариантов ближе к истине? Для ответа на этот вопрос рассмотрим уровень механизации земледелия Дацина.

Согласно сообщению агентства Синьхуа (июнь 1971 г.), во входящем в состав Дацина «Чуанъечжуане» имеется 10 тракторов, два комбайна, один грузовик и другие сельскохозяйственные машины и орудия. Речь идет, судя по всему, о рабоче-крестьянском поселке («деревне»), входящем в один из «малых» районов Дацина. Как уже отмечалось выше, в таких поселках живет в среднем по 6 тыс. человек. По аналогии с Дацином в целом можно предположить, что работоспособных там — 2 тыс.—3 тыс. Из них 60—90 человек (3% рабочей силы) работают в нефтедобыче, остальные же (1940—2910 человек) — в сельском хозяйстве, мастерских, под-

собных промыслах, короче говоря, являются крестьянами. Определим теперь, исходя из этих данных, уровень механизации сельскохозяйственных работ в «Чуанъечжуане».

Если в «Чуанъечжуане» 2910 крестьян, то на каждую 1000 из них приходится 3,44 трактора, 0,7 комбайна и 0,3 грузовика, если же их 1940, то соответственно — 5,1 трактора, 1 комбайн, 0,5 грузовика.

Для сравнения полученного результата с имеющимися данными об уровне механизации сельского хозяйства КНР необходимо прежде всего перевести физические трактора «Чуанъечжуана» в условные 15-сильные. Известно, что в Китае в сельском хозяйстве применяются как мощные трактора: «Хунци» — 100 л. с., «Дунфан хун» — 75,54 и 28 л. с., «Фэншоу» — 35 л. с., так и «ручные» (7—12 л. с.). В сообщениях китайской печати в тех случаях, когда не указывается точно, о каких тракторах идет речь, имеются в виду обычно крупные трактора. Кроме того, следует учитывать, что «ручные» трактора находят себе применение главным образом на небольших полях Южного Китая и средней полосы. Природные же условия Хэйлунцзяна требуют использования в первую очередь мощных машин. Все эти соображения говорят в пользу того, что в рассматриваемом нами сообщении речь идет о крупных тракторах. Предположим все-таки (для страховки), что в их число входили и «ручные» трактора, и примем за среднюю мощность всех этих машин 54 л. с. В таком случае на 1000 крестьян «Чуанъечжуана» будет приходиться 18,6 или 27,5 условных тракторов.

Средняя численность работающих в одной сельскохозяйственной «коммуне» Китая составляет 3,3—4,1 тыс. человек (250—300 млн. крестьян: 70—75 тыс. «коммун»). В Хэйлунцзяне «коммуны» менее многочисленны, чем в Центральном и Южном Китае, поэтому примем для каждой из них численность работающих по нижнему пределу — 3,3 тыс. человек. К данным по этой провинции мы обратились исходя из того, что по уровню механизации сельского хозяйства она является в Китае передовой. Это дает нашему расчету определенный «запас прочности».

Известно, что в среднем каждая «коммуна» Хэйлунцзяна имеет 14,7 условного трактора, следовательно, на

1000 работающих — 4,4 трактора. Таким образом, в «Чуанъечжуане» на 1000 работающих приходится примерно в 4—6 раз больше тракторов, чем в среднем по провинции.

Не является ли уровень механизации «Чуанъечжуана» средним для Дацина? Скорее всего агентство Синьхуа сообщило о «передовом» рабоче-крестьянском хозяйстве. Но если даже средний уровень механизации сельского труда в Дацине вдвое ниже, чем в «Чуанъечжуане», то и тогда он будет в два раза превышать уровень механизации сельского хозяйства в пров. Хэйлуцзян.

Таким образом, ближе к истине оказывается предположение, согласно которому число крестьян в Дацине превышает число рабочих в два раза. Однако такое положение создалось лишь в последние годы. По сообщениям китайской печати, целина там поднималась почти вручную. Тогда соотношение рабочих и крестьян, возможно, и было 1 : 4, т. е. близким к среднему показателю по стране, где не надо было все начинать сначала, где поля распахиваются веками. Для подъема целины в Дацин была направлена необходимая, а может быть даже избыточная, рабочая сила. Проблему самообеспечения продуктами питания здесь удалось решить в основном к 1965 г. В 1966 г. в ответ на указание Мао Цзэ-дуна, как сообщало в сентябре того же года агентство Синьхуа, «большинство трудоспособных жен включилось в сельскохозяйственное производство», в результате чего производство продуктов возросло. (Заметим, что Япония в значительной мере кормится рисом, выращенным руками женщин, мужья которых трудятся на полях только в страду, а в остальное время работают в городах.) Вероятно, включение в сельскохозяйственное производство жен рабочих и служащих позволило направить значительную часть мужчин в мастерские (их рекламирование развернулось в стране немного позднее) и за счет продукции последних (рубериод, транзисторы и т. д.) получить дополнительные средства. Если механизация сельского хозяйства Дацина действительно происходила путем покупки машин на собственные средства, то деньги, пошедшие на это, могли быть получены только за счет продажи продукции мастерских на сторону¹³ [см. 130, 27].

Итак, в сельском хозяйстве в Дацине занято, вероят-

но, относительно меньше людей, чем в средней сельскохозяйственной «коммуне». Привлечение к работе в этой сфере работоспособных жен рабочих и служащих (если сельское хозяйство здесь действительно развивалось только путем «опоры на собственные силы») послужило фактором, позволившим перейти от самообеспечения к накоплению средств, к повышению уровня механизации сельского хозяйства и, возможно, кустарных мастерских путем перелива рабочей силы в более «доходные» кустарные предприятия. В целом эта цепная реакция позволила осуществить прорыв — выход из «среднего» китайского уровня.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И РАБОТЫ В ДАЦИНЕ

Известно, что рабочие, приехавшие в Дацин, вынуждены были сами строить себе жилье, помещения для мастерских и общественных учреждений. Основной вид построек там — глинобитные хижины. Однако, согласно информации западных журналистов, дома дацинцев газифицированы [см. 130, 27].

По сообщениям китайской прессы (например, агентства Синьхуа в июне 1971 г.), в дацинских «деревнях» созданы кустарные мастерские, обеспечивающие жителей предметами потребления. В уже упоминавшемся «Чуаньчжуане» построен ряд мастерских по переработке сельскохозяйственных продуктов (мукомольная, маслобойная, по производству бобового сыра, сои, уксуса) и учреждений сферы обслуживания и здравоохранения (поликлиника, детский сад, баня, школы, почтовое отделение, универсальный и продовольственный магазины). Кроме того, в поселке имеется тракторная станция и метеостанция.

Сравнение этого перечня с сообщением А. Л. Стронг [см. 130, 26] позволяет предположить, что существует в некотором роде разделение труда между различными дацинскими «деревнями». Так, в «Чуаньчжуане» отсутствует мастерская строительных материалов, а Стронг, говоря обо всем Дацине, упоминает производство рублина.

В материалах о Дацине, появлявшихся в западной буржуазной прессе, отмечался ряд положительных мо-

ментов: там «даже самое маленькое селение имеет детский сад, столовую и большой зал, используемый как театр и место для собраний»; «жилье практически не оплачивается, электричество, газ для отопления квартир и контор, вода и обслуживание — все за счет предприятия»; «пользование парикмахерскими, банями, кино и другими службами быта бесплатное»; «питание в общественных столовых... по-видимому, стоило для одного человека 7 юаней в месяц». Во многих сообщениях говорится о среднемесячной заработной плате в 120 юаней [130, 26], что вдвое больше обычной. Корреспонденту агентства Рейтер, побывавшему в Дацине в 1974 г., рассказывали, что буровики получают по 150 юаней в месяц.

Таким образом, иностранные корреспонденты, побывавшие в Дацине, рисуют достаточно радужную картину жизни рабочих, подчеркивая, что положение там в этом плане в целом значительно лучше, чем в среднем по Китаю.

Китайская пресса тех же лет придерживается противоположных позиций. Говоря о Дацине, она не только не приводит данных, которые могли бы показать, насколько условия там лучше, чем на каких-либо других предприятиях, но и упорно рисует картину суровой и трудной жизни.

Так, «Чжэцзян жибао» в январе 1966 г. (т. е. примерно в то же время, когда А. Л. Стронг побывала в Дацине) писала: «В течение последних нескольких лет руководящие кадровые работники Дацина неизменно придерживались стиля работы „в страданиях и скромно“. По сегодняшний день включительно на дацинских нефтеразработках не было построено ни одного общественно-го здания, зала, дворца и т. д. Возводились лишь необходимые помещения, например больница, исследовательский центр и др. Даже высшие руководящие учреждения Дацина — партком нефтеразработок и политотдел, а также общежития руководящих кадровых работников размещены в глинобитных хижинах. Работоспособные члены семей рабочих живут в рабоче-крестьянских поселках и принимают участие в сельскохозяйственных работах и побочных промыслах» [145].

Уже упоминавшийся выше бригадир бурильщиков Ван Цзинь-си подчеркивал, что он и его бригада работают «не ради денег» [144]. Согласно одному из сооб-

щений агентства Синьхуа (июнь 1971 г.), когда «железный» Ван прибыл в Дацин весной 1960 г., вокруг была только голая монгольская степь. «Степи были покрыты снегами. Не хватало оборудования. Даже ютиться было негде». Ван сам вырыл себе землянку (она сохранилась). Его бригада «упорно» работала: «они не отступили ни перед какими трудностями», «на своих плечах доставили буровую установку на площадку», «руками вырыли колодец в „тундре“». «Железный Ван жил прямо на бурильной площадке, по несколько суток он ни разу не отходил от своего рабочего места». В том же сообщении подчеркивается, что все дома в «Чуанъечжуане» строили зимой, при больших морозах.

Не рассматривая сейчас причин, по которым китайская печать делает упор на трудностях и героике, отметим, что, говоря о первых, в Китае если и преувеличивают, то не в такой большой степени, как это может показаться при сравнении с упомянутыми выше материалами западной прессы. Просто из имеющихся фактов выбираются те, которые отвечают определенной политической установке. Но зарубежные журналисты также пишут о вполне реальных вещах. Даже если речь идет о своего рода «потемкинских деревнях», созданных специально для демонстрации иностранцам, то и в этом случае остается фактом, что подобные «образцы» существуют на самом деле. Таким образом, неизбежен вывод, что часть китайских и зарубежных сообщений о Дацине отражают действительность. В чем-то положение дацинцев лучше, чем у других рабочих Китая, а в чем-то и хуже (так, они вынуждены преодолевать трудности, которые не возникают перед рабочими «среднего» китайского предприятия). Это как бы две стороны одной медали — жизни Дацина.

Подобная двусторонность весьма наглядно выступает при интерпретации и оценке некоторых из упомянутых выше фактов. Одним из них является сообщение, что в Дацине рабочие получают заработную плату в два раза выше по сравнению со средней в Китае. Естественно предположить, что подобной льготой пользуются рабочие основного производства. Но таких рабочих, возможно, менее 6 тыс. из 100 тыс. тружеников Дацина. Получают ли двойную заработную плату остальные, официально называемые рабочими, но выполняющие функции обслу-

живающего персонала, работающие на полях и в кустарных мастерских? Сомнительно. Китайская пресса подчеркивает, что неосновные производственные работы выполняются преимущественно «членами семей рабочих». Уже это позволяет предположить, что далеко не все 100 тыс. работающих дацинцев получают двойную зарплату. Однако определить, пусть даже примерно, численность тех, на кого распространена данная льгота, не представляется возможным.

Аналогичным образом следует рассматривать сообщение, согласно которому занятые обслуживанием буровых установок получали дополнительную «надбавку за удаленность» (служащие — 15%, рабочие — 35%) [130, 26]. Однако проделанный выше анализ численности отдельных категорий трудящихся в Дацине позволяет предположить, что такую надбавку получали, возможно, только 2% из них¹⁴.

О «двух сторонах медали» приходится помнить и при рассмотрении условий работы в Дацине, тем более что в данном случае имеются только материалы официальной китайской прессы.

Характерной для этих материалов является следующая выдержка из посвященной Дацину статьи, опубликованной в «Чжэцзян жибао»: «Перед тем как вошла в строй первая в Китае установка для уменьшения давления, рабочие Дацинского нефтеперерабатывающего завода (цех установок по уменьшению давления) провели более 100 опытов... Какой-то рабочий — оператор по уменьшению давления — для того чтобы разобраться в механизме устройства пода и нижней части башни для уменьшения давления, 22 раза снимал ватную одежду и, невзирая на холод, вползал в башню через маленькие отверстия у ее основания. Он не обращал внимания на разорванные штаны, стертые башмаки и носки, кровь на руках. До сих пор встречаются рабочие, которые с закрытыми глазами могут взобраться из кабины управления прямо на верхушку башни высотой более 40 м. Чтобы проверить все необходимые 197 точек на башне, им приходится подниматься туда и обратно по 30 лестницам и сделать 85 поворотов» [145].

Все это описание весьма наглядно и убедительно свидетельствует, что преодоление производственных трудностей требует от дацинцев больших усилий, а зачастую

и самоотверженности. В результате колоссальное количество труда тратится там, где в более развитых странах (или когда стройка идет с помощью этих стран) затраты труда незначительные.

С большой долей вероятности, учитывая обстоятельства технологического характера, о которых говорилось выше, можно сказать, что приведенные «Чжэцзян жибао» примеры типичны для трудовых будней Дацина. Не менее, а может быть и более сложные задачи стояли перед покорителями дацинской целины. И ныне условия жизни трудящихся Дацина остаются весьма сложными. В этой связи нельзя не коснуться вопроса о том, что представляет собой город-деревня Дацин с точки зрения жизни в нем.

Построить идеальный город-деревню мечтали и мечтают многие выдающиеся архитекторы и ученые мира. Поиск связи человеческого жилья с природой характерен и для социалистов-утопистов, и для архитекторов от Леонардо да Винчи до Ле Корбюзье и И. Фридмана. Но Дацин не выдерживает сравнения ни с одним из их проектов. На его примере можно представить, как в глазах маоистов должен выглядеть идеальный аграризированный город. Хотя Дацин и называют в Китае «золотым мостом к коммунизму», во всем, что касается жизни народа, «излишеств» не наблюдается. Жилища дацинцев — длинные дома. Каждый дом разбит внутри на ряд равных изолированных ячеек — квартир для отдельных семей. В Дацине нет ни дворцов культуры, ни спортивных залов, ни кинотеатров, есть только «необходимые здания» [145]. Но город, в котором имеется только столь «необходимое», не может служить примером города будущего.

Китайская печать подчеркивает, что жилища дацинцев не отличаются от домов в окрестных деревнях, а образ жизни — от крестьянского. Иными словами, в социальном и культурном отношении многие горожане, прибывшие в Дацин, фактически превращены в крестьян. В результате этого новое поколение, выросшее в Дацине, получит меньшую по сравнению с предыдущим «долю городской культуры», что можно расценивать лишь как регресс культурный и социальный, шаг назад в интеллектуальном развитии. Но самое главное заключается в том, что окрестняниваемый пролетариат не может не

быть отброшен назад в своем развитии в политическом отношении.

В свое время Энгельс отметил, что процесс превращения рабочего в крестьянина и мастерового иногда бывает быстрым и простым. В своих путевых заметках «Из Парижа в Берн» он записал: «Парижские рабочие... вследствие своей изолированной жизни в маленькой деревушке, совершенно деморализованы. У них не замечалось и следа внимания к интересам своего класса, к злободневным политическим вопросам, так близко затрагивающим рабочих. Они, по-видимому, даже перестали читать газеты... Напряженная работа, сравнительно недурные условия жизни, а главным образом оторванность от Парижа и вынужденное пребывание в замкнутом тихом уголке Франции необычайно сузили их кругозор. Они уже были близки к тому, чтобы окрестьяниться, а между тем они прожили там всего два месяца» [6, 506].

В Дацине такая возможность окрестьяниться даже для квалифицированных рабочих вполне реальна. В этом направлении действуют и многие другие факторы: отсутствие территориальной мобильности рабочего класса и населения страны, развитие особого «сословного» чувства у тружеников всекитайского «образца», откровенная лень руководства, ежедневная психологическая обработка и многое другое.

Пример Дацина показывает, как политические установки современного руководства в Китае последовательно влияют на экономику, социальное положение, культуру и т. д., чтобы в конечном итоге привести к желаемому политическому результату. Необходимым звеном в этой цепи является аграризация городов, проводимая, несмотря на очевидную ее экономическую нецелесообразность и, напротив, острую необходимость механизации и урбанизации деревни.

Совершенно очевидно, что в Дацине не найдены ни новый «путь» индустриализации, ни новый путь социального развития. Если бы результатом этого эксперимента явилось резкое увеличение производительности труда по сравнению со средним китайским уровнем, при условии что первоначальные затраты оказались бы незначительными, то можно было бы признать, что китайский вариант пути «назад в деревню» по крайней мере экономически оправдан. Но это не так. В Дацине сконцентрированы

лучшая рабочая сила и техника страны¹⁵. Вероятно, только в будущем появится возможность подсчитать, в какую «копеечку» обошелся китайскому народу «образец» «опоры на собственные силы», «золотой мост к коммунизму».

Несостоятельность примера Дацина, а вместе с тем и всех основных принципов «китайского пути» индустриализации вынуждено косвенно признать даже нынешнее руководство КНР. Не случайно в тезисах-инструкциях «чему и как учиться у Дацина», опубликованных в разных провинциях в 1970—1972 гг., отсутствует основополагающее положение о «сочетании промышленности и сельского хозяйства, города и деревни». Воспользуемся одним из вариантов этих тезисов, напечатанным в «Нэймэнгу жибао» в апреле 1972 г. В данном документе четыре пункта: 1) необходимо перевоспитывать кадры, совершившие ошибки, и создавать условия для ИТР, чтобы последние могли полностью развивать все свои способности; 2) не бояться трудностей, экономно и бережно вести хозяйство, «развивать дух бедняка» (этот тезис развивался как трактовка установки «опираться на собственные силы»); 3) усилить управление производством, соблюдать режим экономии (этот тезис развивался как трактовка установки на развитие «массовых движений»); 4) усилить руководство партии — повышать производственную квалификацию, учиться у «железного человека» Ван Цзинь-си [см. 143].

Казалось бы, теперь в Китае просто стать предприятием «дацинского типа» — число требований резко сокращено и упрощено, носят они не конкретный, а общий характер. Однако таких предприятий по-прежнему мало — не больше трех на провинцию. Дело в том, что в каждый конкретный момент пропагандируются не все, а лишь определенные стороны «опыта Дацина» — те, которые соответствуют той или иной кампании (или кампаниям), проводимой в это время в масштабах страны. Иными словами, как сам Дацин, так и пропаганда «опыта Дацина» являются примером прагматического подхода к решению социальных, экономических и политических проблем. Но эта прагматика не затрагивает существа основных концепций маоизма. В плане выяснения существа последних Дацин можно рассматривать как лакмусовую бумажку. Ведь одна из главных особен-

ностей «опыта Дацина» состоит в том, что он является итогом воплощения в жизнь социальной доктрины — «коммунизма» по-маоистски.

О «КОММУНИЗМЕ» ПО-МАОИСТСКИ

Прогнозировать близкое будущее Китая крайне трудно, ибо ход развития этой страны в наши дни определяется двумя противоположными факторами — политической современной руководства и действием объективных исторических и экономических законов. Но этим не исчерпывается сложность положения исследователя судеб Китая.

С одной стороны, реальная действительность и концептуальные установки маоистов естественно или искусственно взаимосвязаны, с другой — находятся в непрерывном движении. Прагматичность политики нынешнего китайского руководства в наши дни общепризнанна. В каждый определенный момент времени можно зафиксировать отступление либо от буквы, либо от духа той или иной его установки.

Это свидетельствует прежде всего о том, что маоистские «идеи» неосуществимы в чистом виде. Но в компромиссном варианте они пока остаются фактором китайской действительности. Ярким примером тому является Дацин. Его можно считать фокусом, в котором сконцентрировались маоистские идеалы будущего общества и реальные противоречия в современном китайском обществе.

В Дацине предпринята попытка воссоздать обстановку сурового периода борьбы в освобожденных районах¹⁶, — уравнительность в потреблении, автаркия в хозяйстве, всеобщее участие в производительном труде, низкий жизненный уровень, обусловленный ведением войны и натурального хозяйства, всеобщий массовый духовный подъем и энтузиазм в борьбе за независимость, за лучшее будущее страны. Однако то, что было естественным в специфических условиях Яньани, не может служить прототипом будущего, искусственное же внедрение в жизнь идеалов прошлого серьезно затрудняет социальное и духовное развитие китайского общества.

Предлагаемый маоизмом идеал (воплощением кото-

рого призван быть Дацин) — равенство в бедности, постоянный тяжелый труд, превращение человека в «винтик» огромной социально-политической машины, почти полное лишение его возможности пользоваться достижениями современной цивилизации и культуры — не может вызвать массового энтузиазма. Отсюда — необходимость в создании для проведения этого идеала в жизнь жесткой общественной системы, исключаящей какие-либо отклонения от предписанных форм жизнедеятельности. Именно по такому пути и пошли маоисты.

В результате их «золотой мост к коммунизму» получился во многих отношениях похожим на печально известные аракчеевские военные поселения. Конечно, было бы нелепым проводить прямую аналогию между этими двумя достаточно специфическими явлениями или пытаться выяснить, что знает Мао Цзэ-дун об эксперименте любимца Александра I. Однако сама возможность такого сравнения является свидетельством реакционности маоистской социальной утопии.

В России военные поселения, по идее их организатора, позволяли создать мощный резерв для армии без дополнительных ассигнований казны. В дальнейшем мыслилось всю армию перевести на такое же положение, т. е. полностью избавить государство от расходов на ее обеспечение. Иными словами, в основе и аракчеевского замысла, и идеи создания Дацина лежит один и тот же принцип «опоры на собственные силы». В одном случае — нельзя увеличивать расходы казны, в другом — «ходить к государству с протянутой рукой».

Главная стратегическая цель создания и военных поселений, и Дацина состоит в усилении военного потенциала страны. В одном случае это достигалось потенциальным увеличением численности армии в порядке подготовки к грядущим войнам. В другом — хорошо просматривается намерение увеличить мощь военно-промышленного комплекса, дав ему современное горючее и необходимые продукты нефтехимии. Подготовкой же к «неизбежной» войне¹⁷ в Китае охвачено все население (через создание запасов продовольствия, рытье убежищ, участие в «народном ополчении» и т. п.).

Граф Аракчеев, верный слуга царского самодержавия, и «великий кормчий» Мао Цзэ-дун, строя и осуществляя свои планы, каждый по-своему думал о «ве-

личии и могуществе» своего государства. При всей разнице между этими людьми и их представлениями для обоих военная мощь — неотъемлемая черта такого «величия». Только Аракчеев был менее последователен; для него военные поселения — лишь часть империи, для Мао Цзэ-дуна же Дацин — будущее всей страны, а в некоторых моментах — и настоящее.

Касаясь таких «частностей», вновь приходится констатировать большое сходство с военными поселениями. Так, характерное для последних соединение производственного труда и военной подготовки в наши дни распространено в Китае повсеместно. В соответствии с указанием Мао Цзэ-дуна в «коммунах» должны быть соединены *гун, нун, шан, сюэ* и *бин*, т. е. промышленность, сельское хозяйство, товарообмен, культура и образование, а также народное ополчение [см. 127, 1958, № 4, 12]. Выполняя эту установку, «каждая большая производственная бригада, насчитывающая в среднем 1500 человек, формировала батальон численностью приблизительно 400 человек. В целом ополченцы „коммуны“ составляли полк численностью свыше 8 тыс. человек» [36а, 90]. В уже упоминавшейся выше «коммуне» «Гуанли», например, в «народном ополчении» состоит «приблизительно 10 тыс. человек — почти четвертая часть населения и основное его ядро, которое практически мобилизовано» [108, 58]. Аналогичное положение и в городах. Так, «в центре Гуанчжоу армия устраивает учения с пулеметами и народное ополчение в гражданской одежде, манипулируя винтовками с примкнутыми штыками, готовится к войне» [104, 18.III.1974, 112].

Много сходства между аракчеевскими поселениями и Дацином и в организационном плане. Характерно, что первые даже внешне — по расположению — напоминают рабоче-крестьянские поселки Дацина. Это естественно, так как поставлена одна и та же задача: иметь в каждом населенном пункте все необходимое для жизни.

Даже царские профессора не могли писать без возмущения об условиях жизни в аракчеевских поселениях: «Мелочная регламентация всех подробностей обыденной жизни военных поселян оставляла их под вечным страхом ответственности; система фронтового обучения была основана на побоях и телесных наказаниях... Военные поселяне работали без устали, оставаясь целыми днями

под надзором начальства; дети поселян также зависели более от начальства, чем от родителей... Все земледельческие работы производились по приказам, а многие из начальников оказывались несведущими в сельском хозяйстве. Неудивительно, что среди военных поселян с каждым годом усиливалось «глухое недовольство» [53а, 99—100].

Но почти все это можно сказать и о жизни в современном Китае. Так, для него также характерна «мелочная регламентация» всех сторон жизни. Даже симпатизирующие маоизму иностранные визитеры не могут не отметить того, что «современная китайская «коммуна» «представляет из себя курьезную (? — Э. К.) смесь из естественного и военизированного» [109, 16]. И труд, и отдых там военизированы. На сельскохозяйственные работы выходят строем, трудятся поротно. Когда наступает обеденный перерыв, на деревню «внезапно обрушивается военная музыка... Из громкоговорителей в каждом доме и общественном здании передается правительственная версия новостей» [там же]. «В течение полутора часов, пока семья Чэней обедала и отдыхала, она жила с этой музыкой и голосом, читающим новости и пропаганду» [108, 51]. Специально созданные из кадровых работников и «представителей бедняков» комиссии в деревнях Южного Китая следят за количеством потребляемого крестьянами риса. Члены этих комиссий разрабатывают и навязывают семьям членов «коммун» такие рационы питания, в которых преобладают овощи, и постоянно контролируют соблюдение своих «рекомендаций». Делается это во имя создания запасов зерна «на случай войны и стихийных бедствий» [см., например, 142, 7.X.1972].

Нынешнее китайское руководство стремится к тому, чтобы все трудились «без усталости». В страду крестьяне от мала до велика работают от зари до зари. Заводские рабочие не знают, что такое ежегодный оплачиваемый отпуск. В Китае сегодня, так же как и в аракчеевских военных поселениях, все зависит от начальства: жизненный путь, материальное благополучие, целостность семьи. Муж, жена и дети могут быть высланы в разные районы страны. Выпускников школ в массовых масштабах отправляют в деревню. Правда, в Китае не выдают дочерей замуж «по назначению» начальства. Но действует

весьма радикальная регламентация: вступать в брак разрешается мужчинам в 28 лет, женщинам — в 25 лет.

В подобных условиях обыденной жизни в аракчеевских поселениях «глухое недовольство» постепенно переросло в волнения и прямые восстания. Через 47 лет после начала эксперимента военные поселения, оказавшиеся к тому же экономически нерентабельными, были упразднены. В Китае недовольство, похоже, принимает форму пассивного сопротивления. По наблюдениям иностранных корреспондентов, в последнее время «не видно, чтобы кто-нибудь перенапрягался: на заводах машины стоят в бездействии, рабочие переговариваются и устраивают перерывы для чаепития, сменная работа не мешает бурными аплодисментами и многочисленными рукопожатиями приветствовать иностранца. Трудовой ритм на селе тоже не знает спешки. Вообще в Китае никто не торопится и не бежит» [104, 25.III.1974, 113].

Положение в Дацине во многом остается неизвестным. Сам он практически до сих пор — «терра инкогнита». Иностранцев, кроме личных друзей Мао Цзэ-дуна (таких, как А. Л. Стронг), долгие годы туда вообще не допускали. Лишь в 1973—1974 гг. Дацин, наконец, посетили несколько зарубежных журналистов. Один из них, корреспондент агентства Рейтер. Дж. Шарп, отметил, что перед Дацином наряду с технико-экономическими (транспортировка нефти по трубопроводам) стоят и серьезные социально-политические проблемы. В частности, он писал: «Просто нельзя было предположить что преступления вообще имеют место на таком образцовом промышленном предприятии, как Дацинские нефтепромыслы». И тем не менее, по словам одного из дацинских инженеров, положение именно таково: «В окважины бросают камни, перерезают провода, портят оборудование». Характер подобных «преступлений» весьма показателен.

Неизвестно, насколько широк их масштаб, но уже один тот факт, что о них начали говорить, свидетельствует о многом. Ясно, что по своей сути такие поступки являются в условиях Китая четко выраженными политическими выступлениями. Политические волнения в Дацине уже имели место во время «культурной революции» [см. 130, 28—29]. Ныне, как мы видим, они продолжают-ся, приняв другую форму. Все это заставляет предполо-

жить, что в неизменном виде и сам Дацин, и движение «учиться у Дацина» существовать не могут.

Таким образом, можно констатировать, что Дацин как воплощение социальной доктрины реакционен и не находит отклика у китайского народа. «Дацинизация» всей страны нереальна. Однако Дацин существует реально и развивается по своей внутренней логике. На наш взгляд, представляет интерес рассмотреть, куда ведет эта логика сам Дацин и китайское общество в целом, вернее, куда могла бы привести.

Дацин — не застывший социальный гомеостазис, хотя именно таким хочет видеть воплощение своих «идей» о будущем обществе нынешнее китайское руководство. Дацин развивается, с одной стороны, в силу генетически заложенной в нем основы, с другой — в определенных рамках официальных установок. Влияние окружающей среды — всей материально-технической базы страны и всего китайского общества — для простоты рассмотрения в данном случае можно не учитывать, поскольку Дацин — искусственно возвращенный в реторте гомункулус Мао Цзэ-дуна и его группировки. Серией специальных мероприятий нынешнее руководство КНР ограничивает и будет ограничивать влияние на Дацин окружающей среды, дабы сохранить заложенные при его создании основы. При этом при необходимости прагматически приносятся в жертву те или иные частные моменты. Это наблюдается уже сейчас. В то время как сам Дацин остается, в основном, неизменным, движение «учиться у Дацина», как было показано, претерпевает изменения. Как же может развиваться дальше сам Дацин, оставаясь, в основном, неизменным?

Технико-экономическая политика нынешнего руководства страны требует от отдельных районов Китая самообеспечения. Эта линия может сохраниться вплоть до создания единого общегосударственного рынка. В Дацине самообеспечение продуктами питания и предметами первой необходимости достигнуто. Что дальше? Для социального гомеостазиса достаточны и необходимы неизменность потребностей и неизменность объема производства на душу населения. Но если расширения производства в Дацине не будет, то он рискует перестать быть «образцом», не говоря уже о том, что раз начатый процесс развития при наличии благоприятных условий уже

не может остановиться. Следовательно, для того чтобы были использованы возможности, заложенные в дацинском социально-экономическом эксперименте, для того чтобы Дацин продолжал оставаться «образцом», необходимо расширенное воспроизводство «неосновного» производства.

Это даст возможность либо удовлетворять растущие потребности самих дацинцев, либо продавать продукцию «на сторону». Однако если потребности дацинцев будут бурно расти, то ему недолго стать образцом заклеяменного маоистами «ревизионистского пути развития». Следовательно, такой путь неприемлем для нынешнего руководства КНР. Остается другой — рост производства без соответствующего расширения на его базе потребления. Такой «путь» вполне соответствует идеологическим установкам маоизма.

Таким образом, в Дацине неизбежен переход от самообеспечения к производству товаров для продажи «на сторону», при сдерживании роста внутреннего потребления. Однако уже сейчас жизненный уровень дацинцев выше, чем у окрестных крестьян (по крайней мере в плане жилищных условий — газ, электричество, системы услуг и одного из главных элементов расширенного воспроизводства рабочей силы — общего и специального образования).

Теперь рассмотрим производственную и экономическую стороны развития несовременных форм промышленности в Дацине. Развитие это может идти двумя путями — экстенсивным и интенсивным. По-видимому, для «образца», которым является Дацин, приемлем второй путь, ибо установка нынешнего руководства на сей счет гласит: «От мелких местных к мелким современным [предприятиям]». Иными словами, органическое строение капитала предприятий несовременных форм промышленности в Дацине должно повышаться, а технология постепенно изменяться от ремесла и мануфактуры к фабрично-заводскому производству. При этом издержки производства на единицу продукции должны падать. Однако цены на готовую продукцию в Китае, согласно государственным узаконениям, остаются неизменными в течение длительного времени.

Неизменные единые цены в условиях одновременного существования несовременных и современных форм про-

мышленности, производящих идентичную продукцию, способствуют концентрации прибылей и сверхприбылей в тех секторах экономики, где производственные издержки на единицу продукции ниже. Происходит известное перераспределение доходов в пользу передовых отраслей и современной промышленности в целом. Когда такое явление наблюдается в масштабах государства, то оно служит одним из рычагов воздействия государства на развитие экономики. Иная ситуация возникает при подключении к такому распределению частных организаций или хозяйственных комплексов локального масштаба. Здесь приходится говорить о возможности эксплуатации менее развитых регионов. И это в полной мере будет применимо и к Дацину, извлекающему сверхприбыль благодаря единой системе цен и аккумулирующему доходы для собственного развития.

Как может поступить руководство КНР в такой ситуации? Оно может изменить цены или ввести налоги на прибыль. В первом случае будет подорван главный стимул, побуждающий ныне китайские регионы к развитию несовременных форм промышленности,— снижение цен сделает производство на мелких предприятиях нерентабельным. Во втором случае будет в известной мере подорвано стремление к преобразованиям мелких предприятий из «примитивных» в «современные». Таким образом, оба эти гипотетические пути противоречат установкам нынешнего руководства КНР: с одной стороны, на развертывание массового строительства мелких предприятий, с другой — на их модернизацию. По-видимому, данные установки не будут сняты. Но в таком случае Дацин, получая все большую «сверхприбыль», будет иметь возможность выделять все более крупные средства для развития «неосновного» производства. Эти возможности будут несравнимо большими, чем в других регионах. Следовательно, Дацин будет укрепляться в своем положении недостижимого, «вечного» «образца».

В связи с этим неизбежно наступит момент, когда Дацин самостоятельно уже не сможет обеспечивать сырьем свое «неосновное» производство. Его «мелкие местные» предприятия, превратившись в «мелкие и средние современные», будут искать сырье на стороне. Тогда более отсталые экономически соседи Дацина станут его естественным сырьевым придатком. Забирая из других

регионов сырье, Дацин будет поставлять им конечную продукцию. Но такое положение равнозначно крушению авторитарных и эгалитаристских установок нынешнего руководства Китая.

В связи с развитием Дацина все более актуальными становятся социальные проблемы. Останется ли Дацин закрытой социальной системой, как все китайские регионы? Известно, что из Дацина время от времени направляются «на сторону» некоторые контингенты рабочей силы. До сих пор это были главным образом строители и буровики. В Дацине последние, как уже упоминалось, получали вдвое большую заработную плату, чем в среднем по стране. Согласно же существующей в КНР системе, прежние заработки обычно сохраняются при переброске рабочих на новое место работы. Будут ли выезжать на постоянное жительство в другие места рабочие «неосновного» производства и с каким статусом?

В принципе переезд на постоянную работу с целью подъема несовременных форм промышленности противоречит курсу «опоры на собственные силы». До сих пор в этой связи дацинцы лишь принимали у себя делегатов из других районов Китая.

Вероятно, в течение обозримого будущего Дацин будет продолжать оставаться закрытым и для свободного въезда с целью постоянного жительства. Изменение этого положения означало бы нарушение одного из важнейших положений проводимой ныне в КНР социальной политики. Кроме того, переселение в Дацин, влекущий в первую очередь крестьян своими особыми условиями, большого числа новых жителей породило бы столько сложных проблем, что под их тяжестью неминуемо рухнет весь любовно созданный «золотой мост к коммунизму».

Следовательно, по всей вероятности, Дацин и далее останется замкнутой социальной единицей.

В социальном отношении замкнутая часть общества, члены которой пользуются рядом привилегий в условиях, образе жизни и образовании лишь в силу своего происхождения, является сословием. Мы не можем утверждать, что целью современного руководства КНР является формирование сословий. Но логика развития Дацина, обусловленная установками современного руководства КНР, ведет именно к такому социальному результату.

Таким образом, Дацин — это итог реакционной социальной доктрины, а «дацинизация» страны, если бы она осуществилась, явилась бы не путем к коммунизму, а путем от коммунизма, путем создания экономически не-одинаково развитых территорий, разобщения рабочего класса, замораживания его жизненного уровня, снижения политической активности. Это путь затормаживания развития самого исторически передового класса китайского общества — рабочего класса. В то же время — и это самое главное для нынешнего китайского руководства — «дацинизация» страны служит средством наиболее быстрого и «экономичного» создания «могучего Китая». Поэтому, хотя «дацинизация» страны вряд ли осуществима, элементы «духа» и «опыта» Дацина будут находить свое отражение во многих сторонах китайской действительности до тех пор, пока нынешнее руководство Китая будет оставаться у власти, а последствия попыток «дацинизации» будут сказываться и после того, как оно уйдет со сцены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция 1949 г. в Китае открыла путь для строительства социализма в этой стране. Однако нынешнее руководство КНР, формально провозгласив Китай социалистической страной, строит общество, которое фактически является не социалистическим и лишь маскируется под таковое. Экономическая, социальная и политическая ситуация в Китае и через четверть века продолжает оставаться сложной.

Руководство КНР с начала 60-х годов встало на путь гегемонизма и великодержавного шовинизма. В его внутренней политике четко прослеживается курс на наращивание военно-экономической мощи, для него характерны непрерывная, массовая и всеобъемлющая милитаристская и антисоветская пропаганда и в то же время пренебрежение насущными интересами китайского народа. Так, согласно докладу Чжоу Энь-лая на сессии Всекитайского собрания народных представителей КНР IV созыва 13 января 1975 г., за 25 лет народной власти китайский народ лишь «в основном обеспечен в питании и одежде», тогда как только за последние 10 лет в Китае «собственными силами» было построено 1100 крупных и средних объектов, успешно произведены испытания водородных бомб и запуски искусственных спутников земли [142, 21.I.1975].

Для Китая на сегодняшний день характерна техническая многоукладность и опосредствованно связанная с ней социальная дифференциация общества на группы, резко отличающиеся между собой в материальном обеспечении и общем уровне развития. Для отдельных групп населения свойственны существенная неоднородность культурного и культурно-технического уровней. Разные группы связаны с исторически разными ступенями развития производства, играют различную роль в общест-

венном разделении труда, отличаются по способам и размерам образования доходов и т. д.

Такая ситуация не является чем-то случайным и временным, она является прямым следствием внутренней и внешней политики китайского руководства, проводимой в течение последних 15—18 лет. Техничко-экономическая политика нынешнего руководства КНР не способствует сглаживанию социальных барьеров, росту культурного и культурно-технического уровня, наоборот, она препятствует социальному прогрессу и сдерживает экономический и технический прогресс. Главной целью этой политики является создание «могучего Китая». Вначале эта установка подразумевала создание «процветающего и могучего» государства. Однако нынешнее китайское руководство, для которого великодержавный шовинизм и гегемонизм оказались предпочтительнее гуманистических идеалов марксизма-ленинизма, отвергло лозунг «Все для блага человека, все во имя человека». Создание могучего государства происходит за счет и вопреки коренным нуждам китайского народа.

Заморожен рост жизненного уровня китайского народа, заторможено социальное и культурное развитие китайского общества и формирование политического сознания и самосознания самого прогрессивного отряда китайского народа — рабочего класса. Проводимая в настоящее время технико-экономическая политика противоречит объективным экономическим законам. Все это не может пройти бесследно для будущего Китая.

Ф. Энгельс писал о роли государства в экономическом развитии: «Обратное воздействие государственной власти на экономическое развитие может быть тройного рода. Она может действовать в том же направлении, что и экономическое развитие. Тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Но ясно, что во втором и в третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и породить растрату сил и материалов в массовом количестве» [7, 417].

История КНР свидетельствует, что экономически не-

грамотное пекинское руководство прямо противодействовало экономическому развитию, развязывая длительные политические и идеологические кампании, не имеющие ничего общего с идеалами марксизма-ленинизма, интересами социализма и чаяниями китайского народа. Впрочем, и в относительно «спокойные» периоды оно не действовало в интересах народа и в соответствии с экономическими законами. Нынешние китайские руководители всегда ставили преграды для роста производства средств потребления и той части производства средств производства, которое необходимо для роста производства средств потребления, препятствовало социальному развитию общества, развитию рабочего класса.

Рост мощи непроизводительного военно-промышленного комплекса, массовое строительство бомбоубежищ и тому подобных сооружений, колоссальные затраты времени на военную подготовку значительной части взрослого населения — все это является прямой растратой сил и средств, сил китайского народа и материальных ресурсов общества. Расширенное воспроизводство традиционных кустарных предприятий с примитивным оборудованием — воспроизводство несовременных форм промышленности — в нынешних его формах и масштабах причиняет экономическому развитию немалый вред и также приводит к растрате сил и материалов в массовом количестве. Однако в глазах нынешнего китайского руководства все эти издержки являются необходимыми для того, чтобы в максимально короткие сроки построить «могучий Китай», для того, чтобы «усиливать оборону и быть готовыми воевать», как объяснил Чжоу Энь-лай 13 января 1975 г. на сессии ВСНП. Однако известно, что на Китай никто не собирается нападать, и в этих условиях установка Чжоу Энь-лая «быть готовыми воевать» выглядит зловеще.

Несомненно, что начавшийся в мире процесс разрядки международной напряженности не может быть остановлен внешнеполитическими акциями нынешнего пекинского руководства. Нет также сомнений в том, что за попытку построения гегемонистского «могучего Китая» китайскому народу придется платить дорогой ценой. К. Маркс писал, что одного и того же экономического эффекта при одинаковых затратах на производство и рабочую силу можно достичь не только расширенным

воспроизводством полноценной рабочей силы, но и «рядом сменяющихся хилых поколений» [1, 150]. Разделение экономики КНР на два сектора — современный высокопроизводительный, работающий на создание «могучего Китая», и несовременный низкопроизводительный, удовлетворяющий текущие нужды народа, — свидетельствует о том, что пекинское руководство делает ставку на «ряд сменяющихся хилых поколений».

Однако рабочий класс Китая пассивно и активно сопротивляется политике нынешнего руководства страны. Признание в новой конституции КНР, принятой ВСНП IV созыва, прав рабочих на оплату по труду и крестьян — на приусадебные участки, кампания по пересмотру тарифных разрядов косвенно отражают силу этого сопротивления. Сразу же после сессии ВСНП началось новое наступление на коренные права трудящихся КНР: кампания «по ограничению буржуазных прав».

Несомненно, что борьба трудящихся против нынешнего руководства КНР будет продолжаться и результат ее в большой исторической перспективе представляется однозначным. Маоисты, вынужденные развивать современную промышленность и «осовременивать» несовременную объективно способствуют росту рядов фабрично-заводских рабочих. Экономическая необходимость заставляет и будет заставлять дальше количественно и качественно развивать рабочий класс Китая. Несмотря на все ухищрения и демагогическую пропаганду маоистов, в КНР чем дальше, тем больше будет идти процесс превращения рабочего класса из «класса в себе» в «класс для себя», и в этом — залог будущего развития всего китайского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ В качестве примера использования косвенных данных для экономического анализа современного Китая см., в частности: [53].

Глава I

¹ Эта существенная оговорка относится, естественно, ко всем последующим случаям употребления нами термина «кустарная промышленность», к чему нас вынуждает характер источника и использованной литературы.

² Автор разделяет концепцию Ю. А. Васильчука о роли средней сложности рабочей силы в современной промышленности и о разнице между политэкономическими категориями сложной и квалифицированной рабочей силы [см. 23, 64].

³ По данному вопросу академик С. Г. Струмилин писал: «Существует еще предрассудок, что подлинную профессию или специальность могут образовывать лишь такие навыки, которые являются плодом долгой и основательной выучки. Но какой же именно? Нужно ли для этого год, шесть месяцев, две недели или четыре часа? На это нет ответа. Но его и не нужно» [72, 13].

⁴ В 1952 г. в Китае насчитывалось 27 527 предприятий, относимых к современной промышленности [см. 17, 114]. Не более чем на двух тысячах из них в 1955 г. работало по 500 и более человек [см. 102, 27].

⁵ Так, согласно официальной китайской статистике, называются предприятия, основные фонды которых превышают 3 млн. юаней.

⁶ 156 сверхлимитных предприятий, в число которых входили наиболее мощные, современные предприятия (металлургические комбинаты, заводы тяжелого машиностроения, тракторный и автомобильный заводы) были построены с помощью Советского Союза. В первой пятилетке были созданы совершенно новые для Китая отрасли промышленности: автомобилестроение, самолетостроение, приборостроение, тяжелое и энергетическое машиностроение и др. [см. 48, 71, 73—74].

⁷ Согласно данным коллективной монографии «Китайская Народная Республика», в 1956 г. на тысячу рабочих в Китае приходилось 82 инженера и техника [48, 75].

⁸ О своеобразном «склеротировании» производственных процессов в условиях автоматизированного производства пишет, например, А. А. Зворыкин [см. 43, 22].

⁹ Как правило, автоматизация возможна и экономически оправдана там, где используется неизменная технология (например, химические реакции) и выпускаемая продукция при стабильном качестве и внешнем виде в течение длительного периода времени имеет неизменный спрос (например, углеводородные фракции при перегонке нефти, хлеб в хлебопечении и т. п.). Продукция такого рода чаще всего — сырьевые материалы для последующей переработки: сталь и другие металлы, электроэнергия, традиционные пищевые продукты, бумага и т. д.

¹⁰ В 1970 г. в США было произведено: стали — 119,38 млн. т, алюминия — 3607 млн. т, электроэнергии — 1 638,01 млрд. квт·ч, сырой нефти — 632,9 млн. т [117, 288, 289, 349, 267] при количестве производственных рабочих: в производстве стали — 689 тыс. человек, переработке нефти — 90 тыс., добыче нефти и газа — 176 тыс., производстве электроэнергии — 243 тыс., производстве цветных металлов — 192 тыс. человек [116, 219, 221].

¹¹ На ВАЗ'е в г. Тольятти работает 70 тыс. человек промышленно-производственного персонала при запроектированной мощности 660 тыс. автомобилей в год. Причем в эту цифру входят не только конвейерно-поточные рабочие, но и непроизводственный персонал, ИТР, рабочие подсобных и вспомогательных производств.

¹² В коллективной монографии «Китайская Народная Республика» относительно уровня развития Китая в 1965 г. говорится: «Для промышленности в целом по-прежнему характерна относительно низкая техническая вооруженность труда, большой удельный вес немеханизированных процессов» [48, 102]. По мнению М. И. Сладковского, для Китая 1970—1971 гг. в целом характерна техническая отсталость [см. 71а, 53].

¹³ Например, электронная промышленность КНР состоит из 200 небольших и средних заводов [см. 148].

¹⁴ Журналисты, совершившие в мае 1972 г. поездку в пров. Хэнань и побывавшие на многих промышленных предприятиях Чжэнчжоу и Лояна, не пишут, например, о конвейере или автоматических линиях на лоянском тракторном заводе. Последний при 23 тыс. рабочих и служащих выпускает в год 22 тыс. тракторов и бульдозеров. Лоянский шарикоподшипниковый завод имеет только один полностью автоматизированный цех, из 12,5 тыс. занятых на нем — лишь 7 тыс. рабочих основного производства. На Лоянской фабрике резиновой обуви работает конвейер и полуавтоматы, при общей численности промышленно-производственного персонала в 485 человек здесь производится 2,4 млн. пар обуви в год. Известный американский обозреватель Дж. Олсол, посетивший в конце 1972 г. большое количество предприятий в Сычуани и Юньпани, пишет, что он не видел ни одного конкурентоспособного предприятия и лишь одно предприятие имело поточную линию европейского типа [см. 136, 56].

Глава II

¹ Следует отметить, что стремление отдельных группировок проводить подобную политику в масштабах всей страны возникло уже в 50-х годах. Например, именно под таким углом зрения Бо И-бо

говорил о роли мелких и средних предприятий еще в докладе о выполнении государственного плана за 1956 г. и проекте плана на 1957 г.

² В тех случаях, когда начинает в определенной области действовать механизм стихийных рыночных отношений, становится совершенно очевидным, что за свою рабочую силу китайский крестьянин получает в несколько раз меньше ее фактической стоимости. Об этом можно судить по отдельным сообщениям китайской прессы. Так, например, в «Жэньминь жибао» в январе 1974 г. была напечатана статья, из которой явствовало, что некий секретарь ячейки КПК одной из «коммун» в уезде Сиянь (том самом, где находится Дачжай — «образец» для всего сельского Китая) отпускал крестьян на работу в город при условии выплаты «коммуне» за каждый день такого «отгула» двух юаней. Ясно, что реальный заработок таких отходников был выше, так как что-то оставалось и им самим (иначе они, понятно, на такую «сделку» не пошли бы). Но будем исходить только из известных величин, заранее зная, что они не показывают всей картины.

В так называемых же «менее процветающих коммунах», согласно сведениям Дж. Олсопа [см. 90], крестьяне получают в год 70 юаней (деньгами и натуроплатой), что составляет не менее 60% стоимости произведенных ими работ. Следовательно, годовой доход «коммуны» с одного работающего — около 28 юаней. В рассматриваемом же нами примере «коммуна» имела с одного отходника 600 юаней в год (при 300 рабочих днях), т. е. примерно в 20 раз больше. Причем крестьянин — специалист в сельскохозяйственном производстве, — становясь отходником, работает, как правило, грузчиком.

Таким образом, даже менее квалифицированный труд, оплаченный по городским расценкам, оказывается в 10—20 раз доходнее крестьянского.

³ Определяя эту цифру, мы исходим из того, что низшая заработная плата рабочих на современных крупных предприятиях равна 30—34 юаням в месяц [см. 120, 149], а низшая заработная плата ученика на промышленном предприятии — 10 юаням. Вряд ли возможно, что реальная заработная плата рабочих местной промышленности (а для многих из них она составляет лишь половину номинальной, так как вторая половина перечисляется в фонд приславших их «коммун») была ниже заработной платы ученика.

Глава III

¹ П. Пиковиц, посетивший Юг, Центр и Запад Китая, отмечает, что, если в пригородных шанхайских «коммунах» имеются не только начальные, но и средние школы, то в «более отдаленных районах за всеобщее начальное образование и полную грамотность еще только борются» [107, 116]. Иными словами, пригороды Шанхая, в отличие от других районов, могут выделить рабочую силу достаточной средней сложности.

² Этот вывод находит свое подтверждение и в содержании уже упоминавшейся выше книги по экономике КНР, вышедшей в декабре 1972 г. [81]. В ней собраны практически все цифровые данные, которые были опубликованы в Китае с начала «культурной рево-

люции»; по интересующему же нас вопросу сообщается в основном об успехах мелких предприятий промышленности химических удобрений, цементной промышленности и сельскохозяйственного машиностроения, а также мелких электростанций.

³ Соответствующая пропагандистская кампания проводится в Китае в последние годы весьма интенсивно (в «Жэньминь жибао» имеется специальная рубрика, где пропагандируется опыт создания запасов зерна на низовых уровнях: в уездах, «коммунах», бригадах и даже семьях). Однако практические ее успехи вряд ли значительны. Так, агентство Синьхуа в одном из своих сообщений в декабре 1972 г. назвало «огромными» четырехмесячные запасы зерна, накопленные в некоем уезде. По-видимому, подобные запасы создаются за счет не только прибавочного, но и части необходимого продукта. Вполне естественно поэтому, что описываемая кампания явно не вызывает энтузиазма у широких народных масс. Не случайно китайская печать в последнее время резко критикует сложившийся у многих стереотип сознания, согласно которому «потреблять государственное зерно — законно» [142, 3.XII.1973].

⁴ В принципе указанное основное исходное положение верно, однако у Хосино оно выступает в чрезмерно абсолютизированном виде. Автор не учитывает, что переход от одной формации к другой в экономическом плане совершается в длительные исторические сроки, и поэтому между техникой формаций не может не существовать преемственности. Указанные моменты имеют непосредственное отношение и к социализму, который, как известно, представляет собой не самостоятельную формацию, а первую фазу коммунистической формации.

⁵ Подобные иллюзии рождаются у буржуазных наблюдателей, весьма обеспокоенных нарушением экологического равновесия в развитых капиталистических странах, при их столкновении с реальным фактом — значительно меньшей, чем на Западе, загрязненностью окружающей среды в Китае.

⁶ О процессах, вызываемых урбанизацией, см., например, [18, 47].

⁷ Следует отметить, что по этой программе индустриализация села должна была проходить отнюдь не исключительно методом «опоры на собственные силы».

Глава IV

¹ По данным «Ойл энд гэз джорнел», сооружен магистральный нефтепровод Шэньян — Люйда [см. 133].

² При строительстве новых предприятий ремонтно-механический завод, цех или мастерская, как правило, строятся в первую очередь.

³ В нашей стране на первых электронно-вычислительных машинах работали не просто инженеры, а выпускники механико-математического факультета МГУ. Сейчас же на них работают бывшие десятиклассники.

⁴ Этот момент делает опыт Дацина весьма ценным в методическом плане — с точки зрения общей оценки осуществляемой в настоящее время в Китае технико-экономической политики. Действительно, в ряде конкретных случаев или аспектов методы ее проведения в реальных китайских условиях оказываются вполне уместными.

Так, уже отмечалось, что промышленные и кустарные предприятия Китая оснащены разнообразным и разностильным оборудованием, как зарубежным, так и отечественным. Необходимость сочленения (и ремонта) такого оборудования неизбежно порождает потребность в промежуточных приспособлениях, переделках «кустарным способом», «своими силами». В таких условиях «техническое новаторство» позволяет прежде всего наладить производство и является жизненно необходимым для развития страны.

«Комплексное использование», экономически целесообразное только при определенном уровне техники и технологии, всегда выгодно по большому общечеловеческому счету с точки зрения сохранения экологического равновесия.

Но все эти обстоятельства не должны заслонить (как это случается у некоторых буржуазных синологов) целей технико-экономической политики нынешнего руководства КНР, ее антинародной и антинаучной сути.

⁵ В этих печатных материалах речь шла о бригаде Ван Те-жэня («Железного» Вана, он же Вань Мань, он же Ван Цзинь-си), всячески рекламируемой маоистской пропагандой. Сам Ван ею объявляется «символом Дацина», «образцом рабочего для всей страны».

⁶ На заводах, построенных до 60-х годов, иное соотношение мощности и числа работающих. Например, на заводе «Бритиш Петролеум» в Кенте, мощность которого 10 млн. т [119, 129], трудятся 2,5 тыс. рабочих и служащих [118, 384].

На построенных же в наши дни нефтеперерабатывающих предприятиях при мощности в 5—10 млн. т штат составляет 500—1000 человек.

⁷ В связи с этим стоит обратить внимание на любопытную деталь, характерную для материалов китайской прессы о Дацине. В них постоянно упоминается, что рабочие, ИТР и кадровые работники «принимают участие в полевых работах», но никогда не указывается продолжительность этой работы. В то же время, когда речь идет о физическом труде на производстве, сведения становятся более конкретными. Так, о дацинских кадровых работниках сообщалось, что «в 1965 г. каждый из них работал в среднем 12,5 дня в месяц по приобретенной специальности» [145].

⁸ Потребность в большей численности рабочей силы (до 35%) в этом случае может возникнуть вследствие того, что время на подготовительно-заключительные операции остается постоянным при рабочем дне любой длительности.

⁹ Если НПЗ, занимающий довольно значительную площадь, поместить над месторождением, то надо либо ставить вышки на территории завода, что, по сути дела, невозможно, либо вести наклонное бурение, связанное с большими издержками. Наклонное бурение, применяемое по необходимости при разработках старых месторождений, нецелесообразно на новых месторождениях. Кроме этого существует ряд других неудобств от чрезмерно близкого соседства нефтепромыслов и НПЗ.

¹⁰ Данное предположение не подтверждается и не отрицается наличными фактами и основано только на общих закономерностях стихийного и полустихийного развигия небольших городов, связанных с одним основным предприятием.

¹¹ В 1966 г. в уже переведенный в Дацин из Пекина и начавший функционировать нефтяной учебный институт должны были приехать дополнительно 1400 преподавателей и служащих.

¹² Этот факт, взятый сам по себе, позволяет думать, что главное в Дацине — сельское хозяйство, поэтому сюда и брошены крупные трудовые ресурсы (вспоминается лозунг «Сельское хозяйство — основа...»). Однако, по определению мэра Дацина, находящийся в его ведении комплекс «действительно народная коммуна, но она значительно больше простой народной коммуны и базируется не на сельском хозяйстве, а на важнейшей отрасли промышленности» [130, 27]. Но если хозяйство основывается на промышленности, то введенное нами соотношение говорит о низкой производительности труда в сельскохозяйственном секторе.

¹³ Действительно, как было показано, китайская деревня не имеет возможности создавать накопления за счет основного производства. Подъем сельского хозяйства осуществляется за счет жесткой организации, внеэкономического принуждения, административно-командных методов управления и, главным образом, за счет несельскохозяйственной деятельности. Пригородные уезды крупных городов развиваются также за счет дотаций городов, выражающихся в содействии развитию несовременных форм промышленности и в перебросках рабочей силы.

Казалось бы, и в Дацине определяющими факторами в развитии сельского хозяйства должны быть усиленное содействие основного производства в развитии несовременных форм промышленности и расширенное участие рабочих-нефтяников и нефтехимиков в традиционном производстве сельских районов. Однако нет ни одного сообщения об использовании в сельском хозяйстве и подсобных промыслах технических средств нефтепромыслов и НПЗ (речь обычно идет об «участии» в сельскохозяйственном труде кадровых работников и рабочих). Более того, самообеспечение продуктами питания было достигнуто в Дацине до того, как окончательно оформился промышленный комплекс. Иными словами, самообеспечение было достигнуто тогда, когда основное производство имело много своих нужд и вряд ли располагало «лишней» техникой и рабочей силой.

¹⁴ В коллективной монографии «Китайская Народная Республика» оба рассмотренных выше факта трактуются несколько неточно. Авторы книги пишут: «Средняя месячная заработная плата в Дацине достигала 120 юаней, т. е. была в 2 раза выше, чем в среднем по стране. Кроме того, рабочие и служащие дополнительно получали „надбавку за дальность“» [48, 107]. Далее вопросы оплаты труда в Дацине больше не рассматриваются. Таким образом, получается, будто все труженики Дацина получают двойную зарплату, а надбавку за дальность имеют там все рабочие и служащие.

¹⁵ Один из первых иностранцев, допущенных в Дацин, корреспондент агентства Рейтер Дж. Шарп отметил наличие там большого количества техники и автомашин, импортированных из Европы.

¹⁶ Интересно отметить известное сходство принципов Дацина с древнейшей в Китае социальной утопией — системой «колодезных полей», описанной Мэн-цзы [см., например, 40, 236]. С социальной точки зрения Дацин можно исследовать с разных сторон — искать и находить сходные черты с системами Кампанеллы, Мора, Морелли,

Бабефа, Сен-Симона, Фурье и Оуэна, с иезуитским государством в Парагвае и др. Однако наличие тех или иных элементов сходства в данном случае лишь свидетельствует, что в разные времена человеческая мысль приходила к аналогичным решениям. Этот факт по-своему интересен и может стать объектом самостоятельного исследования, но не может способствовать глубокому вскрытию сути специфического явления, ибо у каждого феномена утопического социализма свои корни, свой внутренний «стержень». У Дацина он, на наш взгляд, остается в опыте Яньани.

¹⁷ Положение о «неизбежности» войны китайского народа с империализмом и «социал-империализмом» официально провозглашалось руководством КНР и на X съезде КПК, и с трибуны ООН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль,— т. 16 *.
2. Маркс К. Капитал, т. I,— т. 23.
3. Маркс К. Капитал, т. IV,— т. 26, ч. 1.
4. Маркс К. Нищета философии,— т. 4.
5. Энгельс Ф. В. Боргиусу от 25.1.1894,— т. 39.
6. Энгельс Ф. Из Парижа в Берн,— т. 5.
7. Энгельс Ф. Конраду Шмидту 27.X.[1890],— т. 37.
8. Энгельс Ф. Принципы коммунизма,— т. 4.
9. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов,— т. 44.
10. Ленин В. И. О нашей революции,— т. 45.
11. Ленин В. И. Развитие капитализма в России,— т. 3.
12. Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1973.
13. Акимов В. И. Кустарная промышленность и ее роль в экономике КНР,— сб. «Современный Китай», М., 1972.
14. Анисимов А. Н. К вопросу о расчете динамики численности рабочих и служащих КНР,— сб. «Проблемы изучения рабочего класса в Китае. Тезисы и материалы к научной конференции», ч. I, М., 1972.
15. Анисимов А. Н. О некоторых сторонах проблемы автономизации города от деревни,— сб. «Четвертая научная конференция „Государство и общество в Китае“. Тезисы и доклады», вып. II, М., 1973.
16. Архимед, Псаммит, М.—Л., 1932.
17. Астафьев Г. В. Проблемы промышленного развития КНР в первой пятилетке,— сб. «Современный Китай», М., 1972.
18. Ахизер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция,— ВФ, 1969, № 2.
19. Блауберг И. В. Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода, М., 1973.
20. Ванين В. И. Государственный капитализм в КНР, М., 1974.
21. Васильчук Ю. Борьба пролетариата и современная технологическая перестройка материального производства,— РКиСМ, 1971, № 4.

* Работы К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

22. Васильчук Ю. А. Диалектика развития производительных сил,— ВФ, 1971, № 9.
23. Васильчук Ю. А. Некоторые теоретические вопросы современного развития капиталистического крупного машинного производства, промышленного капитала и промышленного пролетариата,— сб. «Соревнование двух систем», М., 1970.
24. Васильчук Ю. А. Современная научно-техническая революция и промышленный пролетариат,— ВФ, 1969, № 1.
25. Ветров Б. О проблемах социальной структуры китайского рабочего класса в современный период,— сб. «Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае», ч. 1, М., 1972.
26. Волков Г. Н. У колыбели науки, М., 1971.
27. Вторая сессия VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, Пекин, 1958.
28. Ганшин Г. А. Экономика КНР, М., 1959.
29. Гельбрас В. Г. Антипартийная сущность социально-экономической политики группы Мао Цзэ-дуна,— «Политическое самообразование», 1969, № 5.
30. Гельбрас В. Г. К вопросу о становлении военно-бюрократической диктатуры в Китае,— НАА, 1968, № 1.
31. Гельбрас В. Г. Китай: кризис продолжается, М., 1973.
32. Гельбрас В. Г. Некоторые вопросы развития рабочего класса современного Китая,— НАА, 1972, № 3.
33. Гельбрас В. Г. Об антипартийной сущности новых органов власти в Китае,— РКиСМ, 1972, № 5.
34. Гельбрас В. Г. Проблемы изучения рабочего класса в Китае и «культурная революция»,— сб. «Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае. Тезисы и материалы к научной конференции», ч. 1, М., 1972.
35. Гельбрас В. Г. Социально-экономический очерк,— сб. «Китай сегодня», М., 1969.
36. Гидаши Г. К исследованию проблем социально-экономического развития КНР в Венгерской Народной Республике,— сб. «Современный Китай», М., 1972.
- 36а. Гудошников Л. М. Политический механизм Китайской Народной Республики, М., 1974.
37. Делюсин Л. П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК, М., 1972.
38. Делюсин Л. П. Спор о социализме, М., 1970.
- 38а. Демидова Л. Сфера услуг США: монополии и мелкий бизнес,— МЭиМО, 1973, № 3.
39. Дилигенский Г. Г. Научно-техническая революция и социальное развитие рабочего класса,— МЭиМО, 1973, № 3.
40. Древнескитайская философия (собрание текстов в двух томах), т. I, М., 1972.
41. Ежегодник БСЭ, М., 1971.
42. Занегин А. Г. Оптимальные пропорции между накоплением и потреблением, М., 1970.
43. Зворыкин А. А. Научно-техническая революция и ее социальные последствия, М., 1967.
44. Иванов Н. П. НТР и вопросы подготовки кадров в развитых странах капитализма, М., 1971.
45. Кваша Я. Концентрация производства и мелкая промышленность,— ВЭ, 1967, № 5.

46. Келлер А. А., Сухомлинов П. Ф. Нефть, газ и химия, М., 1965.
47. Китай сегодня, М., 1969.
48. Китайская Народная Республика, М., 1970.
49. Коновалов Е. А. Социально-экономические аспекты проблемы народонаселения КНР,— сб. «Современный Китай», М., 1972.
50. Коновалов Е. А. Социально-экономические последствия «большого скачка» в КНР, М., 1968.
51. Корни нынешних событий в Китае, М., 1968.
52. Кульпин Э. С. Об экономической и социальной сущности «опыта Дацина»,— сб. «Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае. Тезисы и материалы к научной конференции», ч. II, М., 1972.
53. Кульпин Э. С., Анисимов А. Н. К вопросу об анализе косвенных экономических данных,— сб. «Четвертая научная конференция „Общество и государство в Китае“. Тезисы и доклады», вып. III, М., 1973.
- 53а. Лыкошин А. С. Военные поселения,— сб. «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», т. II, М., 1911.
54. Львов Д. К вопросу определения эффективности новой техники,— ВЭ, 1972, № 9.
55. Маневич Е. Л. Проблемы общественного труда в СССР, М., 1966.
56. Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа, М., 1957.
57. Масленников В. А. Экономический строй КНР, М., 1958.
58. Материалы VIII съезда КПК, М., 1956.
59. Мельников А., Зонов С. Рабочий класс и его союзники,— МЭиМО, 1970, № 9.
60. Мугрузин А. С. Аграрные отношения в Китае в 20—40-х годах XX века, М., 1970.
61. Муромцева З. А. Проблемы индустриализации КНР, М., 1971.
62. Новейшая история Китая, М., 1972.
63. Планирование народного хозяйства СССР, М., 1968.
64. Полянский Ф. Я. Товарное производство в условиях феодализма, М., 1972.
65. Развитие народного хозяйства Китайской Народной Республики (Статистические данные), М., 1956.
66. Румянцев А. М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна», М., 1972.
67. Румянцев А. М. О сущности «идей Мао Цзэ-дуна», М., 1968.
68. Румянцев А. М. О сущности политэкономических воззрений Мао Цзэ-дуна,— РКиСМ, 1971, № 4.
69. Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем, М., 1957.
70. Сладковский М. И. Социально-экономический строй современного Китая,— сб. «Современный Китай», М., 1972.
71. Сладковский М. И., Кривцов В. А., Астафьев Г. В. Антимарксистская сущность взглядов и политика Мао Цзэ-дуна, М., 1969.
- 71а. Современный Китай, М., 1972.

72. Струмилин С. Г. К вопросу о классификации труда,— «Избранные произведения», т. III, М., 1964.
- 72а. Струмилин С. Г. К изучению оплаты и производительности труда,— «Избранные произведения», т. III.
73. Струмилин С. Г. Народно-хозяйственное значение образования,— «Избранные произведения», т. III, М., 1964.
74. Струмилин С. Г. Об изучении уровня производительных сил,— «Избранные произведения», т. III, М., 1964.
75. Струмилин С. Г. Физический и «моральный» износ средств труда,— «Избранные произведения», т. IV, М., 1964.
76. Сухарчук Г. Д. О социально-экономических взглядах Мао Цзэ-дуна, М., 1970.
77. Широкова Э. А. Система организации труда «и рабочий и крестьянин» в КНР,— НАА, 1969, № 9.
78. Ямпольский С., Галуза С. Экономические границы применения новой техники,— ВЭ, 1972, № 7.
79. Яно С. Японская экономика на пороге XXI века, М., 1972.
80. Вогоды гоминь цзиньцзи цзяньшэ хэ жэньминь шэнхо (Народнохозяйственное строительство и жизнь народа в Китае), Пекин, 1958.
81. Вомэнь чжэнцзай цянъцзинь. Вого шэхуйчжуи цзяньшэ ды гуанхуй чэньцзю (Мы движемся вперед. Блестящие успехи нашей страны в социалистическом строительстве), Пекин, 1972.
82. Ли Фэн, Нули шисянь нунъе цзисехуа (Упорно осуществлять механизацию сельского хозяйства),— «Хунци», 1973, № 4.
83. Ли Фэн, Фачжань гунъе чжиюань нунъе (Развивать промышленность, оказывать помощь сельскому хозяйству),— «Хунци», 1973, № 2.
84. Сяо Е-хуй, Ицзюции няньды далу цзинцзи цинши (Китайская экономика в 1971 г.),— «Чжунгун яньцзю», Тайбэй, т. 6, 1972, № 2.
85. Хун Юань, Гунчаньданъюань яо цзяцян цзилюйсин (Коммунисты должны усилить дисциплинированность),— «Хунци», 1974, № 1.
86. Хэ Жу, Шоугунъе цзай во го гоминь цзинцзи чжунды цзицзи цзоюн (Активная роль кустарной промышленности в народном хозяйстве страны),— «Жэньминь жибао», 30.VI.1964.
87. Цзянь Хань, Фачжань нунъе яою игэ хэнь дады чаньцзинь (Развивая сельское хозяйство, нужно иметь большой энтузиазм),— «Хунци», 1973, № 4.
88. Чжао Янь-чжан, Икао цюньчжун, цзякуай нунъе фачжань ды буфа (Опираясь на массы, ускорить поступь развития сельского хозяйства),— «Хунци», 1974, № 1.
89. Чжун Ли-чэн, Цзай Мао чжуси гэмин лусянь чжиинь ся вого шэхуйчжуи цзяньшэ цюдэ гуанхуй чэньцзю (Следуя революционной линии председателя Мао, наша страна достигла блестящих успехов в социалистическом строительстве),— сб. «Вомэнь чжэньцзай цянъцзинь. Вого шэхуйчжуи цзяньшэ ды гуанхуй чэньцзю» («Мы движемся вперед. Блестящие успехи нашей страны в социалистическом строительстве»), Пекин, 1972.
90. Alsop J. Doing it Yourself— «The New York Magazine», 1973, March 18, Section 6.

91. Andors S. Revolution and Modernization: Man and Machine in Industrializing Society. The Chinese Case,—«American Asia Dissenting Essays on Asian-American Relations», New York, 1971, № XX.
- 91a. A Visit to the Tungting People's Commune,—«Peking Review», 1973, № 13, 15, 16.
92. Barnett R. W. China and Taiwan: The Economic Issues. Foreign Affairs,—«An American Quarterly Review», vol. 50, 1972, April.
93. Benites F. Ma Lou. Apuntes Sobre una commune China,—«Siempre» (Mexico), № 1050, 1973.
94. Berger R. Chinese Economic Planning,—«Broadsheet», vol. 11, 1974, № 4.
95. Berger R. Small Factories Retain their Important Role,—«Trade with China»,—«The Times», 2.X.1974.
96. Chao Kang, Agricultural Production in Communist China 1949—1965, Madison (Wis.), 1970.
97. Davies D. China: A New Impatience,—«Far Eastern economic review», 1973, April 23.
98. Dean G. C. China's Technological Development,—«New Scientist», vol. 54, № 796.
99. Dean G. C. Science and the thought of chairman Mao,—«New Scientist», 1970, February 12, vol. 45, № 688, 1970.
100. Field R. M. Chinese Provincial Date,—«The China Quarterly», 1970, № 44.
101. Hoshino Yoshio, China's Technological Line during the Cultural Revolution,—«The Developing Economies», Tokio, vol. II, № 1, 1973.
102. Ishikawa Shigeru, Choice of Techniques in Mainland China,—«The Developing Economies», 1962, № 2.
- 102a. Mazuzen Oil K°, [б. м.], [б. р.].
103. Ma Feng-hwa, Why China Imports Wheat,—«China Quarterly», № 45, 1971.
104. Meyer F. Die Dämonen kommen zurück,—«Spiegel», 18.III, 25.III.1974.
105. Oksenberg M. Getting Ahead along in Communist China: the Ladder of Success on the Eve of the Cultural Revolution,—сб. «Party leadership and revolutionary power in communist China», London, 1970.
106. Oldham C. H. G. Science and Technology Policies,—«Proceedings of the Academy of Political Sciences», New York, vol. 31, № 1, 1973.
107. Picowicz P. Inside China Today,—«The Progressive» (Madison), vol. 36, № 1, 1972.
108. Printz P. The Chen Family still has Class,—«The New York Times Magazine», 1973, October 14.
109. Printz P., Steinle P. Life in a People's Commune,—«The Asia magazine», vol. 13, № 13, vol. 14, № 14, 1974.
110. Prybyla J. S. The Political Economy of Communist China, Seranton, 1970.
111. Richman B. Economic Development in China and India: Some Conditioning Factors,—«Pacific affairs», Vancouver, vol. 45, № 1, 1972.

112. Richman B. M. Industrial Society in Communist China, New York, 1969.
113. Riskin K. Small Industry and Chinese Model of Development,— «China Quarterly», № 46, 1971.
114. Sigurdson J. Report from China: Rural Industry,— «Travelers View»,— «China Quarterly», № 50, 1971.
115. Sigurdson J. Rural Economic Planning,— «Proceedings of the Academy of Political Sciences», vol. 31, № 1, 1973.
116. Statistical abstract of the US, 1971, Washington, 1971.
117. Statistical Yearbook 1971, UN, New York, 1972.
118. UK Kompas, London, 1969.
119. Walter R. Scinner's, Oil and Petroleum Yearbook, 1970—1971, London, 1971.
120. Watson A. J. Report from China: The Guiders and the Guided,— «China Quarterly», London, 1972, № 49.
121. Wittfogel K. A. Communist and Non-Communist Agrarian Systems with Special Reference to the USSR and Communist China; a Comparative Approach,— «Agrarian Policies and Problems in Communist China», 1971.
122. Wu Yuan-li, Farm Crisis in Red China,— «Current History», Philadelphia, vol. 43, № 253, 1962.
123. Wu Yuan-li, The Third Five-Year Plan: an Economic Dilemma,— «Current History», Wilton, vol. 51, № 301, 1966.
124. Yearbook of National Accounts Statistics, 1970, vol. 1. Individual Country Data United Nations, New York, 1972.
125. Yu C. The Local Industry and Its Impact on the Agricultural Development in China. A Report on 23 Countries in 9 Provinces and 1 Autonomous Region.— «Asia Quarterly», 1971, № 4.

ЖУРНАЛЫ

126. «Лаодун», 1959.
127. «Хунци», 1958—1975.
128. «Цзинцзи яньцзю», 1964.
129. «Чжунгун яньцзю», т. 6, № 2, 1972.
130. «China-Analysen», 1968, November.
131. «China News Analysis», № 883, 1972.
132. «Eastern Horizon», vol. 10, № 5, 1971.
133. «Oil and Gas Journal», № 40, 1970.
134. «Peking Review», 1973.
135. «Progressive», 1972.
136. «New York Times Magazine», 18.III.1973.

ГАЗЕТЫ

137. «Дружба», 1959.
138. «Литературная газета», 29.I.1975.
139. «Правда», 16.II.1973.
140. «Бэйцзин жибао», 22.XI.1972.
141. «Дагун бао», 18.V.1959.

142. «Жэньминь жибао», 1957—1975.
143. «Нэймэнгу жибао», 16.IV.1972.
144. «Цзефан жибао», 3.I.1966.
145. «Чжэцзян жибао», 3.I.1966.
146. «Шаньси жибао», 29.III.1966.

147. «Times», 21.III.1973.
148. «Washington Post», 21.V.1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВФ	— «Вопросы философии»
ВЭ	— «Вопросы экономики»
МЭиМО	— «Мировая экономика и международные отношения»
НАА	— «Народы Азии и Африки»
РКиСМ	— «Рабочий класс и современный мир»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. Формы промышленности и рабочая сила</i>	<i>8</i>
Выбор методики анализа производства	10
Несовременные формы промышленности	15
Современные формы промышленности	30
<i>Глава II. Стратегические установки руководства КНР</i>	<i>44</i>
Стратегические установки	45
Подготовка рабочей силы. Место рабочего класса в обществе	62
Распределение доходов	73
<i>Глава III. Некоторые аспекты технико-экономической политики (1970—1973 гг.)</i>	<i>91</i>
Строительство мелких и средних предприятий на уездном уровне	91
«Опора на собственные силы» (Миф о «новой форме техники» в КНР)	107
Миф об эгалитаризме в Китае	129
<i>Глава IV. Образец китайского «пути» индустриализации</i>	<i>141</i>
О «новом пути индустриализации»	143
Анализ численности занятых в процессах добычи и переработки нефти в Дацине	150
Дацин-город, Дацин-деревня	156
Условия жизни и работы в Дацине	163
О «коммунизме» по-маоистски	170
Заключение	180
Примечания	184
Литература	191
Список сокращений	198

Эдуард Сальманович Кульпин

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
РУКОВОДСТВА КНР
И РАБОЧИЙ КЛАСС
КИТАЯ

*Утверждено к печати
Институтом международного
рабочего движения
Академии наук СССР*

*

Редактор *В. Б. Меньшиков*
Младший редактор *Р. Г. Селиванова*
Художник *Е. В. Бекетов*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *В. М. Кочегкова*

*

Сдано в набор 4/V 1975 г.
Подписано к печати 15/X 1975 г.
А-09729. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2
Печ. л. 6,25. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10,8
Тираж 4000 экз. Изд. № 3666
Зак. № 376. Цена 65 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, д. 28

Цена 65 коп.